

ЮНОСТЬ

1976

П. МАЛИНОВСКИЙ
(Москва).
Девушки Трехгорки.

**Из произведений
молодых художников.
См. в этом номере очерк «Сенеж-75»**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

*Активное участие
в выполнении десятой пятилетки
является важнейшим делом
Ленинского комсомола,
всей нашей молодежи.*

Из Проекта ЦК КПСС к XXV съезду
«Основные направления
развития народного хозяйства СССР
на 1976—1980 годы».

Журнал
основан
в
1955
году

1 (248)
январь
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ТВОЯ

Слетели первые листки с календаря нового, 1976 года, и еще не стихла музика новогодних балов, и елки зеленеют в каждом доме, а в разноголосие праздника все настойчивее вплетаются деловые ноты: начался отчет трудовым будням очередной, десятой пятилетки. По радио — о пятилетке. В школе, в каждом классе — о пятилетке. На заводе, в институте, колхозе, на стройке — серьезно, озабоченно — о новой пятилетке, о приближающемся ХХV съезду партии.

Приятно изучать цифры, определяющие развитие народного хозяйства на предстоящее пятилетие. Там все в миллиардах, миллионах, сотнях тысяч — таков размах! Приятно узнавать, что через два-три года по соседству с тобой отстроится жилой район, что скоро выпустят новую марку автомобиля, а родители высвободятся от лишних домашних хлопот — количество магазинов-кулинарий, химчисток и прачечных значительно увеличится за пятилетку. Однако план сообщает нам не просто о некоем механическом прибавлении благ. В нем обозначена деловая перспектива для всех советских людей на ближайшие пять лет, заложено задание для каждого из нас — **твоя пятилетка**.

В самом деле, ученый найдет для себя в плане наметки давно интересующей его научной проблемы; каторг будет разрешен в десятой пятилетке; строитель — адреса новых городов и строек, где ему придется работать; молодой рабочий — программу технического перевооружения своего родного завода; колхозник — меры, стимулирующие дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Каждая пятилетка имеет свое лицо, свой неповторимый облик. Десятая станет пятилеткой эффективности и качества.

Вот что записано в проекте ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»: «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства». Это вовсе не значит, что все предыдущие пятилетки нас мало заботили эти проблемы и только теперь мы решили основательно взяться за них. Сегодняшний курс на эффективность и качество говорит о том, что изменились — взрослели, стали разнообразнее — наши потребности, изменился и вырос советский человек. И все это не на пустом месте. Все это результат долгой и кропотливой работы своих дедов, отцов и старших братьев.

В двадцатые годы Михаил Иванович Калинин говорил: «Нужно снять последний пиджак и построить Волховстрой». В этой фразе отражалась вся суть тогдашней экономической ситуации. Попугалась, полураздетая страна, доставшаяся нам в наследство от недавнего прошлого, должна была в кратчайшие сроки стать крупнейшей индустриальной державой мира. И не самоцели ради. Мыслило ли было думать об успехах социализма без тяжелой индустрии? Возможно ли самое незначительное достижение в сельском хозяйстве или в производстве товаров первой необходимости без современных станков, машин и механизмов? Тогда мы сознательно шли на ограничение развития некоторых отраслей — лишили себя «пиджаков» и, собираясь с силами, строили, строили, создавая в самую первую очередь мощный индустриальный задел — ради успехов дня сегодняшнего.

Каких трудов это стоило, сколько героизма и пролетарской отваги было проявлено на хозяйственном фронте, ты знаешь, и по учебникам истории и из рассказов современников — очевидцев и участников событий тех лет. И наверняка тебе запомнились кадры кинохроники, снятые на Магнитке. На огромном пространстве до самого горизонта — людской муравейник. Люди с лопатами, носилками, тачками. Идут земляные работы. Там, где вполне мог бы справиться современный многоуковбой экскаватор, работает тысяча человек; успех дела достигался не умением (с помощью машин, которыми управляют высококвалифицированные работники), а в основном пока еще числом — физическими усилиями массы людей, вооруженных лопатой или киркой.

Лозунгом последних лет стали те же слова, но записанные в обратном порядке: «Не число, а умение». Нехитрая, казалось бы, перестановка отражает громадный социально-экономический сдвиг, масштабы которого тебе помогут оценить такие, например, факты:

— за девятую пятилетку объем промышленного производства увеличился на 43 процента;

— абсолютный прирост национального дохода составил 46 миллиардов рублей; около четырех пятых этого прироста получено за счет повышения производительности общественного труда;

ПЯТИЛЕТКА

— только сельское хозяйство получило в девятой пятилетке 1,7 миллиона тракторов и 1,1 миллиона грузовых автомобилей, на 15,8 миллиарда рублей сельскохозяйственных машин, почти 300 миллионов тонн минеральных удобрений.

Видишь, какие высоты мы сумели достичь всего за пятьдесят с лишним лет.

Теперь перед нами, перед тобой новые, еще более сложные задачи, и одна из главных — делать свое дело отлично.

«...Все наши усилия не дадут желаемого результата,— говорил Леонид Ильич Брежnev на XVII съезде комсомола,— если мы серьезно не поднимем качество работы во всех звеньях нашего хозяйства, на каждом рабочем месте. Качество работы — понятие очень емкое. Оно складывается из многих производственно-экономических факторов и вместе с тем охватывает широкий круг моральных про-блем».

В этих словах — высокая требовательность к тебе и твоим товарищам, кому, кто будет творить десятую пятилетку. Требовательность к вашим гражданским, моральным и профессиональным качествам.

Ты знаешь, что на современном предприятии, стройке сегодня уже мало знать «от сих до сих». Каждый день происходят большие или малые перемены в технологии, в оснащении, приемах и методах работы. И если ты не обновляешь знаний, если не расширяешь своего профессионального кругозора, рано или поздно отстанешь от хода жизни, и как работнику тебе будет грех просить.

Знаешь ты и о том, как по-разному можно относиться, скажем, к производственной норме. Для одного норма — предел, «потолок» — нечего выйти и прыгнуть. Для другого норма — вызов, толчок к поиску рациональных решений, к проявлению творческой инициативы, когда обнаруживается не только человек пытливого ума, но и настоящий гражданин, для которого успех общего дела превыше всего.

Выступая перед делегатами XVII съезда комсомола, Л. И. Брежнев раскрыл, насколько широко и многозначно понятие качества работы: «Это и четкая организация производства, строгий ритм трудового процесса, неукоснительное соблюдение технологии. Это экономное расходование материалов, бережное, хозяйствское, я бы сказал, любовное отношение к технике и, конечно же, сознательная, товарищеская дисциплина, обстановка взаимовыгодности и взаимопомощи в труде. С борьбой за качество несовместимы небрежность, расхлебанность, нерадивое отношение к делу».

Итак, судьба качества в десятой пятилетке во многом будет зависеть и от твоих индивидуальных качеств. Как, впрочем, и наоборот. Веди за очередную пятилетку мы не просто станем старше на пять лет. И не просто выплавим столько-то тонн стали или добудем столько-то тонн угля.

В этом номере «Юности», который по традиции является номером молодых, почти целиком составленным из произведений начинающих литераторов и художников, ты прочтешь повесть и рассказы прославленного строителя Алексея Маркуша и будущего инженера Валерия Дащевского, стихи шоfera Николая Пономарева, очерк молодого журналиста, в недавнем прошлом каменщика, Валерия Шария и других. Люди труда, они своим творчеством демонстрируют еще одну характерную особенность нашего времени — постепенное стирание границ между умственным и физическим трудом, качественный рост советской интеллигенции, корнями своими связанный с народом.

В процессе дела, в борьбе с отживающим — за новое, передовое, в упорной работе у станка, в поле, в лаборатории, за кульманом мы приобретаем и оттачиваем мастерство, набираемся сноровки, знаний, опыта. И, преображая мир, делая его еще лучше, преображаемся, делаемся лучше сами — ведь так растет новый человек.

В десятой пятилетке он будет расти, борясь за высоты качества. Он — это, ты и еще миллионы и десятки миллионов людей. Уже опытных, сотворивших не одну пятилетку, и совсем юных, твоих ровесников, для которых десятая будет первой.

«Доверять молодым, опираться на свойственные молодежи энтузиазм и благородное стремление трудиться на общую пользу и вместе с тем помогать правильно ориентироваться в жизни, вооружать молодежь знаниями и опытом старших поколений — всегда было в традициях коммунистов. Партия будет и впредь укреплять эти традиции, развивать активность молодежи, еще шире привлекать ее к участию в управлении делами социалистического общества». Этими словами Генерального секретаря ЦК КПСС, прозвучавшие с трибуны XVII съезда ВЛКСМ, с удовлетворением восприняла вся советская молодежь.

Вместе со всем народом тебе предстоит решать грандиозные задачи десятой пятилетки. Дело твой чести — оправдать доверие партии.

Алексей Марчук

Родился в Омске в 1935 году. После окончания Московского инженерно-строительного института работал на строительстве Братской, затем Усть-Илимской ГЭС. Об этом — его первая повесть.

ПРИСНИЛСЯ МИНЕ ГОРОД...

Страницы истории Братской ГЭС

До свидания, Братск!

Вот и настал этот день — последний день в Братске. Гулко ухают мои шаги в пустой квартире, шелестят за окнами дождь, никак не укладываются в рюкзак какие-то нелепые, случайно оставшиеся вещи. Я бросаю их и смотрю в окно. Осень уже тронула желтизной лиственницы, сделала прозрачной тайгу. Катятся с веток тяжелые капли. На балконе мокнет черный якорь, подаренный яхт-клубом.

Нечаянно, негаданно
пришла пора дороги дальней.
Давай, дружи, отчаливай,
канат отвязывай причальный...

В кармане билет, в паспорте штамп: «Выписан из Братска». Это как приговор. Выписан из молодости, выписан из Усть-Илма.

Я уезжал оттуда ранним утром, попросил шофер завернуть в котлован. А солнце, как нарочно, выкатилось тогда такое щедрое, что разлилось вокруг невиданные краски. Плавали в голубом небе серебристые двухконсольники, распахнув над блоками свои крылья. Метнулась красной стрелой эстакада с берега на берег, и по ее могучим плечам двигался бесконечный разноцветный мазовский конвейер. Опалубка золотилась под солнцем, ветер доносил ее

крепкий стружечно-сосновый запах. Внизу, в перепаханном взрывами и экскаваторами темно-синем дне базе, пробивался белый бетонный цветок гидростанции. Привычно шумела Ангара, вырываясь из пролетов плотины. Тяжелыми шагами выходила новая смена, тянулась из ходовых летней котлована к теплому солнцу. Я зашел прощаться с диспетчерами. Виктор Подгайный проводил меня к машине. Стоим, смотрим друг на друга, на реку, на плотину, на солнце и не знаем, что говорить. Тронули друг друга за плечо:

— Ну, бывай, Виктор.

— Бывай, Алексей.

Рванула машина, полетела за стеклами тайга, лесовозы, железнобетон...

Усть-Илим, две зеленых звезды в небесах...

...Сколько можно стоять у окна? Надо что-то делать. Осталось двадцать часов до самолета. Протруть бы бы в трубу, собрать бы всех друзей, устроить прощальный пир. Да не соберешь всех, как ни трубы. Роальд Годарс на Зее. Пашка Комаров на кладбище. Ося Вильковицкий — в провинции Камагуз. Фред Юсфин увез юных «варягов» — воспитанников детского морского лагеря — на крейсер «Варяг». Михаилов в командировке, Букреев сражается со своей болезнью где-то в кумысных степях под Саратовом. Но разве может такое случиться в Братске, чтобы перевелись друзья, чтобы не с кем было разделить радость или печаль?

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы напали на него все страны Вселенной. Мне снилось, что это был город Друзей, такого еще никогда не бывало...

Это, как мне кажется, именно о Братске писал Уитмен за сто лет до его появления.

Ребята, помогите мне сегодня. Свистать всех на верх! Я бегу от окна к телефону, высыпавшему тревогу оставшимся друзьям. Скорей к морю! Созданное нашими руками, оно всегда спасало нас от печеней, тревог и сомнений. Добрые спины волны принимали нас на кораблях и на всплесках, под парусами и на водных лыжах, зимой в голубых прорубях. Пусть не хватало этим волнам тепла, что же поделать, его мало в Сибири, но им всегда хватало силы, широты и глубины для того, чтобы успокоить наши волнения, вернуть человека к достойным его масштабам жизненных измерений.

И всегда через час с короткой сиреной отваливает от высокого соснового берега старый адмиральский катер «Бравый». Перекрашенный множество раз, он еще не сдается, задирает нос над волнами, ведет в кильватере белокурую яхту «Диана». Крепкий ветер рвет ковбойку, вышибает из глаз слезу, мешает принять парад берегов и команды моего Последнего Рейса.

Когда светит луна над Марекьяре,
Уснуть не могут даже рыбки в море...

Это поет Саша Гуревич. Любое обещание с природой вызывает у него желание петь. Больше всего я люблю Гуревича за необыкновенный дар извлекать из привычности дней и окружающего мира радость жизни. Сколько было у меня будней, когда хотелось выть от неудач и неправильности своих поступков. Все валилось из рук, но появлялся Гуревич, как сказочный джинн, уводил к морю или в тайгу, показывая по дороге застывшие в бетоне

славные дела нашей молодости, прекрасных девушки, голубое небо или мерцающие звезды Кассиопеи. Мы садились на берег и смотрели в даль. Душа повторяла движения волн, упливала тревоги вместе с хмурыми тучами, прибоя тихо перебирал камешки у наших ног.

— Брось, не тужи. Прошумят века, сядут на это место два человека из иных столетий. Они будут глядеть вдаль и завидовать нам, извивавшим эту плотину и воздвигшим море. Да здравствует мы, Мастера Сегодня, чей труд вызывает удивление в раскрытии глазах летящих «австречи столетий!

...С Сашей мы встретились в пятьдесят седьмом на комсомольском воскреснике у спорта.

— Еще... раз-два! На ход! — разбирая тяжелые заделенные брусья, натужно орали мы.

Рядом пыхтели незнакомый парень в пижонском пальто, цвета д'артаньянской лошади! Черное лицо блестело от пота и от белой улыбки. Тяжело было. Всплывшие в себя сырость мартовского снега брусья были как чугунные. Несмотря на зажигательные речи секретаря комитета комсомола Виктора Подгайного, на шуточки девчат, хотелось полежать на снегу, унять противную дрожь в руках и коленях. Одно бревно нас доконало. Его конец уходил куда-то в снег, в лед, к четверту, к дьяволу. Даже самые отчаянные крикунчики прекратили свое «раз-два», мы дергали бревно в изнеможении, вразнобой, молча и иступленно. Первым прекратил эти безнадежные конвульсии незнамоемец. Он расправился с сброженным бревном. Под синим спортивным костюмом тяжело буярились мышцы.

— Саша, Саша, иди к нам, помоги! — сразу зачирикали наши неверные девчата.

Саша послал им широченное воздушное объятие, шумно, со свистом вздохнул и запел: «Эй ухнем!» Ребята с удивлением подняли головы, потом десятком осинских крепких глоток подхватили припев, сливая усилия в могучем ритме песни. На словах «сама пойдет» мы дали такого рывка, что бревно пулей вылетело из своего ледяного гнезда.

— Кто таков? — спросил я у Виктора Подгайного.

— Новый инструктор горкома. В Основные нашли. Кончил университет, а работал, чудак, путекладчиком. Штангист.

В горкоме комсомола Саша работал недолго, ушел в котлован бурильщиком. И там, в пыли и грязоте перфораторов², умел он открывать товарищам по бригаде романтику их тяжелого ежедневного труда. Даже на железного Бригадира Инженерия Перетолчина подействовало. Однажды в нончую смену, когда ярко светили звезды, бады, освещенные луной, как ракеты, взлетали в небо и ночь вздрагивала от взрывов перетолчинских штурпов, Бригадир Кеша ярко задышал Гуревичу в ухо:

— Сань, я чо придумал... Давай книгу напишем про нашу работу, как мы тут вкалываем. У меня уже и начало есть: «Была ночь. Трещал мороз, а мы стояли на дне котлована и бурили крепчайший днабаз.

Но написал Перетолчин книгу. Увел свою бригаду через тайгу и торосы, поставил на Толстом мысе флаг, сруб поставил, начал Усть-Илим. А Саша ушел в газету «Огни Ангары». Журналист все-таки.

— О, выди поскорее, Каролина! — долгал в это время фортифиссимо Гуревич, теперь уже собкор АПН, и делал на корне ласточку, подчеркивая силу своих чувств.

² Перфоратор — механизм для бурения скал.

¹ Диабаз — вид крепкой горной породы.

«Бравый» обогнул бакен на мысе Пурсей и взял курс на обсерваторию. По берегу в кромки прибоя ходил человек, перепоясанный ремнями фотоаппаратов, и махал нам рукой. «Бравый» ткнулся носом в песок и принял на борт Николая Ивановича Перка. «Великий хранитель времени», начальник фотослужбы Братскэнергостроя, сорвался с своих аппаратов, утюно расположился в кубрике в ожидании солнца и сюжетов.

Первый раз я попал в объектив Перка на Завернайке семнадцать лет назад. С тех пор Николай Иванович нисколько не изменился. Летописец Братска не поддается времени.

Мерно гудит двигатель, пенится за кормой распаханное море, лежит на дне под нашим килем навески умолкливший порог Падун, поселок Зеленый — место нашего первого свидания с Братском. Только Перк может показать вам, как это было. В тихом доме, окруженному соснами и морем, в альбомах, пакетах и коробочках лежат у него давно отшумевшие дни. Наводнение в Зеленом и перекрытие Ангары, покречневшая от веков деревня Падун и первый двенадцатизальный дом, яростные пороги и паряд яхт, передовики производства, короли и принцессы, Фидель Кастро, Герман Титов — все под своим номером навеки впечатаны в историю Братска. Николаем Ивановичем Перком.

Неизвестно, чего ему это стоило. Всегда приветливый, доброжелательный, Николай Иванович двадцать лет живет в Братске в готовности номер один. Пешком, на мотоцикле или по уши в грязи, за рулём автомобилей любых марок, альпинистом по эстафадам, на пышных приемах, в сабачий мороз и под пляжными солнцем...

Незаметно и неутомимо щелкают, лязгают и трещат затворы его аппаратов. В присутствии Перка люди вдруг становятся лучше — исчезают перекуры, фасцируются сутулые спины, появляются орлиные взгляды. Люди хотят войти в будущее красивыми. Так они и получаются у Николая Ивановича.

— Эй, на «Бравом»!

Это Бардашов и Тараканов, стоя на носу «Дианы», вздывают стаканы к небу.

— Полный вперед! — ответил Гуревич, выхватив из кармана бутылку.

Экипаж «Дианы» отсталовали в нашу сторону, выпил и дружно крякнул. Хоть и громко трещит двигатель на «Бравом», тут уж мы его перекричали.

А двигут? А что двигут—
он монголит понемногу.
Нам тепло, и слава Богу,
пусть на палубе колотун!

Заливается бардашовская мандолина, как в лучшие дни ансамбля «Гитуристы». Было нас в те дни десять человек, а сейчас на борту трое.

Семь лет назад на одном из туристских слетов собрались к общему костру все гитарно-туристские лидеры Братскэнергостроя. Попробовали петь вместе. Не скажу, чтобы получилось очень здорово с точки зрения вокала, но возможность снова спеть первые песни Братска, пообщаться впроки, разлучающему калейдоскопу производственных напряжений понравилась всем ужасно. Пели мы для души, до хрипоты, до утра и не знали тогда, что фортуна готовит нам необыкновенный взлет.

Наступил 1967-й, юбилейный для нашей страны год, и директор клуба предложил нам выступить на городском смотре самодеятельности. Ребята согласились из чувства юмора. Репетировать, конечно, бы-

ло некогда. Готовилась к сдаче Государственной комиссии Братская ГЭС. Бардаш готовился к приему Энергетической комиссии СЭВ. Бардаш тренировал горнолыжников, воднолыжников, уезжал в гости. Женя Гран мыкал свой охотничий сезон где-то в глухой тайге. У всех были вечерние работы, общественные дела, жены, дети. С трудом собирались для того, чтобы придумать себе название — все-таки выходим на сцену. Вопрос был решен быстро и дружно: ансамбль туристских гитаристов и не может иначе называться — «Гитуристы». Под этим флагом и началось наше восхождение на Олимп самодеятельности: Иркутск, Ангарск, Новосибирск, Москва. В Москве мы с позором провалились на просмотре к праздничному концерту во Дворце съездов. На этом сцену мы забросили, но петь не перестали.

Наш катер на малом ходу проходит параллельно напорному фронту бетонной плотины. Капитан знает, что делает. Я смотрю на плотину и вспоминаю слова архитектора Карташова: «Почему художники рисуют ее серой? Она же белая». Длинные зеленые волны трещат щеками о белую стену, о черную сталь тяжелых затворов, словно просятся вниз, на волю, в синие хвойные усть-илимские дали. Вот где-то здесь, у желтого откоса земляной плотины, стоит и моя напряженная секция. Стальные тяжи с усилием в две тысячи тонн прижимают ее к скальному основанию. Первая в стране плотина с напряженной анкеркой. Не было бы ее, если бы не друзья. Иосиф Савицкий, знакомый еще по строительству моста для перекрытия, помог разобрать скважины. Мастер Эмма Шаталова иногда со слезами отставала интересы опытного участка. Тоненькая, как тростинка, инженер Валя Адамова помогала расчищать узкие скважины. Философ, лектор горкома партии Володя Долгий до почернения варил в бетонных шахтах стальные тяжи. Рыжий, как жарок, Валька Авдеев с щупчиками-прищупчиками возился с дюмикратами, будто и не отработал уже свою смену. Поэтому и стоит восемьдесят пятая секция, намертво прижатая к скале. Десять лет прошло, а напряжение в тяжах не падает. До свидания, может быть, когданибудь и вспомнят о тебе.

«Бравый» леж на правый борт и пошел к дальним корабельным соснам, в Зяблский залив. Надо было прибавлять ходу, поэтому мы оставили на «Диане» только капитана Тараканова и воссединились на корме флагмана. Ровно гудел двигатель на полных оборотах, ветер бросал в лицо голубой дым соларки и брызги с гребней волн, подхватывая слова старой морской песни:

Наша шхуна крепка, и суров капитан,
9-й. Ряд
Вернемся к вам с песней из северных стран
Наш привет из Рио-Гранд...

Нет еще такого двигателя, шум которого не перепел бы Бардашов. «Любое дело надо делать изо всех сил» — такой девиз я бы написал на щите главного специалиста проектной конторы Братскэнергостроя Бардашова. Взявшись лишь в студенчестве за мандолину, он играл на Всесоюзном смотре в Большом театре. Мы все водными лыжами, только развлекались, а он стал кандидатом в мастера в срок лет. Начал тренировать братских школьников на водных и горных лыжах и сделал из них перворазрядников. Поручили ему проектировать первую санную трассу в стране, он сделал ее олимпийской, одной из лучших в мире, следил за строительством, работал на стройке сам. Познакомился со всеми саночниками страны, со специалистами из ГДР, съездил на Олимпиаду в Мюнхен. А уж если надо петь

у костра, то Сей Саныч Бардашов включается на всю ночь и на полную громкость. Лиши бы какие-нибудь струны в руки — гитару, банджо, мандолину, балалайку, комуз — все равно.

Заливается мандолина, рвет ветер в клочки нашу песню, разносит по волнам. Редкие встречные рыбаки делают петли на своих «Вихрях», чтобы посмотреть на странный караван. Думают, невероятно, что надились ребята и веселятся. И как не подумать, глядя на красивый нос Талика Муксесая! А он и в рот не берет. Просто вернулся только что с пика Коммунизма, обожженный горным солнцем. Семнадцать лет назад вытащили мы его из трещины на леднике Федченко, и все равно почти каждый год ходят человек в горы.

Мы с тобой
удем в горы,
К перевалам голубым
И к вершинам,
к тем,
с которых
Все несчастья — просто дым!

И правда, можно подумать, что весело нам до невозможности. Но находились наши женщины, не поют. Не проведешь их веселыми песнями. Даже Данилова не улыбается. Фантастическую свою золотую косу закрутила, замотала, упратила кудато. Вот в этом месте переплевывали мы с ней Братское море в шестьдесят четвертом году. Поменьше оно было и потеплей, но часов шесть проплавали, Сусанна, Муксесева жена, на вспахах нас сопровождала, караулила, чтоб не утонули. Потом несколько лет собирались мы с Даниловой повторить заплыв, так и не собрались.

Много можно вспомнить более веселых плаваний по этим же волнам.

Однажды, когда наше море только начиналось и мы мучились на правом берегу со скалой под сединидесятную секцию, подвалив прямо к нашему участку букирчики «ЭС-3». Диспетчер управления строительством Федор Юсфенин проигнал мне с кораблем сбор. Ах, что за чудо-команда была на борту! За штурвалом стоял повязанный пиратским платком, крепкий, как молодой бугай, никому еще тогда не известный Кобзон. А папула, как весенняя лужайка, была расщечена поэзами, композиторами и певцами. Пахмутова, Чичков, Кохно, Косарев, Гребенников и Добронравов. Мне было неудобно за свою штормовку, покрытую буровой пылью, за грязную, засаленную прорабскую кепку. Но солице так щедро поливало, кораблик так ходко задирал нос, столько смеха рассыпалось по палубе от одесских команд Юсфина и Кобзона, что через несколько минут нам всем казалось, что знакомы мы уже целую вечность. Впрочем, так оно и было. Мы всегда считали, что «снег и ветер» — это про нас. Однако же композитор с известной фамилией Пахмутова представлялся нам чем-то розовым и церемонным во фраке, эдакой возвышенной консерваторской дамой. И уж, во всяком случае, никем мы не могли предполагать, что она будет слушать наши песни, скользя по морю по тайге, плывать на барже в Усть-Илим и петь вместе с нами. Мощные юны Кобзона не могли лежать на штурвале спокойно. Тем более девицы смотрят. И букирчики наш выпытывали такие кренделя — только успевай считать бревна под килем.

В то же щедрое лето ходили мы на скалистый таежный мыс Пьяный бык, где всю ночь шло невероятное поэтическое соревнование. Команда позотов — Евтушенко и болгарин Цанев — против коман-

ды букира. Капитан букира Павел и его жена-кок читали свои стихи под матросский аккордеон. Для нас это было большим открытием, чем для зазевших поэтов. Сибиряки замкнуты, носят глубоко в себе свое отношение к миру. Крепко нужно зацепить душу, чтобы они обнаружились. Евтушенко зацепил. А мы переглядывались и разводили руками: сколько раз плывали с этим капитаном и не подозревали, что в душе его живут стихи про фей и герольдов.

Можно было по-разному проковытые последние часы в Братске. Но так получилось само собой, что мы вышли в море.

Послушай, друг, а может быть,
Не надо в море торопиться?

Братчане называют свое водохранилище морем. И не только потому, что в нем 170 кубических километров воды — больше, чем в любом искусственном водохранилище Земли. Мы мечтали о нем, работали для него, ждали его появления, как первого сына. Оно пришло к нам тишиной. Золотым прозрачным сентябрём 1961 года тысячи людей на берегах, на плотине, на эстакадах слушали страстную речь главного инженера Братскгэсстроя Гиндина.

— Друзья мои, запомните этот день! Сегодня вашим трудом, вашими натруженными руками, вашиими бесконечными ночами рождается на Земле новое море!

По щеке огромного человека с фамилией Орел, который командовал спусканием затвора, проползла слеза. А люди вдруг услышали, как привычный рев порога начал умирать. Исчезали медленно буруны и камни. Педуня, расплывалась над Ангарой тишина. Мы услышали, как шуршат падающие в тайге осенние листья, как кричат стрижи, как поднимается от черных сипов нам настремчу прозрачная изумрудная глубина.

До свидания, сибирское рукотворное море! Мне будет плохо без тебя. Сохрани все, что мне дорого. А когда будет совсем трудно, когда не хватит сил для новых преодолений, я прилечу к тебе, приеду, приплыву, приползу, чтобы вспомнить свою боевую молодость и оставаться достойным ее.

Мы вошли в Забийский залив. Упал ветер, стало тише, тайга подвинулась с берегов. Показался дебаркадер с белыми буквами «Варяг». Тихо и пусто в лагере. Только один человек сиротливо стоит на борту дебаркадера и приветственно машет рукой. По бороде и кругому лицу узнаем Геннадия Михасенко. Известный детский писатель (мы его зовем сокращенно — Детпис) и специалист по железнодорожному, он же комиссар «Варяга», он же сторож, он же полиглот, пребывает здесь в творческом одиночестве. В его каюте среди экзотических коряг, грибов, ружей и провинта белеет листом пищущая машинка. Михасенко отложил работу, наварил картошки, накаркал грибов. Откуда ни возьмись, и бутылка появилась, и гитара запела застольную песню:

Побольше кружки приготовь
И доверх налей.
Я пью за старую любовь.
За счастье прежних дней!

Это был мой последний бивак на Братском море. И я провел его «по уму», как говорит подводник и морж Костя Киселев. Побродил по сосновому берегу, в опустевшей купальне лагеря «варягов» нырнул с вышки, достал сторожку и материально ответственному Михасенко со дня разных казенных веши, утопленные «варягами», прошел с Таракановым под парусом медленный прощальный круг по заливу. Обратно шли быстро, молча и хмуро. Не остается следов на воде.

До самолета я успел зайти попрощаться с начальником строительства Иваном Ивановичем Наймушным. Впервые за свою братскую службу пришел в приемную начальника Братскгэсстроя в ковбойке и джинсах. Его секретарша Тоня, строгая и прекрасная, как флаг Управления, как символ неувядаемой красоты Братскгэсстроя, ульбасалась мне со своего трона. Она знала, зачем я пришел, и оторвала милю вранья руководства. Иван Иванович расправлялся с какими-то бумагами. Пиджак с депутатским флагом ком висел на спинке стула.

— Привет тебе, ответственный работник! — сказал он.

Иван Иванович всегда относился ко мне с некоторой дружеской ironией.

Сдвинул бумаги, усталым жестом поправил воловьи сгибы.

— Не смог я, Алексей, вчера к тебе прийти, по колхозам мотался. Да и вам, наверное, без меня веселее было.

— Мы собирались не для веселья.

— Ну что ж, каждому овощу... Я, наверное, вас всех здесь пересижу.

Я знал, что Иван Иванович не любит длинных разговоров, быстро сказал какие-то прощальные слова и собрался уходить.

— Да ты погоди, не торопись. Я побольше тебя пожил, поработал, может, чего полезного скажу.

Иван Иванович — это живая легенда. Американцы довольно точно прозвали его «гидромедведя». Одиннадцать гидроэлектростанций построено им в «медвежьих углах» — в брянских лесах, на северной реке Ниве, на Каме, на таежной Ангаре — Братской и Усть-Илимской ГЭС. Вся его фигура с крепко посаженной среди могучих плеч головой вышла решимостью проламывать сквозь любые преграды. Жизнь никогда не ласкала этого человека. Беспризорник, он вспоминал свое детство, как непрерывную тяжелую работу: непослушная тачка на Беломорканале, треск спины под грузами в артели «Гуж», тяжелая крепль в шахтах Алтая. Прямо из шахты на валобойщик Наймушин пробился на рабфак Московского горного института. Без школьной подготовки, на одном упорстве учился так, что падал иногда в обморок от напряжения и недоедания. Он пришел к Падуну с первым десантом строителей в декабре 1954 года, выталкивая плачущий автобус и прорубая путь по таежной конной дороге.

Сибиряки уважительно зовут медведя «хозяин тайги». Теперь хозяин тайги — Наймушин. Один миллион рублей строительно-монтажных работ в день — вот масштабы его власти.

Мы проговорили дольше, чем за все семнадцать предыдущих лет. Не знал я тогда, что через три дня этого человека не станет. Погиб он в авиационной катастрофе в усть-ильмской тайге.

— До свидания, Иван Иванович, — сказал я ему, прощаюсь. — Два часа до самолета. Спасибо за школу.

— Ну, давай лети. Реноме у тебя хорошее — Братскгэсстрой. Не пропадешь.

Все. Теперь в аэропорт. Быстро бы преодолеть эти последние мучительные минуты. Снова рядом друзья: Саша Гуревич, Лия Данилова, Саша Тараканов, Витя Залетаев. Примчались на своем «узике» Перк, привез каким-то чудом сделанные фотографии нашего прощального плавания. Приехал Алексей Гоголицын, мой преемник по комбинату «Братскжелезобетон» и президент яхтклуба. Приехала Анна

Владимировна, добрая секретарша, привезла комбинатовские сувениры.

Саша Гуревич взялся за оформление билетов и исчез в помещении с табличкой «Вход воспрещен». Аэрофлотские девушки, как, впрочем, и большинство девушек, встречали его ульбкой.

А меня вдруг охватил ужас. Неужели это все в последний раз? Этот аэропорт, где меня все знают; эти ребята, к которым я уже не вернусь; прямая как стрела, дорога, рассекающая тайгу пополам: Братская ГЭС — направо, Усть-Илимская ГЭС — направо. И уже нет ключа от дома. Это у меня-то нет в Братске дома? Я что-то говорил ребятам, улыбался, надписывал на память фотографии, а сам весь деревенел от мыслей. Деревянные ноги, деревянный язык, деревянная улыбка. Как же это? Что делать-то будешь без Братска?

Из пассажирской толпы возник Гуревич с комсоморским аэропорта.

— Девушки дарят тебе еще четыре часа в Братске. Решили задержать самолет, чтоб ты еще подышал родным воздухом.

Гуревич умеет оптимизировать даже вовсе прозаические события. И двинули мы все через плоскость в тайгу, и встали в кружок, и расчехлили гитару. Кругом была осень, стелилась под ногами по-жухлая трава, жгли пущистые лиственницы, ветер дышал грибами и грустью.

Осенне машины косынкой малиновой,
Тихой грустью полны вечера.
Не вернулась любимица,
И любовь моя с нею ушла...

Чего-то главного я не сделал, чего-то главного не сказал ребятам... А уже трап.

Распределение

Пятикурсники МИСИ волновались. Собирались кучками, усиленно курили под табличками «Не курить», таскали, как колоду карт, называния гидротехнических строек: Куйбышев, Сталинград, Кааховка, Иркутск. Козырным тузом ходило по кругу слово «Братск». Тузами штествовали по коридорам мы дружно-туристы. Все пять мест в Братске выбыли для своих туристов Женька Елизаров. Я завидовал ребятам. Им задолго до распределения все было ясно: Братск — и все тут. А мои карты путали две обстоятельства: 1) профессор Гришин сделал мне предложение остаться в аспирантуре, 2) а я еще не сделал предложения Наташе.

Наташа не входила в нашу связку и вообще никаким туризмом-альпинизмом не занималась. Однако нас связывало нечто, из-за чего на меня косо посматривали друзья (и подруги). По законам туристского племени нельзя искать привязанностей у чужихriegamov.

Первое обстоятельство я отбросил довольно быстро: стоило только открыть учебник для подготовки к экзамену в аспирантуру, я сразу понял, что не могу. Не могу больше ни учить, ни сдавать — прямо торножжение в мозгах.

Захлопнул я книгу, пошел в деканат и сделал твердое заявление: не хочу в аспирантуру, хочу в Братск. Заместитель декана сначала уговаривал меня подумать, а потом (он был секретарем партбюро факультета) усмехнулся в этом патриотическое движение моей души, пожал руку и обещал место в Братске.

Теперь предстояло разрешить более сложную ситуацию с Наташей. Решительность нашла на меня в

автобусе номер 111, в котором я провожал Наташу домой, накануне Большого Дня Распределения.

— Нат,— защептал я ей в ухо,— я отказался от аспирантуры... — И заглянул в лицо, чтобы полюбоваться произведенным эффектом.

Эффекта не было.

— Угу,— кивнула Наташа.

— Я решил ехать в Братск...

— Угу.

— И в этом плане мне хотелось бы увязать некоторые детали...

— Ты имеешь в виду меня? — с интересом спросила Наташа, распахнув зеленые глаза.

Я задыхнулся от нежности и смущения.

— Ну, что ты... То есть, конечно... Я почему-то своим планы связываю с тобой.

Она улыбалась и ничего не отвечала. Все было тревожно и неясно.

И настал Великий День.

Первой за черную дверь, где происходило таинство распределения,ступила Наташа, потому что группа наша была первой, в первой в списке группы была ее фамилия, начинавшаяся с буквы А. Я пояс влез в замочную скважину.

К первой жертве комиссия проявила живой интерес, все были полны сил и желания послать нашего брата куда-нибудь подальше.

— Здравствуйте,—сказала Наташа, и лицо ее покрылось пятнами.

— Здравствуйте,—нестройно, но многозначительно ответила комиссия.

Секретаря доложила комиссии «данные».

— Товарищ Андреева, мы хотели бы перед распределением честно ваше желание,—гуманно заявил седовласый председатель.

— Я хочу в Братск,—сказала Наташа и поставила комиссию в тупик.

А я услышал далекую музыку Мендельсона.

— Но позвольте...—Председатель комиссии, близоруко смотрел в какую-то бумажку и нациривал очки,—по предварительным данным, вы хотели остаться в Москве, в институте Гидропроекта...

— Нет, я решила ехать в Братск.

— Ваше желание похвально... но там еще не развернуты работы, люди живут в палатах... холодно, знаете ли, мошка...

— Я хочу в Братск,—упорствовала Наташа по не понятным причинам и улыбалась комиссии.

Комиссия переглянулась, покосилась на плечами и распределила ее в Братск.

Ах, Наташа! Как же взшлось надо мной твое счастье! На первом занятии первого курса в группе ГС-1 МИСИ впервые встретились семнадцать ребят и восемь девушки. Рассмотрел все великолепную восьмёрку и не нашел ничего интересного. Все прекрасные девушки остались в десятом классе тихой и милой Апрелевской школы, что стоит под старыми липами, как сказочный теремок. Нету здесь моей девушки, решил я твердо и удалился в учебу да в комсомольскую работу. А Наташа Андреева мешала мне ужасно. То лекцию прогуляет, то двойку по математике получит, то вовсе группу с занятий в кино уведет на «Тарзан». Злился я на нее, на бирюзовавшую, все бесполезно.

А тут Вероника Шаблова, единственная на четвертом курсе замужня, вдруг говорит:

— Лешка, приходи сегодня на вечер к нам в Дом коммуны, С Наташкой, да?

Невероятность предложения ошеломила меня, однако любопытство взяло верх. И хороший получился вечер, даже проводил я эту вредную Наташку не без удовольствия. Но крупные противоречия оставались, борьба продолжалась. Но канникулы я уходил

с Елизарычем в поход, а она уезжала в какие-нибудь глубоко презираемые мною места — на юг, на Рижское взморье. Я ходил на экзамены первым, она — последней. Я любил Сибирь, а она — старые московские переулки. Я играл в волейбол, она простоявала ночами за билетами в Большой театр. Она великолепно разбиралась в музыке, живописи и литературе, а я в этом тонком мире чувствовал себя колонном.

Недолгая, но настойчивая борьба привела нас в Поморский загс города Москвы. А через день мы грузились в вагон — в Сибирь, в Братск, в неизвестность. Перед нашим вагоном на перроне стояла толпа: папы, мамы, тети, друзья и подруги разных степеней и просто любопытные. Огромные рюкзаки и шторомки выдавали некую общность группы, в остальном царил хаос — цветы, чемоданы, гитары, свертки, которые некуда деть, бутылки, выглядывающие из карманов, хохот друзей, слезы на глазах у мам. Головы гудят от вчерашней садьбы. Гудит паровоз. Мы вшестером повисаем на подножке. Мы с Елизарычем и четыре девушки. Одна из них — моя жена Наташа.

От Москвы до Братска семь суток. На семь суток продлевается наша студенческая жизнь. Сначала мы ехали весело: вагон вздрагивал от нашей игры в «гоп-дол», но нам все прощали из-за вечерних песен. Люди приходили из соседних вагонов, слушали непривычные наши песни, изумлялись: «Во студенты даются!» За Тайшетом в окна стала заглядывать исхеленная дождями и пожарами черная, помпонная тайга. В болотной мшистой глубине ее белели, как скелеты, остатки каких-то построек. Поеzd шел трудно и медленно, с вагонов стекали сибирские дожди. Наши гитары молча лежали на верхних полках.

Вот и Братск. В вагон бурей врывается Ольга Попкова — крепкая, волевая девица из МИСИ, которая уже год проработала в Братске мастером. Она закурила собой выход, обняла радостную Веронику Чaucовскую, а потом села на боковое сиденье, обмякла, стала меньше и горько-горько заплакала. Мы беспомощно топтались около нее, не зная, что сказать, трогали за вздрагивающие плечи:

— Оль, но надо...

А под ноги нам неудержимо катились крупные слезы.

— Братск — это вам не мед и не сало,—мрачно сказал Женя Елизаров и рванул на спину трехпудовый рюкзак.

Мы вывалились из вагона на «кинапы» Иркутской киноконсерватории, на засыпанный семечками перрон, в деревянное царство тайги, щитовых домиков и уставленных, потрепанных вагонов.

— «Братск-первый»,— торжественно прочитала Наташа.

Конторщики

Воротами Братска, воротами нового мира стало для нас Падунское сужение. Оно открылось неожиданно из-за грехота порога синими склонами, подирающими небо. Какие же чудовищные силы природы бушевали здесь, на глазах у Вечности! Исторгla Земля раскаленную лаву, ветры остудили ее в могучий темно-серый трапповый хребет, о который ломают зубья алмазные коронки. Но Ангара в союзе с морозом и временем разрубила хребет пополам и углегас между неприступными стенами, как стальной клинок. Рычит зверем Падунский порог, скалит черные зубы камней.

Перед этими громадами мы стояли маленькие и подавленные, как зеленые кузнецы, в своих штор-

мовках и говорили какие-то невразумительные слова:

— Вот это да...

— Здорово...

В голове была чехарда. Да как же это возможно, чтоб здесь вставала плотина? Наше подавленное профессиональное воображение никак не могло прорыть в этом диком ущелье разумные геометрические линии будущих сооружений.

— Ну что, прудите будете? — раздался сзади ехидный голос.

Откуда-то незаметно подошел мужичок с темным выдубленным лицом, как и его из неведомых шкур одежды. Он любовался нашим удивлением, сосал трубочку, хитро щурялся.

— Только так, а как же иначе? — храбро ответил Елизарыч.

— Ишь ты, откуда такие шустрые приехали?

— Из Москвы — вы здесь давно живете? — поползли опытывали наши девушки.

— С природой. Однако не падунский я. Падунские не люблю — орут шибко... У нас в Дубынине речка есть — переплынуть можно. Мы ее кажный год всем миром прудим, и кажду весну это прудово сносит. А это что — Ангара веда?.. как забуровят, что там вода течет! — Мужичок махнул рукой и крепко сплюнул.

Мы не стали вступать в полемику, побрали искать отдель кадров. А у призала на черном гладком камне диабазовой стены белела скопиной надпись: «Здесь будет построена Братская ГЭС». И внизу указующая стрелка летела в Падунское сужение.

Отделы кадров не любят женатых. Мы с Наталией неудобно выделялись из состава дружной группы молодых специалистов МИСИ своим желанием жить вдвоем. По мнению отдела кадров, это было неприлично. Но штампы Первомайского засла стучались в сердца. Елизарыч повел группу новых мастеров на правый берег, а мы с Наташей пошли к главному инженеру строительства Арону Марковичу Гиндину с отчаянной решимостью отставлять свое супружество. «Муж обнял грушу», — дразнила меня Наташа. При чем тут груши?

К Гиндину мы попали довольно просто. Большой седоголовый человек с быстрой, исчезающей улыбкой поискал наши бумаги.

— Нам нужны инженеры в проектную контору, — решительно сказал Арон Маркович и улыбнулся, заметив, как покорежило меня слово «контора».

— Я хотел мастером на производство...

— Это правильно. Но производство, на котором вы так страстно желаете работать, должно быть хорошо подготовлено. Мы встремимся в совершенно новые условия, в неизвестность. Нужны хорошие мозги, нужны идеи. Поработаете сначала там, где вы нужнее, а потом там, где вам хочется. Верно ведь?

— А можно нам вместе? — робко спросила Наташа.

— Можно. С жильем, правда, будет очень трудно. Но я постараюсь помочь. Езжайте на Заверийскую. Желено успеха.

Там, где выходит дорога из тайги и, спустившись к Ангаре, делает последний поворот к старому селу Братску, приступила к подножию невысокой скопки своих нехитрых домов и барачек Заверийска. Был здесь когда-то лагерь военнопленных японцев, а в 1955 году расположился временно штаб строительства: управление, проектная контора Братскэнерго, проектировщики московского Гидроэнергопроекта. Это было за сорок километров по пыльной таежной

дороге от знаменитого Падуна, но и сюда простиралась мощная поддержка главного инженера. Нам дали комнату какой-то бывшей комендантши Таськи в бараке под названием «Метро», наполовину вросшем в землю. Семь квадратных метров, одно окно на уровне земли и печь в два квадратных метра. Это было счастье. Мы поставили в середине комнаты два наших членомада и поцеловались.

Ночью нас разбудил стук в дверь и просящий шепот:

— Тась, Таська... открой, эт я!

Мы с Наталией посовещались, а дверь вдруг затряслась от громовых ударов:

— Таська, ску, хто у тебя?

Дальше пошел такой диалект, что я пулья выскошив в одних трусах в коридор и чуть не задохнулся от чесночно-водочного перегара.

— Ты хто? — спросил сильный духом, но гщедущий плютью ночной человек.

В тусклом свете дверной щели он тщетно пытался сфокусировать на мне свой распивающийся взгляд. Я взял его в охапку и вынес из барака, объяснив по дороге ошибочность ситуации.

На следующую ночь стук повторился, но мужичок был покрупнее.

— Сколько их еще будет? — скружила Наташа. — Может, обьявление повесить?

Не объявление не понадобилось. Наш необычный режим — зерядка, пробежка на Ангару по утрам, утравзувка спиральная машина «Ревущий медведь», отсыпавшая барак по вечерам, необычные песни способствовали известности, и Таськина клиентура потеряла интерес к нашему жилью.

Приимкал нас на работу в проектную контору Григорий Кузьмин Костючин, сам начальник. Он был представителем знаменитой плеяды первых советских гидротехников, которые строили Волхов и ДнепроГЭС, Чилму и Кубышев, а в Братске уже выходили на пенсию.

Небольшой сухой человек с ворошиловскими усиками, с лауреатским значком и старомодным мундштуком в зубах, энергичный и подвижный, бедоседовал с нами интелигентно и демократично. Правда, у него, как и у Гиндина, светились в присущенных глазах искры иронии. Ну что же такого в нас смешного? Я потихоньку, незаметно осматривал себя, потом глядел на Наташу. А ее глазах плясало: «Муж обнял грушу».

— Нуте-с, друзья мои, а теперь за дело. Будете проектировать ржавую¹ перемычку. Здесь две задачи: запроектировать ржавицу новой конструкции и организацию работ. — И закончили: — К лёдоставу чертежи должны быть готовы.

Он провел нас в комнату, битком набитую столами и чертежными досками, церемонно представил выглянувшим со всех сторон любопытным физиономиям и показал успеха в работе. Захлопотали кругом люди, нашелся стол, мы примиостились на нем вдвоем и начали свой трудовой стаж.

Первая ночь

Первый раз в жизни иду мастером, иду в ночную смену. На мне синий, как Черное море, вельветовый болгарский пиджак под название «модно облекло», в струнку натянутые спортивные брюки и кеды «два мяча». Отпусти меня Гиндин из-за кульмана. Он понимает, что невозмож-

¹ Ржавка — сооружение из бревен или бруса, засыпанное камнями.

но чертить и считать, когда на Ангаре монтируется мост для перекрытия, на складах у реки растут горы дивазобовых глыб, ревут под Пурсеем самосвалы, теснят Ангару, загоняя ее в проран¹. Солнце садится, глядит последние лучами нежный зеленый пух лиственницы и стелет над рекой прозрачный гобубей вечер. Любимой тропинкой по хвойному ковру, острым камнем и фиолетовым пушитым подснежникам спускаюсь я падь Пурсей, где припелись под скалой будка начальника участка. Восседавший за столом начальник Ромуальд Юлианович Букаты вполне соответствовал необыкновенности своих имен. Он имел вид монумента, временно сошедшего с пьедестала. Медное лицо с небольшими усами было хмурым и мощным, как у воеводы на пороге великих решений. Яробко представился. Букаты поднял на меня тяжелый императорский взгляд.

— Вы слишком пестро одеты. У нас производство, а не физкультурный парад! — Он выпускал слова хриплым басом, скучно и точно, будто для чеканки на золотых монетах.

Действительно, скверно. Среди земли, камней, соларки, самосвалов и телегоров я выглядел африканским попугаем. Почему-то мне казалось, что работа мастера — это дело спортивное. А потом, не объяснять же этому командору, что у меня сегодня праздник души, которого я ждал восемь лет, и что свою старую штурмовку с Тянь-Шаня и Памира я берегу больше, чем этот синий пиджак!

Букаты торжественно повел меня по своим владениям. Его бронзовую фигуру почтительно обезжали даже самосвалы-четвертаки, двадцатитонники, наружу веющие тяжелые дивазобовые нехабрицы на площадку, с которой должно было происходить перекрытие.

Этот камень — пенсия бабушки, задумчиво вслед четвертаку пробрасил Букаты, — столько же стоит. Поэтому зря не бросайте. Ваше дело треугольник: падь Турука, стапельная площадка, торец банкета². Острием в реку. Вон и проран на остре.

Крепкий коренастый парень — Леонид Иванович Яценко — стоял на торце банкета, расталкивал самосвалы на разгрузку.

— Новый мастер? Добре. А то мне вже спать охота. День — ночь, день — ночь.

— Леонид Иванович, все объясните, покажите. Он заступает сегодня в ночную. Желаю успеха! — отчеканил Ромуальд Юлианович и ушествовал вдаль. Яценко не претендовал на величие, ему было некогда. И говорил он быстро, с мягким полтавским акцентом.

— А что объяснять-то? Ты ж в Братске не первый день? Сыгн банкет. В верхний угол клади камень по-крупнее — видишь, сносит ухе. С этим делом регулировщик справится, Алексеем зовут, он у нас и за мастера был в почной. Машины точковщицы отмечают — вон две девицы у будки сидят. Бульдозериста Пашкой звать, моторный хлопец, все сделает. С береговой части фильтры ссыпь. Если что — звони диспетчеру. Добре! — спросил Леня и вскочил на подножку уходящей машины.

— Добре, — ответил я и остался в облаке пыли один на один с производством.

Над банкетом нависла тишина пересмыслин. Топот река по-прежнему шумела в проране да громко стучали сердце от неясных тревог.

«Вы будете мастерами — командирами производств», — вспомнились мне слова наших институтских преподавателей. Ну что ж, настал этот час — вперед!

— Здравствуйте, — по-офицерски поздоровался я с девушками-точковщицами, а они, закрывшись ладошками, прыснули друг в друга неожиданным смешком. У меня даже спина, наверное, покраснела, но, не подав вида, я гордо проследовал мимо них в будку.

За смолистым столом начальника участка сидел рыжий мужик в огромном зеленом плаще и, разложив на красном фланксе хлеб и камбалу, деловито закусывал, запивая чаем из бутылки. Глотнет и заткнет бутылку пробкой из газетки. Глотнет и заткнет.

— Вы Алексей, регулировщик?

— Ну, — сказал мужик, — а что?

— Работать будем вместе. Я мастер новый, тезки мы.

— Ну, чо, тезка, давай чайку пошвыряем? — Он протянул мне бутылку и любезно вытащил пробку, правя при этом смятый хлопок языком.

— Спасибо, но хчу.

— Чай не пьешь — откуда силу берешь? Чай погил — совсем нет сил. А ты по какой части? Бегун ли, прыгун, футболист ли?

— Дай мне фланжок и кончай рубать — машины идут.

— Это верно. Машины, они ходить должны. Пости-деть, как попить они не могут.

Я взял у него фланжок, поддавляя смех, и побежал к торцу банкета, где разворачивались и поднимали кузова первые самосвалы почной смены. Падунское сужение наполнил рев дизелей. Было еще светло, но машины уже завели на банкет сизый воинчий солдатский туман, который ветер не успевал растигивать над рекой. Шоферы работали красиво. Как на автомобильных гонках, стояли рессоры и тормоза. С горючом летели каменные лавины со сверкающими кузовами в кругой свал реки. Еще не успевал опуститься султан белых брызг, а машина уже прижалася брала с места, на ходу опуская кузов. Тяжелые бранки крутились так, будто шоферы хотели свернуть им головы. Меня не замечали, смотрели только на отмашки фланжака.

— Тезка! — закричал над ухом регулировщик. — Там из котлована звонят — кого-то с порогов в проран несет!

— Ну и что?

— На стапельной дежурный катер есть, надо бы перевхватить их. Беги звони, меня-то они не послушают.

Я посмотрел на реку. Да, от Падунского порога неслся плот. Сколько на нем людей — не поймешь в сумерках. До стапельной площадки полтора километра — не успею добежать. Впрочем, и не надо. Вижу, как катер отвалил от стапельной площадки и поднял наперерез плоту. Видно, сами заметили, молдьи. Мы с Алексеем выбрали место повыше, подобнее и стали неблюдать. Катер сделал круг у плота, подрефировал немного вместе с ним и газанул назад, словно испугался, что и его затянет в проран. Плот шел на нас.

— Это что, — спросил Алексей растерянно, — потонут ведь?

Теперь можно было различить фигуры. Все в штурмовках, что-то знакомое... Ну, конечно, у греби стоят Елизары и Мукосеи. Остальные пригнулись, вцепились, видно, намерто в крепь и молятся.

— Эти не потонут. Эти сами лезут в проран. Гляди, как проскочат.

— Ну-у-у! — протянул пораженный Алексей и от избыта чувств замысловато выругался.

Плот обногнул головной ряж, вился в сужение и, как с горки, понесся на опоры моста. Елизары с Мукосеем пригнулись, расставили ноги, рванули греби, целясь между опорами. Плот вильнул и уго-

¹ Проран — перекрываемый участок русла.

² Банкет — искусственная каменная дамба в русле реки.

дил точно по гребню струи, скрылся на секунду за стальной решеткой опоры, проткнул огромный белый бурун, стоящий за мостом, и заплясал на волнах к низовой перемычке.

— Вот сейчас бы их самое время катером выплыть. Мокрые ведь замерзнут.

И, словно угадавшее наше желание, из-за перемычки медленно вышел серый катер-«костромич», перевевший плот.

— Знакомые? — вопросительно кивнул Алексей.
— Друзья.

— Дурью мучаются. Потонут, а ты в тюрьму пойдешь.

— Бери флагок и работай. Я пойду бульдозер пригоню.

Людей, так вот смело прошедших проран, называли в туристских кругах братска «проходимцами». Поскольку круги эти состояли из бывших миссионеров, одесситов, туристов МЭИ и прочих, людей, сплошьенных в спортивных клубах, то между ними шло типичное, но жесткое соперничество. Первым прошли проран после ледохода Данилов и Мурзанов. Они стартовали в складной резиновой байдарке с верховой перемычкой котлована. На первой стоячей волне за мостом их перевернуло. Мурзанов поплыл к продольной перемычке и вылез на камни, а Данилов, отчаянный и сильный альпинист из МЭИ, поплыл за байдаркой, догнал ее, попытался вынырнуть воду. Дежурный катер выловил его только в конце Падунского сужения. Проплыть два километра в воде с температурой три градуса — занятие не для слабых людей.

Вторым был Елизаров. Он спустился в проран свою команду на яле, в порядке подготовки к походу в Норильск. К этому времени проран был уже стеснен отсыпкой, скорости и перепад волны. Ял проскочил благополучно, но нахлебалась воды. Слухи о «проходимцах» дошли до начальства, вышел приказ о запрещении подобных упражнений в проране и о дежурстве катеров. Однако сегодняшние плотогончики преибргели этим приказом. Кто следующий? Остались менее опытные и закаленные, но не менее азартные любители острых ощущений, а проран с каждым часом становится все уже и злее. Да, с точки зрения мастера, все эти подвиги выглядят глупо. Надо будет поговорить завтра с ребятами.

Яростный гудок МАЗа заставил меня сиагнуть изпод колеса прямо на острые камни откоса. Боль, порванные стяжки, крепкие слова из кабины рыкнувшей машины вернули меня к производственной действительности. Посидел на камне, покрякнул, потер ногу, какой-то проволокой прикрепил порхающий доску на штанах и, увертываясь от машины, добрел до бульдозера. Новенький бульдозер как бы спал, наглоухо задраны дверцы. На радиаторе пламенел флагок «Комсомольско-молодежный экипаж». Монстры и призымы остались без ответа, бульдозер был неприступен. Я не стал продолжать штурм, не так уж он был необходим, еще можно было сыграт и без бульдозера. Пощел обратно на торец банкета, соображая, что делать дальше. Навалилась черная ночь, прошитая строчками фар. Тяжелым маслянистым потоком обтекала река банкет с верховых стороны и фосфоресцировала белыми бурными внизу. Она дышала сдержанной холодной яростью, и вся эта наша стутившаяся работа по отсыпке вдруг показалась мелкой и бесполезной — разнесет ведь все к чертам собачим. «Надо бы заметить, не сколько мы, продвинемся за смену», — придумал я себе работу и побежал мерить.

— Мастер, где бульдозер-то? Смотри, завалили меня шоферы! — обрадовался моему появлению Алексей.

И вправду, на торце банкета вся кромка бугрилась отвалами, которые надо было столкнуть в воду.

— Пусть ближе к откосу сдуют.

Поток машин вдруг оборвался, а где-то в середине банкета расплыл огненный клубок фар; раздавались злые автомобильные сигналы.

— Пробка! — спокойно определил Алексей. — Да не беги ты, что бегашь-то?

Но спокойно ходить я не мог. Ноги, как стальные пружины, бросили меня в желтое пятно, где просреди проезжей части развалился здоровенный камень, перекрывший обе полосы движения. Сопровождающий гудками и хлесткими криками шоферов, я кинулся к бульдозеру и так громыхнул кулаком в камину, что в ней сразу возникла взлохмаченная голова.

— Ты чо, хрюхнулся?

— Хватит спать, езжай камень столкни, пробка на бакните!

— А я таких коммандиров в гробу видел, — сказал бульдозерист и завалился на сиденье, сунув мне под ноги свои ноги.

Это было слишком. Я рванулся его за ногу и заорал, что было слышно сквозь шум реки и мой автомобильных сирен:

— Я новый мастер и член комитета стройки! А ты... Павел, или как там тебя, будешь работать или проваливай и флагок сними к чертовой матери! — Прихлопнул его дверцей и побежал обратно к камину.

«Что же я делаю, дурак, шоферы же меня разорвут». Они и правда повислезали из кабин, что-то обсуждали, размахивая руками. «Да я его, гад, сейчас руками столкну!» — клокотала во мне злость на самого себя, на поток ругани (за всю свою биографию я и сотни доли этого не получал), на бульдозериста, на боль в ноге, на все эти несчастья только что начавшейся моей первой ночной смены. И вдруг увидел высунувшегося из кабины Сашу Вахтеля. О, это было спасение! Сашу я знал немного по спортивному залу, куда он ходил в секцию борьбы. Это был двухметровый гигант невероятной силы. Я прыгнул к нему на подножку.

— Саш, пойдем столкнем камень, пробка из-за него.

— А где твой бульдозер?

— Пока он подойдет, мы столкнем.

— Пойдем, разомнемся...

Мы прошли мимо почтительно смолкнувшей кучки шоферов, встали у камня. Саша тихо свистнул, почесал затылок и сказал: «Интересно!» Потянулись зрители и помощники.

А ну, по машинам, нечего тут делать, — шагнули он шоферов, — разграделись, не могли сами столкнуть, — проворчал он и сделал захват. Натянулись мышцы на могучей спине, ноги выпрямились, как домкраты, и камень ожил. Прикантовав его к бровке откоса, мы дали камню дружного толчка ногами и скинули в воду.

— Все дела, — развел руническими Саша и засмеялся.

Шоферы хлопнули дверцами кабин, звероподобно газанули и повели своих «бизонов» в бесконечную ночную карусель.

Так, порядок. Что будем делать дальше? Подошел к торцу банкета и увидел, что бульдозер работает! Значит, и здесь порядок. Бульдозерист высунулся из кабины и подмигнул мне, негодий. Шоферы сиплют правильно. А где же регулировщик? Нет его, исчез. Походил, посмотрел кругом. Ага, вот он — с нижнего откоса банкета шуршит в воде какой-то палкой. Подошел поближе и понял,

что Алексей ловит сачком рыбу. Ее много здесь, ощаплевшей от невиданной силы потока, отдыхает в тиховодье у камней. Увидев меня, Алексей несколько смущался, но занятия своего не бросил — уж больно завлекательно.

— Что, рыбу ловишь?

— Ага... Давай на пару? У меня там в будке еще сачок есть.

— А регулировать кто будет?

— Да из них легулировать — все сами знают. Небось, не первый день работаем...

— Ну, смотри... — подпuffил я металлу в голосе и ретировался.

Холодный ветер усиливаясь, мне было зябко и неуютно в этом незнакомом гротохочущем мире, тем более, что я просто не знал, как дальше надо «командовать производством».

Бесцумно и незаметно подкатила голубая «Волга» главного инженера. Большой седой человек выбрался из машины и подошел к самой воде. Почему-то снял шляпу и долго стоял, смотрел, как кругой водяной вал хватал ссыпавшиеся сверху камни и в белок пененосил кудато в чернильную гремящую ночь. Я подходил к нему и думал: «Вот столкнувшись лицом к лицу две гигантские энергии. Кто кого?» Гиндин стоял спокойно, как глыба, только ветер шевелил белые-белые волосы. Я подошел, потому что обязан был доложить по смене и потому что знал: нескользко минут беседы с этим человеком стоят десяти институтских лекций.

— Здравствуйте, Арон Маркович.

Он приветливо улыбнулся, поздоровался просто, как будто всю жизнь знал меня мастером.

— Как подвигаешься?

— Топчусь на месте, нужен крупный камень...

— А чего же ты ждешь? Звони диспетчеру.

Диспетчер, который знал меня по комитету комсомола, никак не мог взять в толк, зачем это проектировщики среди ночи вдруг понадобился крупный камень.

— Ты брось эти пьяные штучки...

— Может, тебе Гиндину позвать к телефону? Пойми же, балда, я здесь мастером теперь!

— Купите хочешь?

— Камень давай! — потеряв терпение, заорал я в хрипящую трубку.

Через полчаса на банкет поползли горбатые машины с негабаритами на плоских рельсовых платформах. Я заставил регулировщика бросить рыбу и разгребать камни в верхний угол банкета. К моему удивлению, тот безропотно подчинился — очевидно, подействовал приезд главного инженера. И опять все пошло без моего участия. Сходил в будку, позвонил Наталия. А еще целых пять часов смеяны! Что делать?

Девушки-точковщицы надели телогрейки и плащи, уютно сидели на перевернутом ящике из-под лимонада. Одна ставила точки вслед проходящей машине, а другая спала у нее на коленях, вкусно почмокивая губами. Бульдозер иногда затихал где-нибудь в дальнем углке банкета и тоже дремал, мурлыкая на малых оборотах. Иногда, словно проснувшись от собственного рева, он вздрогивал, яростно расплакивал насыпанные отвалы камня и вновь заихал, гася фара, словно закрывая глаза.

На меня неожиданно навалился сон. Он давил, пригнул голову к земле, свинцом наливал веки. Ах, черт! Если бы знать, что делать дальше! Я бесцельно слонялся по банкету, тряс головой, махал руками. Но все равно сон накатывался на меня, как дорожный каток.

Подошел к регулировщику, стал помогать ему принимать машины. Все бы ничего, но парень ока-

зался на редкость болтливым и вдруг стал рассказывать мне о своих победах над женщинами, о том, как они все его страшно любят. А ему на них наплевать. Вот и сейчас эту свою рыжую он хочет бросить. Ну ее совсем! Ругаться стала.

Болтовня блокировала меня, шеш поддамывалась, я даже не мог смеяться — уж больно он был невразный для таких африканских страсти.

А ты давай, тезка, поспи иди в будку. Все будет в порядке, — додгдалась о мое состоянии Алексей.

— Не-е... работа есть работа. Пойду диспетчеру позвоню, — придумал я предлог, чтобы удрать от его убаюкивающей болтовни.

Как же его прогнать, этот подлый сон? Даже на ходу все плюнет. Мысли ворочаются в мозгу, как двухрудовые гиры, а тут еще этот монотонный шум реки, огни прожекторов и фар расплюиваются по гребням волн. А может быть, все мне это приснится, вся эта новая смена — статуя Юлиана, Муса-косей на плоту, Гиндин у прорана, Саша Вахтель в борбе с дизабоговой глыбой? Не спать, не спать... А что, если испугаться? От одной мысли сон отдохнулся. Холодно, замерзну. Ну и пусть, лишь бы стражи эту мерзкую сонливость.

Я ворочался, оглянулся. Девушки по-прежнему сидели у будки. Далеко. Спустился к воде — совсем меня не видно будет. Алексей спиною ко мне лениво помахивал флагом на шоферов. Не заметит. На щечку спустился к черной воде, сорвал непронзившийся своей одеждой и тихо погрузился в холода. Интересно, как это Данилов тут плывал? Из тиховодья за банкетом я поплыл к бурунам. С воды они были огромными и страшными — чудовищная пляска ихтиозавров при луне. А вот они и меня прихватили, понесли мимо прожектора на продольной перемычке, беспомощными стали мои конвульсии в упорной силе струи. В паническом страхе я рванулась назад, но струя волокла меня в черную бесконечность. Не рвать, не рвать! Здесь должен быть обратный валик, он меня все равно вынесет к банкету. Холодная речная спираль крутилась вокруг меня к левому берегу, пронесла вдоль бечевника¹ к банкету, а уж тут я сам вырвалась к своей белой сигнальной майке. До чего же хорошо посидеть на камне, что хранит еще тепло ушедшего солнечного дня! Одаваясь, я услышала какие-то крики и потом отчетливо:

— Где же этот новый-то?

Застегиваясь на ходу непослушными руками, я выскоцил на гребень и столкнулся с точковщицей.

— Там машину утонула!

Внутри сделалась пусто. «Вот оно! Теперь уж точно тюдма!» — с холодным спокойствием подумал я, глядя на межившие впереди три темные фигуры, в ту сторону, куда показала девушка.

У самого начала банкета, где сипали обратный фильтр, стоял Алексей. Бульдозерист и только что выплывший из воды шофер. Со дна Ангары, как огни «Наутилуса», смотрели на нас непогашенные фары утонувшего МАЗа. Над их подводным светом кружила серая шоферская малокозырочка.

— Шофер жив? Как это ты? — спросил я и сам удивился глупости вопроса.

— Назад сдавай, да задремал маленько, — со смешком ответил Алексей.

Странно, но в этих трех фигурах не было трагизма.

— Я побегу, позвоню...

Бульдозерист поймал меня за руки.

¹ Бечевники — дорога вдоль берега реки, где «ходили бечевкой» бурлаки.

— Стой... мастер! Не гоношишь. Зачем звонить на свою голову? Сами справимся... Ты, друг, иди-ка в будку, включи «козла» да выкни одежду,— хлопнул он по плечу шоферу,— а девок сюда гони, чтоб не подглядывали.

— Больно надо утопленников смотреть! — фырнула за моей спиной учительница.

— Ничо, отгоревся, тогда погляди,— загоготал шофер и побежал к будке, чавкая сапогами.

Меня била дрожь. Уж я ее подавлял из последних сил: и напрягал мышцы, и расслаблялся, и уходил от света, чтобы рабочие не заметили, и злился на себя за костюм, за купание, за свое поведение, за неумение командовать — все равно тряяло...

— Нырять умеешь, мастер? — положил мне на плечо тяжелую руку бульдозерист Павел.

У меня даже дрожь пропала.

— Я подгоню бульдозер, а ты попробуй конец завести. Пока фары горят, крюк легко найти. Погаснет — не найдем.

— Да-ай, — согласился я.

Проезывающие шоферы стали притормаживать, с любопытством выглядывали из кабин, чуяли неладное.

— Алексей, гоняй шоферов, что смотришь! — неожиданно для себя самого гаркнул я на регулировщика и затрясся в новом припадке.

Алексей, как подпрыгнул и ринулся на шоферов. Карусель снова набрала обороты.

Павел громыхнул рядом своим бульдозером, претянул мне конец непослушного ершистого троса. Я сбросил мокрую еще одежду, взял трос и полез в воду навстречу затухающим огням. Нырнул, открыл глаза, пошел вниз. Свет расплывается, трос не пускает. Рванул его из всех сил, еще опустился. Вон капот, ниже крыло, ногой нащупал бампер. Где же эти чертобы крышки? Грудь сквишила резкая спазма — дух вышел. Бросил трос и выскошил, как пробка, наверх.

— Зацепил! — кричит сверху Павел.

— Нет! Страви побольше троса! — Зубы мои выстукивали слова, как забытку Морзе.

— Ты что, замерз?

Я не ответил, дернул петлю троса и нырнул. Пошел по тросу, всдид проволоку в ладони, даже до бампера не добрался, вынырнул. На камнях у воды деловито раздевался Алексей.

— Вылезай, тезка, дай-ка я попробую! Девки! — завопил он, развязывая вязочки кальсон. — Прощайте, девки! Поглядите на меня враспоследний раз! — Он залез в реку, как в ванну, взял трос (догадался верхонки¹ надеть) и, немного покряхтев, скрылся под водой.

Ругая себя последними словами, я стал судорожно налагивая мокрую холодную одежду. Нет, никогда в жизни не буду работать мастером, если даже меня и не посадят в тюрьму. Ну, какой я для них командир — срамота одна.

Алексея все не было.

— Еще не хватало, чтоб этот утоп, — вслух пробурчал я.

— Зачем? Завтра получка, — без улыбки сказал бульдозерист, тревожно всматриваясь в черную воду.

С шумом и фырканьем выпрыгнул Алексей. Мотнул головой так, что обрызгал нас своим мокрым чубком.

— Пашка, заводи свою шарманку — за два кро-ка зацепил!

Бульдозерист метнулся к трактору. Взревел двигатель, трос зарылся в гравий и пополз. Медленно, как в тяжелом сне, из воды поднялось автомобильно-земноводное чудовище, выпуская фонтаны из ката, кабины и кузова. Когда шофер выпрыгнул из будки, на бечевнике стоял, как новенький, его МАЗ и звенел веселой капелью.

— Вот спасибо, братцы, и мыть не надо! — с радостным удивлением приветствовал он свою машину. Кепочку взмыли, русалка — протянул шофер малокозырочку Алексей и нежно сдул с нее пылинку, — а когда назад сядешь — не спи!

Машину утищали на бускире, на душу стало легче. А смена моя, как ни в чем не бывало, громыхала через ночь к прогону и обратно, сыпала камень, вонзяла соляркой, и наплевать ей было на мои переживания.

— Возьмите телеграфику, а то вы замерзли, — услышал я робкий голос, и на дрожащие мои плечи лег теплый ватник.

— Что вы, спасибо, а как же вы? — растерявшийся от неожиданности, проговорил я, щелкая зубами, но девушки уже убежала, а из будки выглядывала ее смешливая подруга.

Подкатила бульдозер.

— Мастер, иди в кабину, тут тепло.

Так же хитро и масленично блестели черные Пашкины глаза, но в слове «мастер» вроде не было издевки. А может, это мне показалось? Я залез в теплую кабину и стал дрожать еще сильнее.

— Закурирай.

— Не курю...

— Да, верно, ты же спортсмен... «Опять издается». Вылезу сейчас, побегаю, без него согреюсь...

А Павел, будто угадав мои мысли, тронул за руки:

— Ты зря, мастер, в бутылку полез. Насчет фляжек. У меня сменщик заболел, а я уже вторые сутки в две смены вкалываю. Сон валит.

— Я их не...
— Потому я и стерпел про фляжок, а то б врезал...

Мы помолчали. Павел отвалился к стенке и мгновенно уснул. Вместе с теплом уничтожение мотора нагоняло сон. Ятико выбралась из кабинки, прошеся по банкету. Отсыпка продвинулась метра на четыре. Над Ангаркой рождалось утро. Сначала высветилась сопка на правом берегу, потом верхушки сосен, потом за Падунским сужением река сверкнула сквозь дальний туман, а в сужении вдруг залегли глубокие синие тени.

Загадливо стрижки на скалах, шоферы выключили свет, над маленьким зеркальцем прихорашивались точковицы. Люди ночной смены выглядели добре и симпатично, чем ночью. Даже регулировщики. Кто его знает, может, и вправду любят его бабки? У будки начальника участка стали останавливаться машины. Шоферы хлопали дверцами, будто шапками о землю: шабаш, мол!

— Кто путевки подписывает?

Учетчицы кивнули на меня, и толпа шоферов двинулась в мою сторону.

Я старался не поддать вида, что эта операция мне незнакома, размашисто подписывался прямо в середине листа.

— А штамп?

«Что за штамп, какой штамп? Опять дурацкое положение».

— Нету штампа, завтра будет.

— Ты что, не настоящий мастер?

— Иди, иди, — зло огрызнулся на шофера подо-

¹ Верхонки — рабочие рукавицы.

шедший бульдозерист,— подписали, и катись. Сам-то настоящий — на час раньше сматывавшись?

— Где на час, где на час? — грубою пошел шофер на Пашку.

— Мастер, ты возьми-ка у него путевку да время простояв...

Забияку как ветром сдуло, остальные штампа не спрашивали, только ворчали, что работают без обеда, что надо еще машины заправить к пересменке, что на тракторе рассуждать легче.

Домой я пошел пешком, не торопясь. Поднялся на Пурсей, как из погреба к солнцу. Болели руки от колючего троста, болтался лоскот на порванных штанах, обвисла и помялась моя пижонская одежда; на солнце так ласково грело спину, что было хорошо и душевные раны мои затихали. На тропинке около базы главного энергетика встретился мне Сашка Гуревич, шедший на смену бурить свой крепчайший дебаз.

— Товарищ! — приветствовал он меня, широко распахнув руки. — Это вы сделали такое утром?

— Нет, я сегодня работал плохо, товарищ, и не заработал я такого утра.

— Но ты знал тайны первой ночи, и ты теперь мастер!

— Мастер, — повторил я и засмеялся.

УДЕЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ

Главный инженер Братскэнергостроя Арон Маркович Гиндин проводил последнюю перед перекрытием планерку.

Я любил наблюдать Гиндина в работе. Это была школа высшей инженерной деятельности. Братская ГЭС не только его работа, она его любовь, его хобби, его страудания и гордость. Ради нее он спускался в донное отверстие 58-й секции и подходил к треснувшему стальному щиту, за которым притаилась сокрушительная сила пятнадцатиметрового напора воды. Ради Братской ГЭС он сел в первый поезд на эстакаде, когда железнодорожники откалились прогонять его из-за погнутой вниз опоры. Был период, когда он ходил на работу с переломанной и загипсованной рукой. В этой увлеченности он не давал разрядки ни себе, ни другим. Пять шрамов от микронинфрактов зарубцевалось на его сердце, пока уступили он требованию врачей — уехали из Братска.

Операцию «Перекрытие» Гиндин разрабатывал с особой тщательностью. Он не принял на веру готовый проект, заставил два института вновь провести исследования. Они показали, что традиционные кубы и тетраэдры из бетона не годятся для перекрытия Ангары, — слишком легковесны. Тогда Гиндин решил взорвать скалу у пади Турока, чтобы получить нужный материал — диабазовые глыбы, негабаритных весом от 5 до 25 тонн. Нас он заставил переделать московский проект моста для отсыпки — тяжелый ряжевый мост нельзя было построить с тонкого льда протоки, и мы сделали мост на прочных и легких опорах из буровых свай.

Теперь все готово. Завтра надо згнать реку в бетон. Все знают свою долю, «свой маневр», поэтому последняя планерка перед перекрытием была коротка.

Гиндин сказал: «Начнем сегодня в восемь вечера. Для прессы это репетиция, а для нас — перекрытие».

Последнее, самое трудное перекрытие в нашей стране было на Новосибирской ГЭС. Объ сорвалася

понтонный мост, пришлось вести долгую и мучительную пионерную¹ отсыпку — в проран леял железобетон, металлокам, сбросили даже старый паровоз. Из Москвы министр послал самого «патриарха гидроизделий» Белякова. С его помощью и с помощью связок из камней перекрыли Обь через неделю. А удельная мощность потока там была всего 27 тонно-метров на погонный метр. У нас ужо секунд в проране больше ста двадцати. Даже споры места дрожат.

На реке Колумбии люди боролись с такой же примерной мощностью сорок дней. Сорок дней специальный кабель-карн бросал в поток бетонные пирамиды весом по одиннадцати тонн и каменные глыбы. Огромные самосвалы высыпали более пятидесяти тысяч тонн камня, пока сделалась река.

Нам надо перекрыть Ангару за два-три дня, надо успеть до паводка.

Мой участок — стапельная площадка. Шикарное это название осталось как анахронизм. Отсыпали ее в первые годы строительства в том месте, где кончается поима Зеленого городка и начинается отвесная скала Пурсей. Здесь по проекту надо было рубить на стапелях рабки продольной² перемычки. Но проект был изменен, а название хорошее, да и сама площадка пригодилась. Лежат на ней готовые к бою пять тысяч серо-голубых диабазовых глыб — пять тысяч залпов по реке. Впрочем, и ранее это место было по-своему знаменито. Здесь начинался многотрудный волов в обход Падунского порога. Даже лихи казаки атаманы-первоходцы Пантелеимон Пенда, Максим Перфиев, Поздей Фирсов — боязливо вытаскивали свои качи на берег: «...порог Падун... круг добре, поднимата на него што в гору... и в канах не подняться». Купцы Бутыни пытались здесь пародок вытаскивать на рельсы, да моши не хватило. Однако крепкая мошна была — купили турень³ пародок в Англии, но и он порога не одолел. Разорвали Падун хвalemу агиюю цепь. Отступились миллионычи, не победив порога.

А подними голову — и увидишь на камнях полуторты временем победные реляции через «ять» о доблести спустившихся по порогу капитанов и лоцманов.

А как вырвать у времени и Падуна имена тех, кто его не прошел? Кого тут разбило? Кто в борьбе с ним душу отдал? Раздолбало все в камнях, в гротах и в холодных «стрижах» — ни зарубки, ни отмечаний.

Стапельная площадка лежит на самом коротком расстоянии от прорана — всего восемьсот метров. Поэтому здесь самые тяжелые машины — четвертаки, самые тяжелые камни и из четырех кранов два — двадцатипятитонные. Ни дать ни взять — резерв главного коммандования. За два часа до смены все проверил, все на месте — и камни, и краны, и надписи на скалах. Даже стропаль⁴ усидит, курят, примеряют новые верхонки, обсуждают экзотических гостей и корреспондентов. Делать до восьмини че него, пошел посмотреть на проран.

По всему Падунскому сужению царят предпраздничные суматохи. Журналисты и киношники высматривают у всех встречных, когда начнется перекрытие, и получают самые разнообразные сведения. Ходят, как лунатики, углубленные в себя поэты — Толя Преловский и Марк Сергеев, — вслушиваются в свои

¹ Пионерная отсыпка — отсыпка с торца банкета

² Тур — букир с цепной тягой. Поднимается по цепи.

³ Стропаль — рабочий при грузоподъемном кране, работает со стропами.

души, выуживают образы. Подцепил меня Петр Артемьевич Петров из сибирской кинохроники.

— Когда же начало-то?

— Не знаю, — говорил я, — в восемь погребуем бросать камни.

— Ну что же ты так поздно? Свету, свету мало, — стонет Петров и бежит со своим потертым «Кинапом» на дощатую вышку прицеливаться.

В воздухе висит тревожное ожидание. Стряска похожа на скатую со страшной силой пружину. Шесть «Уральцев» держат свои зубья на скальных забоях. Двадцать кранов с засупоненными за застывшими стрелами повесили свои гаки над двадцатью тысячами кубометров диабазовых глыб. Шныряют руководящие «Волгиз» и даже два черных длинных ЗИЛа с белыми колесами. На мосту много народа. Все смотрят не столько на проран, сколько на группу людей на мосту. В центре медвежья фигура Наймушина, а вокруг целое созвездие — заместитель министра Непорожний, секретарь Иркутского обкома Цетинин, писатели Александр Твардовский и Борис Попов — боке моя! Наши ребята смотрят, разинуты рты, регулировщики рукой махнули, не знают — кого пускать, кого не пускать. Не пустишь его, а он окажется Константином Симоновым. Пересяктия еще будут, а вот их разве когда увидишь?

— Ты что столько народа на мост напустил? — крикнул я регулировщику.

Тот только руки развел и присел малость в знак полного своего бессилия.

— Вот начнем, я их шугану, а пока хрен с ими, пойдем в буфет, перекусим.

— И то верно. Пошли.

На перекрестке бечевника и банкета прижался к скамье вагончик-буфет, который для рабочих был еще информационным центром, как колодец в деревне.

— Ну, ребята, начальства, писателей — табуном!

— Зови их, камбалу есть будем.

— Иван, небось, найдет, чем угостить.

За бутылкой лимонада под называнием «УРСБратскгэсстрой», которым запивали и курицу, и камбалу, и колбасу, шел неторопливый разговор.

— Прет она, Ангара, будь здоров.

— Закидаем. Негабаритов, видел, сколько? И такие сундуки, что бульдозером пошевелить не могу. Подошел Мухосей со своей бутылкой лимонада, и открыли мы обстоятельную прорабскую тряпезу.

Мимо буфета проревели шесть новых КРАЗов с десигнитными негабаритами.

— Началось?

Всех закусывающих как ветром сдуло и понесло к мосту.

КРАЗы веером развернулись и встали к колесообою!. Мы с Мухосеем переглянулись.

— Что-то не по программе, еще половина восьмого. Может быть, новые машины пробуют?

Мы потопали к мосту с достоинством, хотя очень хотелось побежкать. И нас спровоцировали-таки Пашка Комаров, выбежал мелкой трусцой из-за спины, сдергивая на бегу с шеи свой вечный «ФЭД».

— Братцы, бегом, летопись усклизнет! История! — крикнул он.

У машин уже зевывали подъемники, как сирены при тревоге. Шоферы высунулись, вылезли вовсю из кабин, одной ногой на подножке, другой на педали, головы вывернули назад, смотрят в кузов.

Запп получился неожиданным. Камни почти одновременно грехнули по кузовам, машины вззвились на

дыбы, как дикие кони, и трахнулись передками о настиль, даже мост вздрогнул. Шоферов, стоявших на подножках, сбросило, оставшиеся за рулем держались за головы — шарахнуло о потолок кабин. А в небо взлетели шесть белых суптанов, хрестом, заглянули на солнце. Упали брызги, и тишина опенепела повисла над мостом. Только Пашка тихо пел в стороге: «Поймал, поймал!» — и поглаживал свой аппарат.

Из крайней машины высокочил бригадир Левко Ка-вин. У него камень сошел хорошо, только вздрогнула машина.

— На тормозах держи машину! — яростно заорал он. — Ну, что рты развязли, шоб вам повязлио!

Шоферы чесали затылки, потирали ушибы, перемигивались.

А по левому берегу, по бечевнику от Турока до банкета, растянулась уже колонна груженых машин. Впереди «газики» начальника автуправления Ярмоща с красным знаменем. Колонна остановилась, Ярмощ что-то прокричал призывающее, передал знамя на головную машину Заводского, газунул на мост.

— Кавун, что тут у тебя, освобождай мост!

— Машинки пригают!

— Давай гони их быстро на базу, пусть рельсы по скосам привяжут. А по пути передай по колонне, чтоб держали машины на тормозах при сбросе. Дуй быстрее!

Красицки разбежались по машинам и укатили. Громыкнул репродуктор:

— Освободить проезжую часть моста!

Началось! Я рванул с банкета на стальной плоскодук, как когда-то в институте бегал в соревнованиях на четыреста метров. Навстречу мне, тяжело переваливаясь, шли четвертаки. «Загрузили без меня — вот позор!»

На площадке все было спокойно. Стропали сидели, курили, под кранами стояли четыре груженых ЯЗа с рельсовыми платформами, похожими на «каиш».

— Ну что там, скоро?

— Началось, — махнул я рукой в сторону моста.

Рабочие встали, вытянули шеи. Со стальной плоскодук мост был виден. Колонна уже входила на него, головная машина пошла на разворот.

— Стropите, сейчас четвертаки вернутся!

— Но суетись, мастер, тут делов надолго...

Всемя часов. Мост закрыла белая стена всплесков.

Все вокруг как обычно, как всегда, шумят порог, покуривают рабочие, покачивается катер у причала, тайга смотрится в реку с высоких берегов, белеют старые надписи на камнях. А люди начали поворачивать Ангару. Непостижимые разумом геологические периоды времени — силуры, палеозой, триаэроны — прогрязала она себе русло в неподвижных диабазах, а теперь ее хотят за несколько часов загнать в гребенку, чтобы потом затвором хлоп — и пожалуйте в хомут, в бараний рог, в спиральную камеру!

— Отвались!

Над моей головой прозвенели крючья строп.

— Четвертаки идут! Ребята, пошли! — крикнул я шоферам платформ, и они двинулись не торопясь. Под таким камушком не засутишься.

Огромные, как слоны, подошли двадцатипятитонные самосвалы. Раздалось четыре разноголосых «вина», и четыре огромных камня-негабарита поплыли в синем небе на спине машин. У стропали все получалось ловко, кроме двух операций — залезть на камень, если он высокий, и залезть на машину, чтобы снять строп. Тут нужна была спортивная

¹ Колесообою — большой ограничительный брус, в который упираются колеса машин при разгрузке.

подготовка — прыжком на камень, прыжком на колесо и через борт — в кузов. Я и занялся этим делом. Только со странами у меня что-то не ладилось: то крюк соскочит после «вири», то заклиният после «майна» так, что кувалдой выбивай. И пока я хыщек с этими проклятыми закорюками, крахновщики терпеливо ждали, не ругались, чего я больше всего боялся. Впрочем, машины на погрузке мы не задерживали, качали «мост» — стапельная площадка постепенно раскачивалась, и пошла длинная однообразная работа: строп, на камень — «вира», прыжок в кузов — «майна», снял строп — «вира», прыжок из кузова. И все дела по покорению Ангары — прыг туда, прыг сюда.

Через два часа мост пропал в выхлопном дыму и в вечерних сумерках, только сигналы издалека мерцаями желтыми пятнами прожекторов. Темнота окружила пятачок нашей стапельной площадки, поглотила верушки крановых стрел. Позвяливали стропы в лучах прожекторов, качались тени от камней, с одной стороны вились и выплывали фары машин, краятели реекори под тяжестью глыб, и под короткую хлесткую отмышку машиниста «Давай!» красные огни строп-сигналов уходили в ночь.

Хитрые стропала раздобыли где-то чурбачки: подставят к камню, топ на него ногой — и зацепят. Да еще в кузов лезут не каждый раз: дадут крановщику «майна» — крюки сами выскакивают. И лезут только тогда, когда сам крюк не выходит. А я все пригнаю, как козел, надо бы поспокойней; неизвестно, сколько еще прыгать придется.

— Как там в проране? — спрашивали у шоферов.
— Кто его знает — прорана.
— От наших камней-то есть эффект?
— Эффект есть — брызги летят. Да садись ко мне, поедешь, сам посмотришь.

Это же прекрасно! Я запрыгнул в четвертак и уже на ходу сообразил крикнуть стропалам:

— Ребята, я на мост! Посмотрю! Управитесь?
— Давай!

Езди по стапельной площадке, отсыпанной из дубаза, — сплошная тряска.

— Проезды не могли сделать по уму, — ворчал шофер, — резина в лохмотья, колес нет...

Я не стал оправдываться. Проезды подсыпали и выравнивали, но такую нагрузку могут выдержать разве что сантиметров тридцати армированного бетона. На бечевнике дело пошло получше, четвертак разво разогнался километров на тридцать, показалась цепь отней под пада Турука на банкет — оттуда шел основной поток отсыпки.

— Поворотики, едреный! — сказал с выдохом шофер, вцепился в барабанку, как борец, в бхвят, и стал ломать ее, крутил, поддавая корпусом, выворачивая четвертак на банкет. Вывернулся, почти не сбрасывая скорости, благо Язы и КРАЗы почтительно уступили дорогу.

Подпрыгнули на настиле моста, поворот, сдаем на-зад. Встали.

— Теперь держись, парень, зашибу.
За спиной натужно залеп подъемник. Шофер уперся в тормоз, сжался, как перед прыжком, — трах! Сиденье кинуло меня под крышу кабины, радугой сверкнули брызги, забаранили по кабине.

— Говорю, держись — враспор надо сидеть. Зашиб балду?

— Ничего. Ты езжай, я останусь, со следующим рейсом приеду.

Ну, и работа у шоферов! Каждый маневр вышибал из водителя пот, а маневр этот должен быть точным до сантиметров, и кругом ночь, и поптысячи машин хороводят, кто быстрей.

Река неслась в проране мощным глянцевым валом, будто и нет никакой отсыпки. Камни падали в черную прорву, было слышно, как погромыхивали они по дну, удаляясь. Сносит. Ну и силища у этой реки! Но не пропадает же наш труд бесследно! Где-то здесь, за мостом, снижается скорость потока, и камень остается лежать. Все ясно теоретически, а практически надо попотеть.

Опустился под мост, посмотрел на опоры. Стоят они, не шелохнутся ни от потока, ни от глыбовых запсов, ни от четвертаков. Сверху ухают и ухают камни. Подсчитал интенсивность — получилось около тысячи кубометров в час. Значит, весь запасенный камень можно выбросить при таком темпе за 16—18 часов.

Поймал свой четвертак и вернулся на стапельную площадку.

— Ну как, покорим Ангару, нет ли? — спрашивают с ехидной стропала.

— Часов через двадцать покорим, если камня хватит.

— А чо там двадцать-то? Надо бы в нашу смену, путь Найумшин шибчей командует.

— За Иваном Ивановичем дело не станет.

Сигнализации машины, не дают постоять, поговорить — только «Давай-давай!» висит в воздухе. И мы даем. Крюки стали послушными, суеты поменьше, работаем молча, все привыкли друг к другу. Пашка-бульдозерист поправил и расчистил подъезды, выхватывая время между рейсами, шоферы принимают камни точно, как на ладони, кладут их крановщики по заказу: побольше — на заднюю ось, если второй, поменьше, — в кабине его, так они лучше сходят. Только строп отойдет, машинист кивает шоферу — «попшел». Хорошо идет карусель, только бы не лип кто-нибудь под камнем, под машину или под строп. Помимо хорошо из лекций и инструктажей, что наибольший грамматизм дают погрузочно-разгрузочные работы, а тут как раз они, да еще ночью, да еще в темноте «давай-давай!», да с таким грузом, что сразу в лепешку. Важно, чтобы камни не ходили над головой.

Из-за правобережной сопки выполз серый рассвет. Не поймешь — то ли туман, то ли дым, то ли пыль. Мы все как будто взлем в этом тумане, и шум перекрытия глухнет, и прожектора светят взло. Да и мы нет-нет присядем, шоферы из кабин выходят размятся, на кранах чаще появляются помощники, и сразу стропы застремляются, камни дергаются, грохают в кузовах. Съездили еще раз на мост — вроде бы все так же в проране. Нет, если внимательноглядеться, что-то не так. Бурун под мостом уже не вырывается из глубины, а скакет по верхушкам камней. Надо своим стропалам рассказать об этом, а они вовсе как сонные мухи.

— Ну, что там слышно, покорим, нет ли?

— Теперь уж точно покорим. Уже подперли мы ее.

— Это как?

— Негабаритов много легло ниже прорана, это уменьшило живое сечение, то есть дырку, в которую идет река, — стал я популярно излагать основы гидравлики, — это создает дополнительную широковатость, сопротивление потоку. Гидрологи говорят, уже третью часть реки повернули на бетон, скорости в проране начали падать.

Стропала мутно смотрели на меня сонными глазами и кивали.

— Да ты, мастер, не так объясняешь, — вдруг громко оборвал меня старший из стропалей. Он хлопнул любопытствующего по спине, вытихивая из него пыль и сон, объясняя всю мою гидравлику так: — Это как будто ты, Вася, бабу хорошую в угол

припер и дальше соображай — ежели у тебя моши не хватит, она убегет. Понял?

— Ну, дак это понял,—раскатился Вася бараньим смехом, даже стрижек спугнул на склах.

— Что будем делать, пересменка у нас?

— Не буду я сменяться,—решительно сказал Вася и хлопнул рукавицами по камню,— всю ночь пахали, а тут, может, немного осталось, а мы уйдем? Мощи у меня хватят!

— Оно, конечно, охота бы на последний камень глянуть, бутылку раздавить...

— Да что-то ноги стали зябнуть...

— Всюбратьться бы, а то сон давит.

Чувствую я, что стропала пошли в атаку. Оно и верно, неплохо было бы встряхнуть наши организмы, но страшный призрак техники безопасности показал мне кулак из-за камней.

— Ноиги будем греть после перекрытия.

Показалось солнчишко второго дня, пробило туман. «Вот встает солнце нашей победы». Люди, дрогогие мозг стропала, краонщики и шоферы, запомнили этот день — 19 июня 1959 года! Вы слышите, как гудят ваши руки? Не уставайте! Еще одно усилие, и мы свиним реку, она потечет по нашим ладоням и даст нам такую силу, которой не видел мир! Так мысленно прокричал я громовым голосом над стапельной площадкой, а вслух сказал:

— Американец Аверелл Гарриман летит из Нью-Йорка, чтобы увидеть наше перекрытие. Кто хочет—сменяйтесь, мы с Васей продолжаем работу. Слышили об этом самом Аверелле? При Сталине ввойну работал послом США.

Никто не ушел.

С восходом солнца все преобразилось на нашем каменном складе. Пришел с кистью и белилами Коля Сластенко, и веселые белые буквы, как бабочки, запорхали по тяжелым негабаритам. Сверкнул объектив петровского «Кинапа», и стропала моя вдруг проснулись. Прибила новая смена — трое крепких демобилизованных; прибивались машины, приехал буфет, позвякивая бутылками лимонада, заильтели корреспонденты, повалил народ через милиционские кордоны. По берегам, в котловане и на мосту, как алье маки, расцвели под солнцем лозунги и знамена. В атаку! И мы снова ранули, теперь уже «в два смычка», сдвоенной сменой, а новые зеленые парни прыгали по камням и по кузовам легко и зорко, потому что кругом стояли девушки, жмурились на солнце, помахивали платочками, то ли от мошки, то ли нам, звенели серебристым смехом.

Теперь стало свободнее со временем, и можно было разыскать Наталью. Мы почти не видим друг друга последний месяц: я на работе ночью, она — днем. А поговаривает сейчас перед ней ужас как охочий! Снова в машину — и на мост, как на праздник. Прорван, подсвеченный солнцем, уже не кажется таким бездонным. Тысячи зрителей на трибунах в котловане, на берегах, на прожекторных мачтах ждут нашей победы. Где же тут Наталья в этом карнавале? Доверимся телепатии. И точно: из тысячелицых трибунных глубин светятся, как маяк, ее зеленые глаза. Кругом друзья, и ничего не скажешь ей такого, что хотел бы, но, ответив на все приветы, поклонив все руки и хлопнув по всем плечам, я тихо говорю ей:

— Нат, это все для тебя. И мост, и камни, и вон та картина на скеле, и всплески салюта.

— Да? — удивляется Наталья и смеется, потом трогает мою штормовку и говорит: — Ты бы поспал...

— Тогда надо остановить перекрытие — очень шумно.

— Нет, лучше сыпьте быстрой!

— Хорошо, я побежал. Скажи ребятам, чтоб приходили вечером.

— А когда же спать?

Но я уже вскочил на подножку проходящего ЯЗа и поплыл по пыльным дорогам перекрытия...

...И не заметил, как заснул. Проснулся от удара лбом по ветровому стеклу, шофер торчал под краном на стапельной площадке.

Чтобы проснуться, надо попрыгать по ночной системе «камень — кузов» и теперь уж до победного конца.

— Алеша, я выбрал последний камень, — тихо сказал Коля Сластенко, — пойдем посмотрим.

Среди передвежных гряд негабаритов мы прошли в угол площадки, где лежал «азаветный»: весу было в нем тонн двадцать с лишним, три крюка торчали для страховки.

— Писать?

— Пиши, Коля, пиши своими белилами огненные слова.

— Огненные я не умею, я попрошу... Как там — Сластенко махнул рукой на скалу: — «Здесь будет построена Братская ГЭС».

— Так это ты писал?

— Я, — поспешил Коля, — холодно было, краска стыла...

— Спасибо тебе, Коля, за эту надпись, многим она помогла... Пиши, я побежал грузить, да надо кран подгонять к этому камню. Пиши спокойно, еще часа три провозимся.

Жарко стало. Работаем в рубашках. Пот льет, мошка грызет, воздух напоен крепким дизельным дуком.

Какие-то добровольцы объявились из зрителей — помогают. Камни лягут «вирра» — «майнда». Стапельная площадка качается под ногами, точно плавла в штурме. Если сейчас сесть, то уже не встанешь.

— Ну как, Вася, моши хватит?

— Да вон шоферы говорят, отстрячки уже показались, камень из воды идет.

— Если это верно, то виктория! Смотри, сейчас прискакет гонец.. Вон Яценко скакает на лихом МАЗе.

У Лени Яценко глаза темные, в кругах, веки красные с недосыпом, но улыбается.

— Давай грузи последний камень. Написали?

— А как же. Сейчас мы его, как на блюдечке, подадим!

Поставили большой кран, подогнали четвертак-платформу, и поплыл «Наш подарок Пленуму ЦК КПСС» весом в двадцать пять тонн заканчивать битву у Падуна.

Все.

Я сел на землю, прислонился спиной к теплому камню. Как же дойти до дома? Ах, если бы Натка догадалась пойти домой через стапельную площадку!

Мимо идут люди, поздравляют, здороваются, а я сижу себе так небрежно, помахиваю им ручкой, жду знакомого, кто бы помог подняться. Появляется, как во сне, Наталья — веселой компании зрителей.

— Ты что сидишь? Пойдем домой!

— Пойдем, дай руку.

Перекрытиешло 19 часов. И не знали мы, что на другой день пойдет по Ангаре небывалый паводок.

Дружинушка хоробрая

Hикогда так не бегал. Наконец я его нашел. Пашка лежал под корабельными соснами улицы Набережной, лицом вниз, обнимал землю.

— Он жив? — спросил я у стоявшего рядом милиционера.

Тот молча включил фонарик.

К разбитому, окровавленному затылку прилипли хвоя и осенние листья.

Подбежали ребята. Милиционер подозрительно спросил:

— Вы кто будете?

— Друзья.

Ох, как трудно было выговорить это слово!

— Ну вот что, друзья, — сказал милиционер, — ему уже не поможешь, а поймать сбежавших нужно. Седитесь в машину — и в отделение к дежурному.

Мы молча набились в милицейский «газик» и рванули к отделению.

Дежурный, капитан Астахов, сразу все понял, вынул из сейфа пистолет и коротко сказал:

— Пошли по общежитиям.

Всех пятерых взяли к утру.

Главного — Лабутина, который работал в спортзале тренером по самбо, нашли по окровавленной рубашке. Он пришел в общежитие на рассвете и, завалившись спать, похвалься соседу:

— Сейчас дал одному левый, она у меня смертельная.

Брал Лабутин. Не левой он был, а большой корягой сзади, по затылку.

Нам трудно было пережить и объяснить, что Пашка, у которого столько надежных друзей, дрался один против пятерых.

В институте мы знали друг друга по комсомольской и газетной работе, подготовке туристских вечеров, но дружба пришла уже в Братске. Он появился в нашем доме в марте 1958 года, когда меня скрутила жестокая послеподходная диарея, пошутил насчет «детских болезней», помог Наташе отвезти меня в больницу.

— Оглоблей бы тебе упредить за такие походы, — ворвал Пашка, а мне уже было легче от его улыбки, оттого, что просто он был рядом.

За напускной грубоватостью, цитатами из «Города Глупов», «Золотого теленка» прятал он от нас свою доброту. Когда в забайкальском походе перевернуло плот и все поплыли к берегу, Пашка, почти не умеющий плавать, стал спасать общественный рюкзак и чуть не погиб. Никто из нас не знал, сколько бесконечных ночных коротал он в красном свете для того, чтобы подарить неожиданную фотографию, полную юмора и мастерства; сколько мотался по всем Братску в поисках куска баранины для настоящего шашлыка по-карски.

— Венгерская кухня — это вам не только красивый перец, — говорил Пашка, потрясая нас своим кулинарным искусством.

Ах, Пашка, Пашка...

Тысячу раз я перебирал цепь простых событий, мучительно отыскивая роковое звено.

Он провожал вечером знакомую девушки. Каждый из нас делал это много раз. Может, стоило пройтись мерзкие реплики пьяной компании или просто ударить. Он же понимал, что они провоцируют и ждут, когда он проводит. Но Пашка непоколебимо верил в людей и справедливость. Он что-то говорил им, а Лабутин снимал пиджак. Первые удары оказа-

Павел
Комаров.

Фото
Т. МУКОСЕЯ.

лись неожиданными — не думал Пашка, что пятеро могут бить одного. И еще не поздно убежать под свист и улюлюканье этих «сверхчеловеков». Но Пашку одолела ярость от подыхающих беспричинных ударов. Они были и были, а этот хиляк не сгибается, не падает и не убегает. Они всюду натыкались на его кулаки и ничего не могли сделать, пока Лабутин не хрюнул сзади.

Лопнул, как воздушный шарик, наш город Друзей, в котором «превыше всего... крепкая ценилась любовь».

Совсем рядом с нами живут Лабутины. Разве для них Боря Карташов проектировал, а мы на воскрепниках строили спортивный зал? Сегодня Пашка, а завтра кто? Незаметно смотрю на притихших ребят. Нина Хохлова плачет за кульманом. Тихо, только слезы ручейками. Вася Лукомский потемневшим синими глазами смотрит сквозь стены, наверное, придумывает слова. Ему сейчас звонят в Москву Пашкиной маме. Все почему-то говорят шепотом. На Пашкиной доске неоконченный чертеж, отточенные карандаши готовы к работе.

До сих пор не покидает меня чувство личной вины. Мы, начинавшие стройку и город, что-то просматривали. Может быть, мир нашей увлеченностии работы, студенческой дружбы, туризма и спорта, нашего миссионского землячества был слишком узок? Разве не мы должны отвечать за все, что происходит в нашем городе? Ведь Братск будет таким, каким мы его построим. И дело тут не только в проектах домов, планировке улиц и архитектурном облике гидроузла. Надо строить людей, надо создавать традиции.

Пришел Коля Михайлов, разрушил нависшую в комнате тяжелую тишину. Внешне он совершенно спокоен, но где-то внутри чувствуется стальная пружина, скжатая до предела.

— Вася, дай ключ, я Пашкины вещи отвезу в морг. Будешь звонить, скажи, чтобы сестра приехала на похороны. Мать не выдержит. Надо будет организовать показательный суд с общественным обвинителем. Этим займемся после похорон.

Вот с кем надо посоветоваться. У Михайлова есть способность четко действовать в критических ситуациях. Похороны и суд — это еще не все. Пусть не будет нам покоя до тех пор, пока в Братске живет хоть один человек, способный на преступление.

— Коля, поговорить надо.

— Давай.

— Предлагаю съездить комсомольское собрание и обсудить вопрос об организации народной дружины. Состав дружины — вся комсомольская организация управления.

— Правильно.

На другой день после похорон комсомольское собрание Управления строительством Братскэстзтрая единогласно приняло решение о создании народной дружины. Кроме комсомольцев Управления, в нее вступили все милицы, где бы они ни работали, все их друзья, все новые друзья Пашки Комарова. Меня избрали командиром дружины, Колю Михайлова выбрали вместо меня секретарем комсомольской организации. Заместителем командира стала Люда Григорьева, молодой специалист, выпускница Московского энергетического института. Начались ежедневные вечерние дежурства.

...В ноябре пятнадцатого девятого на улицах Братска заскрипели матросские бушлаты. Около трехсот демобилизованных тихоокеанцев посыпали в игровом зале Дома спорта.

Наша дружина в это время переживала кризис. Восьмого ноября я прочитал в журнале такую запись: «В клубе «Комсомолец» и на улицах проводили разъяснительную работу с хулиганами. Хохловы».

Нина, как никто другой, умел с мягким юмором сказать жестокую правду. Наш метод убеждения не вызывал слез раскаяния и моментальных перевопищаний. Часто приходилось иметь дело с «пытными» народом, у которого наши методы вызывали уголовно-аристократическую раздражительность или волну блестного юмора. А беседовать с нашими девочками им даже очень нравилось. Стоит какой-нибудь осоловевший жлоб, катает на спинной губе «бычка» и ведет с суровой и прекрасной Эммой Ореховой «галантейный» разговор: «Нехороший я, да? А вы хорошая? А я пойдем со мной, хорошая, в картину...» Это не значит, что мы не применяли мускульную силу. Но в большинстве случаев физическое превосходство было не на нашей стороне. Там, где нужно было «тащить и не пуштать», нам не хватало мужчин. Встречая на дежурствах матросов, я поэтому жаждо взирал на мощные плечи, расправлявшие черные бушлаты.

А почему бы и не пригласить нам этих ребят в дружину?

В спорзал отправилось наше представительное отделение во главе с бывшим матросом Володей Ганапольским, усиленное из этико-педагогических соображений членами штаба Людой Григорьевой и Ниной Хохловой.

Наш бывший игровой зал представлял зрелище, достойное кисти выдающегося мариниста. Среди бущующего призыва полосатых тельняшек на кроватях, напоминающих ребристые останки судов, в живописных позах были разбросаны тела клоттерящихся кружев. Пустые консервные банки, бутылки и запах — крутой, мужской — довершили скадство с пепельной картинкой кораблекрушения. Не разбились ли от быта эта большая лодка с экипажем в 300 человек? Один из «клоттеривших» усердно занимался тем, что, лежа под баскетбольным щитом, посыпал в колыцо бескозырку и попадал. Чувствовалась тренировка.

Если наше появление не произвело никакого впечатления, то вошедшие следом девушки вызвали безусловный эффект, равнозначный команде «полундров». Скрылись обнаженные ноги, откуда-то появились клаши с острыми, как бритва, складками. Незаметно подтянувшись обитатели самых дальних кроватей.

Разъяснятельный работу вели в основном девчата. Особо впечатляюще звучал у них матерный охват о недостатке ребят. Матросы смущенно улыбались: «А что же вы раньше-то...» — и валили записываться в дружину, колесом вытирая обширные попотные груди.

На другой день сияющая Люда Григорьева переписывала длинные списки, а Федя Юсфии пришел на дежурство в миманке. Бывший подводник с удовольствием шествовал во главе своего нового отделения в соленых волнах морских словечек.

Теперь мы твердо стояли на ногах: у нас был и интеллигентный подход и железные блиццы.

Дружина стала популярной. Ребята приводили своих друзей, а иногда во время дежурства в штаб приходили незнакомые и просили записать их.

Партийная организация управления послала к нам в дружину лучших коммунистов. Больше всех из этого старшего «руководящего» поколения проникнулся нам заместитель начальника стройки Григорий Сергеевич Несмелов, седоголовый человек со строгим взглядом из-под лохматых, нависших бровей и добрым сердцем. Он не давал «ценных указаний», а просто честно и добровольно втиснулся вместе с нами в нелегкую лампу.

Благодаря его помощи у нас появился штаб, в штабе стол, а на столе телефон. Немного позднее — лампа-вспышка и машина, предел наших мечтаний.

Все бы, казалось, шло хорошо, как вдруг равновесие интеллекта и физической силы в дружине нарушилось.

Матросы посыпали на работу каменщики в Новый город и посыпали в одном, 25-м общежитии. Ребята вместе ездили на работу, вместе ходили на дежурства, на танцы. Общежитие блестело чистотой и военной выпуклостью, привлекая девушек и газетчиков. Ребята захваливали, они повернули в свою всепобеждающую силу и непогрешимость.

По Братску прокатилась волна кровавых драк, в которых матросы играли не последнюю роль.

Сначала нам казалось, что все проходит обычно. Всегда после поступления на стройку какой-нибудь крупной и дружной компанией новых ребят неизбежно возникали стычки между ними и старожилами. Но с этим довольно успешно справлялись милиция, мы и время. Новенькие расселяли, устраивали на работу. Они завидовали новых друзей, женились, и через месяц-два одинокий клич «Ростовских бытъ» уже никого не собирали под боевые знамена: все становились братчанами.

А в этот раз дело зашло слишком далеко. Флотское братство оказалось крепче самых прославленных землячеств. Матросы ходили кучами и немзменно побеждали в стычках.

Однажды сквозь толпы танцующих в клубе «Комсомолец» к одной из пар пробился дружинник-моячик. Пары в недоумении остановились, потрясенная его таинственными манипуляциями. Матрос нахлинулся, приложил несколько раз спичечный коробок к узким брюкам кавалера.

— Четыре. Не пойдет.

И прежде чем узбекский танцор успел опомниться, одна из его штанин оказалась распоротой снизу до колена. Матрос успел выпрямиться и вру-

чить dame клин «для вставки», прежде чем задохнуться от ярости парень бросился на него.

Потасовка, прошедшая под лозунгом «Братишки, бей стяг!», кончилась жестоким избиением нескольких ребят из 19-го общежития. Среди них был случайно оказавшийся клубе и пытающийся разнять драку Димка Правдин — непрекаемый авторитет 19-го общежития, экскаваторщик с высшим образованием и бывшей шефом штандигиста. Он пришел к нам в штаб и спокойно сказал:

— Если вы ничего не сделаете с двадцать пятью, мы соберем два общежития и вышвырнем их, как хотят. Хватит. Надолго.

Димка не любил бросать слов на ветер. Костя Киселев — знакомый крановщик из 19-го общежития, рассказал, что ребята заготовляют арматурные прутья.

Люда Григорьевна металась между общежитиями. Мы отстранили отделения матросов от дежурства в клубе «Комсомолец». Двери клуба временно закрыла широкая спина Правдина, который до сих пор скептически относился к работе дружин.

Решено провести собрание в общежитии. Пока гостились в одном из женских общежитий опять «транул бой». Среди участников оказалось двое ребят из 25-го.

Надо было принимать крутые меры. Пошли к Наймушину, подписали приказ о немедленном увольнении со стройки инициаторов этой драки — Марченко и Брилко.

Заседание штаба дружин, комитета комсомола, бытсовета и всех жильцов собралось наконец в красном уголке матросского общежития. Ребята долго и тщательно мылись после работы, собирались нехотя. Молчаливым укором сидели в первом ряду, белая марлей и темной синяками, соседи из 19-го.

Последним пришел Марченко, смело сел перед столом. Он чувствовал себя здесь уверней, чем мы.

Тесная комната напоминала кубирк революционного корабля, на котором вверх берут анархисты. Я с тоской подсчитывал союзников.

Юра Буряков. Трудно ему, будняге, сейчас будет идти против своих флотских. Но ничего. На то и коммунист — не для легкой жизни.

Ивана Кремиса тяжело раскачивать, но парень настойчивый и самое главное — авторитет.

Кто еще? Кто?

Ихвидов должен помочь. И все. Комитетчики и штаб не в счет. Нас принимают как обвинителей.

Гена Шеронов — секретарь комитета комсомола — объявил начало открытого заседания комитета. Персональное дело Марченко.

Нам действительно пришлося туда. Когда наконец дошли до голосования, быть или не быть Марченко в комсомоле, Гена сказал, что голосуют только члены комитета. Несколько поднимавшихся матросских рук расперяенно застыли в воздухе, а потом сразу тишина раскололась шумом раздвигаемых стульев и криками:

— Зачем же нас звали?

— Кончай ломать комедию, пошли — без нас решат.

— Пошли отсюда!

— Геныч, закрывай комитет, — в отчаянии прокричал я Шеронову. — Давай откроем бытсовет, пусть сами решают.

Буряков понял ситуацию.

— Ребята! Стойте! Даешь бытсовет: по-своему побороть надо! А комитет потом сам решит.

Место за столом занял председатель бытсовета Сенюков — невысокий русый крепыш в форменке.

Разговор пошел по-новому, на равных. Забинтованные долго и нудно говорили, как они пошли на танцы, где стояли, как их ударили.

— Кто ударил?

— Не помню. Не видел.

Матросы сдерживали торжествующие улыбки.

Как я страшно жалел, что нет здесь Правдина!

Опять выползла на свет платформа «бей стяг!». Марченко поднял голову. Надо было повернуть собрание.

Как? Что им сказать? Где взять слова, способные взломать эту полосатую круговую поруку, пробить эти бесчувственные дредноуты?

Я старался быть спокойным, но внутри все кипело. Руки нервно мотали под столом газету, и вдруг... Эврика! Я положил газету на стол, бережно расправил и попросил слова. Сдержанностихватило ненадолго, сдали тормоза. Плохо помни, о чем говорил. Нажимал на героические морские традиции, говорил об их старшем товарище матросе Гайнину, о том, что Братислава не знал еще такого позора. Рассказал про Пашку Комарова, про то, как трудно нам работать и как мы на них надеялись.

Я говорил и смотрел каждому в лицо. Головы опускались.

— Вы приехали в Братиславу только вчера, а мы уже здесь три года. Мы знаем здесь каждое дерево, каждый дом и каждого человека. Какой-то дурак спустил штаны с идеологией и закрытия вам мозги. Парень, которому вы разрезали брюки, — отличный сварщик и студент-заочник! — И под конец я пустил в ход свой газетный козырь: — А что бы вы сказали, увидев в узких брюках своего флотского, тихоокеанца?

Зашумели морячки, засмеялись.

— Не может такого быть!

— Это уж ты бросы!

Я взял газету.

— Вы знаете четверку Зиганишина? Смотрите! Вот они сфотографированы в Сан-Франциско. Возьмите газету, посмотрите на их брюки. И запомните лица, а то ненароком встретите и оставите без штанов...

Кто-то по-лошадиному гоготнул в напряженной тишине.

Заскрипели стулья, потянулся табачный туман, напряжение спало.

— Ладно уж... Кончай!

— Все ясно.

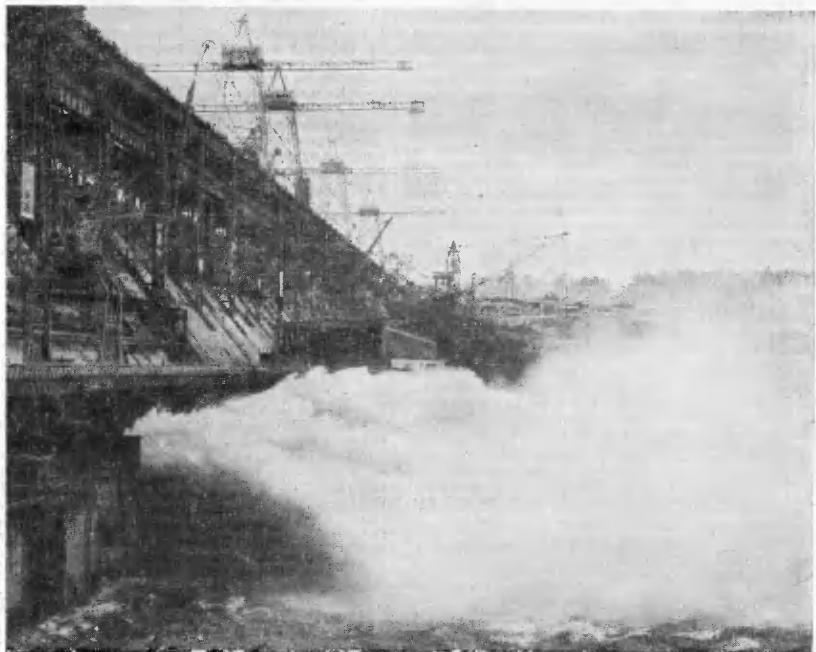
— Пойдем завтра дудочки покупать!

«Морской бой» был выигран. С тех пор никто никогда не видел в клубе нетрезвых ребят из 25-го общежития. Через месяц боевые отделения Кремиса, Курдовы, Бурякова, Исходицова снова надели красные повязки. Драк больше не было.

В декабре 1960 года мы трижды поднимали всю дружину в рейды.

Устали ребята, но и сегодня не подвели, особенно тихоокеанцы Кремиса — все в строю. Дежурство нетрудное, но почетное и ответственное: встречают Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Сначала надо пропустить кортеж машин по улице Гидростроителей, потом дежурить на смотровой площадке мыса Пурсей. Места там мало, скалы высокие; если подвалит любительский гидростроитель до подножия — только держись, дружинники!

Все шло хорошо, и даже мороз был не очень злой. Прощумели в снежном вихре длинные черные ЗИЛы по главной улице Падуна и укатили в котлован, а мы двинули на Пурсей. Обидно немного: ребята в котловане увидят гостей, может быть, и поговорят с ни-

22

На стр. 22:
Л. И. Брежнев в гостях у
строителей Братской ГЭС.

Братская ГЭС.

На стр. 23:
Вверху слева — А. М. Гин-
дин, справа — И. И. Найму-
шин; внизу — «А мы тут с
природы живем...»

Фото Н. ПЕРКА.

ми, а мы вроде дорожных столбов. Впрочем, взялся за гуж — не говори... На то она и добровольная дружина.

Гордый мыс Пурсей совсем другим стал. Выросла снизу плотина, поднялась главная эстакада, выкатились на нее краны, и скала стала ниже, сгорбилась, будто облысела из соснов. Люди уже без страха заглядывают вниз, держась за стальные перила. Привыкли, словно так былоечно. А ветеранам часто было грустно оттого, что теряет прежнее величие места их первого свидания с Ангарой. Поэтому в 1958 году решили мы поставить на Пурсее обелиск в честь сорокалетия комсомола. Боря Карапаш сделал эскиз, комсомольцы проектной конторы — рабочие чертежи, комсомольцы полигона железобетонных изделий во главе с Толеем Лунарем создали по ним стройную колонну, а потом мы с Подгайным смонтировали ее.

Стоит сейчас над Пурсеем этот белый шпиль, но и он не уберег нашу любимую скалу перед подавляющим величием плотины. Что ж, плотина — это тоже памятник и времена, и комсомолу, и нам, может быть.

...А вот и сигнал. Мы встали в цепь, расчистили место для машин, расправили красные повозки на руках.

Шумно высыпал десант кинооператоров и фотокорреспондентов. Они сразу суматошно забегали в поисках лучшей точки, на которой давно уже стоял Николай Иванович Перк. Один только хитрый Петров прошел со своим «Кинапом» сразу туда, куда надо, и занял командную высоту. Эхлопали дверцы машин, и на Пурсее сразу стало тесно. Убедившись в том, что ребята наши стоят крепко, я побежал к обелиску, чтобы сделать пару исторических кадров для своей фототетиши. Но в видоискателе попадали одни только затылки.

Пошел назад к ребятам, когда услышал сзади свою фамилию, которая передавалась, как команда, по цепи:

— Где он?
— Где-то здесь...
Я обернулся.

Прямо на меня шел Леонид Ильич Брежнев, улыбался и протягивал руку.

— Здравствуйте, товарищ Марчук. А я уже с вами знаком: видел вас в кинохронике о Братске. А вот сейчас на дороге не вы были?

— Возможно, я ведь, кроме всего прочего, командир дружинны...

— Да, усы у вас командирские. Такие на фронте артиллеристы носили. — Он подкрывал у себя воображаемые усы — А если говорить серьезно, то вы делаете очень полезную работу.

— Спасибо, Леонид Ильич...

— Мне было приятно с вами познакомиться. Желаю успехов в производственных и общественных делах.

Он крепко пожал мне руку и открыл дверцу машины.

Скрылся кортеж за высокими соснами, а ребята взяли меня в окружение:

— О чём разговор был?
— Как там дела в Москве?
— Ты машину для дружинки не попросил?
— Расскажи, расскажи...

Ребята приплюсывали от холода и любопытства, а мне хотелось каждому из них передать это рукопожатие и сказать какие-то теплые слова, но сентиментальность и эмоции были чужды мужскому братству наших дружинников.

— Товарищ Брежнев сказал, что мы делаем полезное дело. Спасибо, ребята, все по домам.

Подарок Ленину

Ах, как прав был бригадир Кеша Перетолчин, когда хотел написать книгу о крепости диабаза и ее преодолении! Это же не порода, а просто железо: со стальных клиньев стружку снимает, долотом! на набегающуюся заправлять. Есть, конечно, объективные технические показатели: прочность на сжатие — 2 400 килограммов на квадратный сантиметр, объемный вес — три тонны в кубометре, но наилучшим образом эти показатели познаются через кувалду. Инструмент этот за тяжесть рабочие называют «понедельником». Лупишь, лупишь, кажется, сейчас рука вместе с кувалдой оторвутся и улетят в небо, а камень лежит, не шелохнется. Придет геолог, стукнет его ломиком.

Убрать.

И спать выходит, кто покрепче, «понедельником» молотить. Бессмысличество этой работы приводила меня в ярость. Главный геолог Ангарской экспедиции Гидропроекта Наталья Михайловна Болотина — женщина невысокого роста, но смотрела на меня всегда сверху вниз или вовсе насквозь, не замечая моих тихих гигандов.

— Выполните требования проекта и технических условий.

Когда обращавшись к проектировщикам, они ссылаются на требования геологов, и круг замыкается.

Хватили мы лиха с этой скалой на семидесятых секциях. Там, где бетонная плотина должна выйти на правый берег, зияя глубокий провал. А мы его углубляли и углубляли, выпалывая руками выветреный дубац, тревожно поглядывая вниз, на водоразделы, которое поднималось нам навстречу. Успеем или не успеем?

Уборка скалы на нашем правобережном участке — это как цирковой смертельный трюк. Взрывать ее приходилось в самом центре важнейших коммуникаций — рядом с участком проходила железная дорога, автомобильный проезд, путь в столовую, стояла диспетчерская котлована, двигалась конвейер большого бетона с самосвалами, кранами и бадьями. Сюда же машины привозили рабочих на пересменку, рядом была крановая база, а опоры большой эстакады с цепью гирляндой трублопроводов и кабелей нависали прямо над котлованом. Перед каждым взрывом я давал начальнику буровзрывных работ Родику инструкцию, в которой было написано, что «все люди из опасной зоны выведены, техника укрыта, взрыв разрешен».

Мы укрывали опоры эстакады и карты взрыва ма-тами, связанными из бревен, толстыми стальными листами.

Каждое утро над нами с эстакады свешивается седая голова Бориса Владимировича Поступова — заместителя главного инженера Братскгэстроя.

— Это не начальник участка, — злится он на меня, — ему надо работу организовывать, а он сам с перфоратором забавляется.

А что тут организовывать? Все и так работают как черти, больше туда людей не поставишь — тесно и небезопасно, потому что долбаем скалу на нескольких ярусах сразу, друг над другом. Загремит камень вниз — костей не сосчитаешь. Комсогр участка Валентин Острянский собрал комсомольцев, рассказал, что значит для стройки наша семидесят первая секция. Сегодня это самая низкая точка гигантской плотины.

1 Долото — рабочий наконечник бура.

Близится паводок, когда водохранилище будет подниматься очень быстро. Мы должны справиться с этой скалой и успеть забетонировать секцию к паводку на высоту тридцать метров. Ребята все понимали, ребята молчали, поглядывая на свои тяжелые, сбитые руки.

После сознания это молчание вылилось в яростный написк — перфораторы, отбитые молотки трещины, как автоматы в злой атаке, лизали кувалды о клинья, только искры летели. Работу не прерывали на обед. Геологи, наблюдавшие весь этот отчаянный штурм, пришли наконец у нас основание. Мы радостно стали готовить к бетонированию первый блок, но, увы, радость была преждевременной. Когда геодезисты дали исполнительную съемку, оказалось, что большей скальной выступ на откосе со стороны водохранилища врезается в будущую напорную грань плотины и должен быть разобран.

Что делать? Прямо хоть головой бейся об эту скалу или бросаись с нее в море. Попробовал уговорить геологов оставить этот выступ, но тут заупрямились проектировщики — нельзя уменьшать толщину первого столба плотины.

Ну, как об этом сказать ребятам, которые уже выставили внизу опалубку? Взорвать этот пул нельзя — разбить нечем, не подойти. И опасно: отбой будет на эстакаде и д завалит все внизу, что с таким трудом расчистили. Остается одно — разобрать руками. Уж как не повезет так не повезет. Кажется, кинулся бы сейчас на эту скалу, зубами бы грыз, руками рвал, ломал бы, пока не умер, — такое клокотало в душе после разговоров с проектировщиками. И Постеплов, как назло, сверху опять поглядывает.

Чувствую, что устали ребята от скалы, рвутся к бетону. Тяжело их будет поднимать, но и бетонирование такого долгожданного блока откладывать тоже ошибочно. А выступ надо разобрать очень быстро. Нужны какие-то новые импульсы. Все устали от призов. Что ж, пойдем в бой сами. Нас трое коммунистов на участке из семи прорабов и мастеров. А больше семи человек на этом выступе и не поставишь — тесно.

ИТР первого участка собрались после дневной смены на откосе над семидесятой секцией. Уселись на камнях, на бадьях, на скале над морем и уставились со злостью на черный скальный выступ, похожий на Медицифелью. Тогда я сказал речь:

— Завтра двадцать второе апреля. Ленинский день. В подарок Владимиру Ильину надо за две смены убрать этот чертов выступ, чтоб утром начать бетон.

— Ну, Чапай, — засмеялся старший прораб Букреев, — за две смены тут пупок развесится...

— Это смотря какой пупок! — Прораб Татьяна Десятник подмигнула Вадиму Кулакову.

Мастер Кулаков смущенно покзал широкими, сильными плечами:

— Попробуем...

— Дело серьезное. Оно называется: «Коммунисты, вперед!». Остальные — добровольно.

Все помолчали. Снизу устало поднимались рабочие первой смены — еще зеленые дорогие наши солдатики, но гимнастерики уже потемнели от масла, от бурьевой пыли и пота.

— Пять ломов, две кувалды, клинья — сюда! — скомандовал им Букреев зычным голосом.

Ребята, проходя мимо, бросили нам под ноги ломы и кувалды и, уходя, удивленно оглядывались.

А дальше семь часов подряд только скала, мускулы и железо. Обычная норма гимнастиков — куб в смену. К ночи наш стропальщик Десяткин насчитала двенадцать бадей. Клинья все были размочалены,

ручики у кувалд сломаны, руки сбиты. Сил больше не было, а выступ еще оставался. Если продолжать дальше, то никто из нас завтра на работу не выйдет, мы сдохнем на этом скале.

— Хватит! — сказал я.

— Не убрали же...

— Ничего, я уговорю геологов. Сделано много.

— И чего она им помешала, такая скала?

— Пошли спать. Саша, заказывай на завтра бетон, — сказал я Букрееву, хотя совсем не был уверен, что нам разрешат бетонировать.

А утром мы не поверили своим глазам. Выступа не было.

Подошел Валентин Острянский, смущенно улыбнулся.

— Это комсомольцы. Видели вашу работу, остались после второй смены и добрали.

С эстакады резанули разборничий свист бригадира Зибуновского, и первая бадья бетона поплыла над семидесятой первой секцией. А мы, не сговариваясь, собрались на откосе, щурясь на солнце, слушали журчание ручьев по котловану, поглядывали на темнеющий лед водохранилища. Это было прекрасное утро, 22 апреля 1962 года, и мы приготовили наш подарок Ленину: обогнали море, справились с диабазом и начали бетонировать правобережное крыло Братской плотины. Наш участок «доказал себя».

Где же там Постеплов, почему он не смотрит на нас с эстакады?

Что делать с морем?

Братское море в свои младенческие годы было ласковым и теплым. Оно тихо вплзжало на зеленые лужайки, заглядывало в кусты, осторожно трогало жарки и ромашки. Мощные спины зеленых хребтов не давали разгоняться злому ветру, тихие заливы не знали волн, и не было границы между тайгой и морем. Красноперые окуньки ходили в ветвях белостольных берез, прямо из воды выпархивали испуганные перепелки. Люди, привыкшие к вечному плenу одеял, привыкшие с опаской относиться к воде, вдруг оказались на берегу спокойного моря и растерялись. Они не знали, что с ним делать. Седые таежные бойбы с выдубленными кориневыми лицами обнажили свои белые тела, шлепали босиком по плоской травянистой волне в неловких «семейных» трусах, бросали камушки, считая «блины», шумно плескались у берега, крахтя и повизгивая от неизведанного востора.

— Хорошо-то как, а!

Коля Михайлов отнесся к морю обстоятельно. На берегу в Падуне, рядом с базой ДОСААФ, появился маленький сарай, где уютно урчал компрессор, ходили непривычного вида люди с аквалангами, ластами и прочим диковинным снаряжением. Коля держал секцию подводников в строгой дисциплине. Двенадцать здоровых парней имели удостоверение инструкторов, а Лилия Данилова даже успела стать чемпионкой Иркутской области по подводному плаванию.

Как же быстро пролетают в Братске одинокие теплые дни! Мы пытались обмануть холод рубашками и самодельными костюмами, но он все равно настигал нас, выгоняя из воды к кострам. Не было от него никакого спасения, кроме как рвануть на груди тельняшку — на, собака, морозь меня, все равно не боюсь!

Так и сделали. А вдохновили нас моржи — Алексей Дорошенко и Костя Киселев, наши товарищи по

подводной секции. Зимой они регулярно купались в проруби, а 23 февраля устраивали заплывы в нижнем бьефе¹ Братской ГЭС. Смотреть жутко, не то что плыть: в воздухе градусов 30—35.

Бегу как-то в предновогодней морозной суете по улице Гидростройтелей, а меня останавливает Дорошенко, неожиданным вопросом:

- Не хочешь подо льдом Новый год встретить?
- Это как?
- Идем, покажу.

Зашли мы в будочку на льду у спасательной станции, я прямо обмер от невозможности происходящего. Вместо пола проруби светится бирюзовым светом в обрамлении голубого льда. Под водой елка сверкает игрушками, но висят они непривычно — вверх. Два черно-желтых «сакдо» лежат под ярким светом донных ламп, наевшись бусы, привязывают к елке бутылки шампанского. На улице милю сорок, в будке плюс пятацать, а в воде ноль. Ну, как тут не искупаться?

Нечего делать на Братском море подводнику, если он не морж. Жизнь подводников состояла не только из одних развлечений. Приходилось доставать всякие утопленные вещи, помогать в ремонтах водонепроницаемой техники, обследовать шлючки на водосливной плотине Братской ГЭС, выезжать для подводных работ на Усть-Илим.

Но все эти мелкие дела как бы в счет не шли. Никто подводников не признавал за серьезных людей до расчистки насосной.

Заместитель главного инженера Борису Владимировичу Поселкову сообщили, что водолазы отказались расчищать власы насосной в расширенном шве плотины. Хорошенькое дело — вода уже подтапливает галереи, скоро пойдет на здание ГЭС, а эти меднолобые резинщики, видите ли, свои поплы подать в шов не могут, манишка у них в трубе не лежит, условий им нет! Принцы южных морей! Не что делать, что делать? И тут он вспомнил о странном увлечении инженера техотдела Николая Михайлова, над которым часто подтрунивали.

— Николай Борисович, твоя подводная секция для развлечений или вы можете делать дело?

- Смотри какое.

— Которое отказалось выполнить водолазы. Не хотят, не умеют и до побаиваются.

- Это уже интересно.

— Надо срочно расчистить власы насосной в шве сорок восемь — сорок девять.

— Освободите четырех человек на четыре дня: меня, начальника СМУ дорожных работ Дорошенко, инженеров управления Онокина, Киселева, дайте машину. Попробуйм.

Стометровая темная пропасть расширенного шва дышала холодом. Несколько лет уже на дне ее не тает лед, перемешанный опилками, досками, цементным шлаком, арматурой и прочим строительным мусором. У напорной грани застыли ледяные водопады. Где-то там, под черной водой, торчат из бетона две трубы диаметром шестьдесят сантиметров, забитые мусором.

Дело нехитрое — оделся, сигнальный конец на поясе, в руки шланг для размытия мусора, и пошел. Если бы не холод, не чернота кромешная под водой, не грозы в мусоре. Да и сверху того и гляди болт или доска могут свалиться на башку. Но об этом лучше не думать: надо работать.

Вперед и вниз!

Терпеливо телепатаются в воде Дорошенко и Киселев. Где руками, где стальными прутьями, ломиками, где шлангом расчистили подводки к трубам, сняли

забытые сороудерживающие решетки. Упорные ребята, да и моржовая закалка сказывается, но с трубой у них дело тухо пошло. Оба широкие, как лещи, в трубу не лезут. Тут настала очередь Онокина и Михайлова. Надо всунуться в трубу, как торпеда в аппарат, и держать впереди шланг. Струя под большим напором размывает впереди мусор, возвращаясь, долбит по голове и, теряя энергию, выносит это по зазорам между подводником и трубой. Где же вы, теплые програнные глубины южных морей с белым кружевом кораллов? И так-то в этом чертовом расширенном шве работать неприятно, а тут еще в трубе. Как в гробу. Но ребята же рядом, вот сигналят: дерг! — «Как дела?», дерг — «Нормально».

Коля Михайлов увлекся. Он влез в трубу на весь свой двухметровый рост, когда запала мембрана легочного автомата на вдохе, — значит, скоро воздух кончается, пора назад. Попытался Коля дать задний ход, а он не дается. Еще раз уперся сильнее — не идет. Дернул сигнальный конец два раза, ответа нет. Дыхание стало прерывистым, кувырнулось сердце. «Спокойно». Коля с трудом подавил желание бешено рвануться из этой схватившей за горло тесноты. — Спокойно. Что меня держит? Мусор, наверное, отложился в ногах, напор не хватало на выноса. Попытался подвигать ногами — не двигаются. Значит, и сигнальный конец тоже зажат, не выходит сигнал из трубы. Повернулся струю на себя, но шланг перекинулся на сгибе и напор падал. «Самому не выбираться. Ребята, где же вы там?!!»

Костя Киселев — человек несуетливый, спокойный, бросил сигнальный конец Дорошенко.

— Леха, держи, я пошел, — и прыгнул в воду без аквала, только маску успел надвинуть на нос.

По концу дошел до трубы и сразу все понял — вход был завален. Костя яростно, по-собачки зарыдал руками. «Только бы успеть на одном вдохе». Мусор был рыхлый, поддавался легко, но мокрые легкие уже требовали воздуха. Вот прощупываются михайлловские ноги. Костя крепко ухватил их и потащил. Вытянут сколько мог и кинулся наверх, потому что грудь уже трясли судороги. Хватанул он все-таки воды, закашлялся, маxнул Дорошенко: «Погордись». Алексей понял и быстро выбрал конец, чтобы помочь Михайловой подняться. Костя поджидал его на плаву, быстро скрутил мундштук и с тревогой пытался разглядеть Колины глаза за мутными стеклами очков:

— Ты живой?

Коля шумно дышал, облачка пара выходили из муфты шлема и расплывались над черной водой.

— Живой...

— Выходите, на сегодня хватит! — крикнул Дорошенко и потянул Михайлова к трапу.

— Да, на сегодня в самый раз. Наелись, — согласился Костя, стягивая со своего необыкновенного торса промокший свитер.

Дорошенко раздевал Михайлова, а сам от радости, что все кончилось благополучно, просто зализываясь смехом.

— Ну, президент, ты чуть досрочные выборы нам не устроил!

— Дай-ка спирту глотнуть.

— Ты что? Спирт выдан только для промывки аппаратов!

— Давай, давай, — поддержал, удивившись неожиданной доброте президента, Киселев, — у меня легкие полны опилок.

А Коля Онокин уже достал флягу, снял с пустого термоса крышку, и нарушение дисциплины самим президентом секции состоялось.

— Завтра закончим, — сказал Коля. Его посиневшее лицо постепенно приобретало нормальный цвет.

¹ Нижний бьеф — часть русла ниже плотины.

— Завтра закончим, — поддержали ребята.
Через день насосная в сорок восьмой секции рабо-
тала нормально.

Когда встал на водные лыжи Бардашов, в Братске появился новый вид спорта. Бардашов раздобыл американскую книжку по водным лыжам, выучил английский и перевел эту книжку от корки до корки. Раздобыл где-то фильм «Водный праздник» во Флориде, собрал редких горнолыжников и других спортивных ребят и показал им этот фильм. Уговорил руководителей спортивного клуба купить снаряжение и катер.

Сибирь — это не Флорида, здесь больше привыкли к снежным праздникам, так что воднолыжникам приходилось в некотором роде вспахивать целину, но уже в 1965 году на первом всесоюзном первенстве в Химках наши ребята отчаянно летели с трамплина, стараясь перепрыгнуть самих себя и время. Не удалось, хотя братчане обогнали Украину, Белоруссию и другие команды с более громкими именами и с более теплых морей.

В 1966 году воднолыжники Братска выступали на матче городов в Дубне, где собралась вся воднолыжная элита: Тяпкин-старший и Тяпкин-младший, Галля Литвинова, Филин, братья Нехаевские, Русакова из Новосибирска.

Мы честно скрашивались два дня с непривычными скоростями белого катера «Дубна», кругой волжской волной и непривычно теплой водой, в которую приятно падать. Публику на берегах мы повеселили вдоволь, потому что зарывались обычно в воду в тот момент, когда комментатор перечислял наши спортивные доблести и ордена. Столкнуть бы их всех на минутку в нулемую воду Братска. Но мы не унывали, держались дружно, и Бардашовское бандюко залывалось наперекор всем неудачам и насмешкам.

Братск занял четвертое место.

На Дубне очень остро мы ощущали неумолимый и быстрый бег времени. Стрелка среднего возраста нашей команды перевалила за тридцать, и будущее не сулило нам побед. Поэтому следующей весной мы передали свои самодельные костюмы, затянутые лыжи-одиночки и фланы робким братским школьникам.

Итак, прощай, акваланги, прощай, лыжи! Но море остается! И если не нырять в него до боли в ушах и не трястись по жестким волнам со скоростью автомобиля, а просто посидеть на берегу спокойно и подумать о серьезных вещах в соответствии с возрастом и семейным положением, то можно увидеть деловых рыбаков на «Викриях», или философов с удочками, или белые крылья парусов. Удочки — это, пожалуй, еще рано, а вот парус — в самый раз.

Я пошел в яхтклуб комбината «Братскстеклозебер-тон», и президент Эдик Леднев щедро пожаловал мне во временное пользование в соответствии с решением совета капитанов огромный шестивесельный ях с полным рангоутом. Корабль серьезный и требовал мощной мужской команды. К этому времени у нас с Натальей уже была такая команда из трех сыновей, но мою ее была нам неизвестна.

В парусном деле наша команда во главе с капитаном была полностью безграмотной, хотя паруса на Братском море имели уже свою историю и традиции. Первым подняли их ребята второго завода железнобетонных изделий. Уже на трехлетнем от рождения море появилась крейсерская яхта «Нервия» с армокементным корпусом и полным такелажем, сделанным до последнего винтика руками железнобетонных романтиков. Две навигации выписывала она в гордом одиночестве грациозные галсы

своим белоснежным прибалтийским парусом, пока ошибка капитана и штурмовой осенний ветер не выбросили ее на камни мыса Пурсей. Черная от ветров башня Братского острога впервые стала свидетелем морского кораблекрушения.

На стапеле опалубочных цехов поднимались новые стройные корпуса, блестели традиционной медью новые штурвалы. У инженеров железнобетона были терпеливые золотые руки мастеровых, в которых крепко сидела трудовая память волжских корабелов. Каждое тепло скользило по воду стройные красавицы яхты, белыми лебедями скользили мимо треска подвесных моторов, дизельной гарги катеров. Скоро им стало тесно в таежных берегах Братского моря, и они поплыли в Норильск, на Байкал, в Северный Ледовитый океан.

Мы вышли в первый парусный поход вечером при крепком ветре. Ребята охали и визжали от восторга, увидев, как наш тихоходный и тяжелый под веслами ял вдруг ринулся резать волны. Наталья тревожно поглядывала на меня, но я показал ей, как рядом выходили в путь капитаны Третьяков и Тараканов, и она успокоилась. Залии прошли непривычно быстро, а за красивым бакеном на траверсе Пурсея торопились большие волны с белыми гребнями. Я глянул на плотину и увидел, что волны хлещут о серую стену, брызги взлетают до самого верха. Расчетная высота волны у плотины три с половиной метра — между прочим вспомнилась проектная цифра.

— Вания, галс! — крикнула я своему старшому и переложил парус.

Вания замешкался, и наш корабль дал такой крен, что чирпанул бортом. Наталья вскрикнула от страха.

— На левый борт, быстро!

Старпом отважно повис над бортом, ял выпрямился и вышел в «открытое море». Испуганная Наталья обрушила на нас ураган своей критики, смысл которой сводился к простой мысли: «Не умеешь — не берись». Она была права, но кто же знал, что будет такой ветер!

Мимо нас на всех парусах прошла великолепная «Динара» капитана Тараканова. Саша сделал нам рукой жест на Зябский залив и унесся вдаль, белея своим парусом между черным небом и синей водой.

Ветер был какой-то рваный, я никак не мог к нему приспособиться, вернее, просто не умел. Иван метался от борта к борту, выправляя крены, экипаж мой испуганно пригнал, даже Наталья прекратила критику. Лучше всех вел себя ял. Он, как добрый конь под неумелым седоком, пытался исправлять наши ошибки, держался осторожно, защищая высоким бортом от волн, не торопился исполнить противоречивые команды.

Что делать? До Зябы три часа ходу. Небо все черное, ветер не стихает. Тараканов уже не помощник — ушел. А если нас положит? Миша и Артем плавать не умеют. Наталья умеет только в теплых морях, а тут плюс шесть. Троих я не вытащу. «Семейный ковчег в опасности» — просигналила сирена в моем мозгу, и я сбросил парус. Ял, потеряв ход, беспомощно заплясал на волнах.

— Весь на воду!

— Папа, мы что, возвращаемся?! — удивился мой храбрый экипаж. — Посмотри — вон Третьяков идеет!

Из залива вышла «Нерви-дах» под штурмовым стакселем. Капитан Третьяков шел осторожнее Тараканова, но все-таки он шел через шторм за Зябью. Что же это получается? Капитан-отец сдрейфил на глазах у матросов-сыновей?! Не бывать этому!

— Отставить весла! Всем пересесть с борон вниз, на рюкзаки. Надуть матрацы! Бацмана и юнгу закутать палаткой!

Я поднял парус, и ял рванулся навстречу темному морю к еле различимой группе сосен на том берегу. Рядом маячил внимательный стакель Третьякова, и ветер уже не казался таким страшным.

Мы пришли к правому берегу в полной темноте. Ветер вдруг стих, высыпала звезды, негромко перешептывались верхушки сосен.

Когда мы с Ваней навалились на корму, чтобы вытолкнуть ял на берег, он тихо сказал мне:

— Папа, хорошо, что мы не повернули. Не сдались.

Дальше всех нас в использовании моря пошел Фред Юсфин. В 1956 году комсомольскую организацию Управления главного энергетика Братскэнергостроя возглавил вчерашний подводник Северного флота московки Фридрих Юсфин (Фридрих, потому что родился в день рождения Энгельса). Но мы зовем его Федя или еще проще — Адмирал. Он всегда пламенен своих новых идей. Нормальная систематическая работа — это не его удел. Его стихия — это вдохновение, импровизация, фейерверк. Ради минутной вспышки салюта он готов передвигать горы месяцами длительной подготовки. В 1957 году он организовал и возглавил шлюпочный поход братчан в Заполярье. В конце труднейшего пути на рейде Норильска шлюпка заложила на редостях такой галс, что чуть не пошла ко дну. Не многим братчанам приходилось знакомиться с Падунским, прогором вблизи, а Федя присидел в нем целые сутки, когда в 1958 году его катер с заглохшим мотором затянуло в порог и посадило на камни. Обалдел от горяча, пока ребята выручили.

Юсфин работал диспетчером, инженером в управлении, директором клуба «Ангара». Когда к Братску потянулись иностранцы, он создал Клуб интернациональной дружбы с устным журналом «Глобус». О нем много писали в книгах и газетах, журнал до сих пор существует.

Все началось с любви к Кубе. Когда выяснилось, что Фидель может разгромить врагов без добровольца Юсфина, Фред решил со своим Клубом интернациональной дружбы по крайней мере отметить день 26 июля на Братском море. Ему удалось собрать в кильватерную колонну весь флот водохранилища, все яхты, выбросить в море парашютный десант, устроить морской бой пиратов, парад водно-лыжников и возникновение подводников из воды. Сам он изображал Нептуна, принимающего в эксплуатацию новое море. А когда Фред входит в роль — это уже неуправляемая стихия. По ходу сценария Нептун приказывал своим слугам топить в море бородягов, пьяниц и других отрицательных персонажей, что с большим энтузиазмом делали наряженные дикарями студенты. Бородяги и пьяницы с криками и брызгами летели в воду, и к удивлению публики, не вслыхивали. Их изображали подводники, которые ныряли к трапу под баржей и подключались к аквалангам. Узнав об этом нехитром трюке, Фред решил непременно появляться из воды. Мы его отговаривали, но безуспешно. Настал час. Мы незаметно подвезли Нептуна на катере с другой стороны баржи, надели акваланги и ждали сигнала. Фред был великолепен — пышная грива волос и бороды, вместо короны — сверкающая консервная банка «Сельдь атлантическая», длинная белая туника.

— Нептун, сейчас появится владыка морей Непту! — прогремел усиленьем.

Это был сигнал. Дорошенко быстро повторил Фреду инструкцию, мы с Киселевым взяли его под руки, сунули в рот мундштук и поплыли. У трапа Фред совсем потерял ориентацию и никак не мог

сделать последний глубокий вдох, чтобы выходить с запасом воздуха. Ударился о баржу, слетела с головы «Сельдь атлантическая». Нелепо пугалась в ногах длинная туника. Мы с Костей поставили его на трап, выдернули мундштук, надели банку и дали толчок наверх.

Появление владыки морей из воды эффекта не произвело. По трапу еле вылез мокрый человек в консервной банке, кашляющий, изрыгающий воду и дрожащий от холода. Борода мочалкой висела на шее, туника облегала негеркулесову фигуру, все веселые тексты выплыли из головы. Но Фред есть Фред. Стоило ему подняться к микрофону, увидеть тысячи людей на берегу и ликующую пляску дикарей на барже, как вновь проснулся в нем артист; сценарий покатился дальше.

Праздник моря стал с тех пор традиционным и повторяется в Братске каждый год.

Вершиной морской деятельности Юсфина стало создание в тихой бухте Забайкальского залива детского военно-морского лагеря «Варяг». Здесь будто материализовалась мечта сибирских мальчишек о море и боевых кораблях, о дальних плаваниях и необыкновенных приключениях. Командирами экипажей служат настоящие моряки — курсанты высших учебных заведений Владивостока, а комиссар — детский писатель Михаленко. Лучшие из «варягов» каждый год едут с «адмиралом» Юсфином на гвардейский ракетный крейсер «Варяг».

В самом затвом месте хранит мой сын свои фотографии, на которых шагают стройные братские мальчишки в наглаженных белых форменках, стоят у ракетных башен «Варяга». Тихоокеанский ветер шевелит голубые гюйсы. Не сон ли это был?

От рационализации в прорубь

Во всем виноват начальник технического отдела строительства Усть-Илимской ГЭС Фрейдман. Он завел спор с Гидропроектом о конструкции продольной перемычки. Если мыслить логично и стандартно, то Гидропроект прав. В Братске перемычка была ряжевой, работала надежно, значит, такую надо делать и на Усть-Ильме. Кстати, тогда и Фрейдман занимался ее строительством, имеет опыт, должен бы приветствовать это решение. «Нет», — сказал нелогичный Фрейдман, — проще, быстрее и дешевле вместо ряжевой стени отсыпать каменный банкет. Камень рядом — на острове Лосекон. А для рубки ряжей нет ни времени, ни людей.

Гидропроект собрал лучшие свои умы и стал думать, как с Фрейдманом совладать. И придумал. «Не возможно, товарищ Фрейдман, принять ваше предложение», — сказали ему лучшие умы, — потому что при отсыпке каменного банкета поток будет выбывать вбок мелкие фракции камня, они отложатся шлейфом под телом перемычки и будут служить путями фильтрации воды в котловане».

Главный инженер СМУ основных сооружений Усть-Илимской ГЭС Михайлов — человек действий. Ему надо эту перемычку строить сейчас, немедленно. Рубить ряжи нет людей, а сыпать каменный банкет можно. Это с одной стороны. Но с другой стороны, его сыпать нельзя, потому что Гидропроект боится размыть. Значит, нужно доказать, что размыва не будет. А чтобы доказать, надо начать отсыпку и

лезть на дно Ангары проверять. И я еду туда как представитель техинспекции.

...Вертолет развернулся над островом Лосенок и нацепился на маленькую четырехугольную площадку среди белого хаоса горосов. От ряжа в торосы торчал небольшой кусок банкета, который нам и предстояло обследовать подо льдом и под водой. Командир точно посадил свой вертолет, погасил рев и свист винта, и мы выгнулись в морозную тишину. На банкете нас ждала маленькая будочка, в будке пекла, рядом охапка дров. Даже трап приготовлен на откосе. Михайлов обо всем позабылся заранее.

Мы рысью проследовали в мини-будочку, с трутом втиснули туда снаряжение и двух человек, затолпили печку. Михайлов с матросом Колей пошли взрывать майнай. За костыли было тревожно — не сломались бы на морозе, поэтому пришлось ждать, пока воздух в будке подогреется.

На леду грохнул взрыв, и брызги пришли за нами. Ковалычук ловко спустился по трапу, растопкал льдину, закрыл шлем. Помахал нам рукой, шумно вздохнул — и только веревочка побежала быстро-быстро из Колиных рук, а я, как корова на льду, скользил в своих стальных башмаках, из всех сил стараясь не упасть на обледенелом откосе или на трапе. Добрался все-таки с помощью Михайлова до воды и погрузился.

Сразу сделал массу открытий. Во-первых, ничего не видно, тьма кромешная. Взрывом, наверное, подняло все муть, и теперь обследование надо делать на ощупь. Во-вторых, спустившись на дно, обнаружил, что иди не могу и плыть не могу, баражатаюсь в невесомости. Испутавшись мороза, надел я два свитера, и теперь запас воздуха лишил меня устойчивости. Надо «объяться» — выкачивать воздух из костюма. Поднял носом из шлема, «объялся», встал на ноги, да сигнал «на грунты». Ощупал ногами основание откоса и дно — крупный камень отсыпал обрывается на гладком скальном дне, никакого шлейфа нет. Двинул вдоль откоса, но иду неустойчиво, всплываю. Решил взять камень, но все камни в откосе смерзлись, покрылись ледяной коркой. Просигналил я Михайлову «подъем», попросил камень. Коля удивился: «Что тебе там камней мало? — но выдал мне дивизион на полупуда.

— Уходи быстрее, а то привхватят легочный автомобиль!

На этот раз с пригрузкой я уже тверже стоял на ногах, двинулся вдоль откоса. Дно чистое около банкета, только на крупные камни натыкаешься, большие, как стол. Обошел один, другой и запутался со стаховочным концом. Одна рука занята — камень держжу, а другой надо сигналы слушать. А что же слушать, если конец где-то в камнях зажало? Вернулся назад, распустился, бросил камень и пополз, как рак, ощупывая подночные откосы. «Однако, — подумал я при этом, — не многие работники технической инспекции проверяют так качество работ. Неплохо было бы также опустить под лед т. Овечкина из Гидропроекта для проверки порожденной им теории разноса и фильтрации. Сидит он сейчас довольный и розовый на второй Бауманской, а тут поплз на карачках изза его научной фантазии!». Не нашел я никакого шлейфа и просигналил «подъем».

Посидеть бы у печки, погреться малость, но Коля Михайлов уже влез в мой мокрый и холодный костюм, натянул на голову шерстяную шапочку.

— Помоги.

Надетые жгуты, акваланг, взят сигнальный конец, и Коля уже скользит по откосу к майнай. Взорванный лед прихватило морозом — надо торопиться. Ми-

хайлов пошел уверенно, сигнальный конец так и рвется из рук. Воздушные пузырьки выдоха уже не тревожили взорванную ледяную кашу, как при первом погружении Ковалычука, а прилипали снизу к свежему прозрачному ледку. Следить за ними стало трудно. Треворий бы надо, быстрей, а то не пришлося бы лед головой таранить.

Подошел командир вертолета.

— Нам надо улететь. Мы должны до захода быть на базе.

— Ясно, командир, сейчас почнем.

— Через две минуты я запускаю двигатель, — ходинко сказал замерзший командир.

Я просигналил Коле выход, но он не очень торопился, глядел себе подо льдом. Не передашь же через веревку, что вертолет улетает. Да и Михайлова можно понять: ему, главному инженеру СМУ, работать в этом котловане, и если он будет дырявым, то потом никаким водоотливом не расклешаешь.

Взревел двигатель вертолета, замахали над льдом огромные лопаты.

— Иван! — звярол я через шум мотора. — Грузись и дергай вертолет, я вытаскиваю Михайлова!

Ковалычук с дружком потащили к вертолету наши пожитки, а я просигналил Коле «подъем» и с силой стал выбирать конец. Когда его голова вопросительно прибрюзжила над майнай, вертолет уже подныривал от ярости, а на его дверце висел Ковалычук. Михайлов сразу оценил обстановку, быстро выскрабкался с откоса и прямо обмерзаящем на глазах kostюме побежал, как спон, к вертолету. Мы втащили его волоком вместе с трапом под яростную ругань вертолетчиков и уже в полете стали снимать заледневшие жгуты, акваланг, башмаки, пояс. Но раздеть так и не успели. Вертолет перепрыгнул реку, обогнул Толстый мыс и повис над стадионом. Нас стали выбрасывать, по-моему, задолго до посадки, даже неизвестно, была ли она. Отгущенный треском и ледяным ветром, мы оказались в снегу, а вертолет потархнул над верхушками сосен в Братске обняв чистый заход солнца.

— Добро бы золото искали, — пробурчал, отряхиваясь, Ковалычук.

— Милион, — сказал Михайлов, — мы нашли миллион, — и поддернули свои резиновые штаны.

Он не шутил, но мы рассмеялись — ух больно не лепо выглядят водолаз, выдернутый из-подо льда в небо и выброшенный с неба в сугроб. Хорошо еще, что шофер вдохнул жизнь в свою машину, нагрел ее и забодливо подобрал в снегу наш незадачливый десант.

Через десять минут мы в доме Михайловых, где всегда есть бутылка доброго вина, чашка горячего кофе и гитара. Тут ждал нас взволнованный Фрейдман.

— Ну, как там?

— Ты, Борисыч, садись и пиши акт. У нас руки не действуют. Отогреваемся, тогда подпишем.

— А что писать?

— Нет размытия.

ВЦ на Лосенке

Такой случай нельзя было упустить никак. В феврале 1967 года готовилось зимнее первенство Ангары у Толстого мыса — второе в мире за всю историю гидротехники. Первое было десять лет назад в Падунском сужении. Теперь представлялась возможность провести щадительные натуральные наблюдения, проверить метод расчета и отдать

его в работу будущим сибирякам, пусть вспомнят нас добрым словом где-нибудь на Тунгуске, на Олекме или на нижней Лене.

Проверить расчеты. Это значит сделать два десятка водостопов, найти людей, которые могли бы ходить по горосам 15—20 километров в день, бурить метровый лед, жонглировать на кромке майны, работать с нивелиром, уметь считать без ошибок. При этом жить надо в «полевых условиях» и работать почти непрерывно изначала до конца перекрытия.

Не успел я сделать и первых оргвзагов, как в мой кабинет стали заглядывать добровольцы. Первым был инженер техниспекции Дима Кошевой.

— Возвращайся?

— А я на тябас и рассчитывал. Только помоги организовать геодезическую часть.

Димка, человек неторопливый и дотошный, работал геодезистом на ЛЭП-220, уже десять лет мы с ним в Братске на тыбы.

Итак, если со мной, то уже двое есть.

Потом зашел главный специалист проектной конторы Степан Дубровин, степенно посидел, помолчал.

— Тут слух прошел. Интересуюсь знать.

Я развернул ему план водостопов.

— Однако, ходить много. Это мне в самый раз, запиши.

— Записать-то не штука, а вот отпустят ли. Ты же большой начальник.

— Да. Большой,— согласился он,— восемь девок— один я.

Степан, конечно, был находкой. Это надежный человек, способный выполнить любую работу. В свое время о приехавших в Братск москвичах и прочих добровольцах взахлеб пели сешибровые трубы радио, газет и журналов: такие-сякие, пионеры, первопроходцы. А Степан Дубровин и не помнит, с какого дедовского колена живет его род в Падуне. В школу ходил из Падуна в Братск за сорок километров по таежной дороге. «Первопроходцы» еще и на свет не родились, а в Падунском порога пахал землю Дубровин из колхоза с символическим названием «Ангарстрой».

— Тогда забирь и своих девок с собой, чтоб им без руководства не оставаться.

— Подумаем,— сказал Степан и пошел в свой отдел.

Дима Кошевой проявил невероятную для себя оперативность, пришел с геодезистом из отдела главного маркишера Владимира Дмитриевичем Быстрицким.

— Я, конечно, по возрасту вам в отцы годжуся,— Быстрицкий смущенно протер очи.— да и форма уже не та, но, если возвьмете, я поеду Километров десять нивелировки в день еще могу. Стать в мешке в тайге, на морозе приходилось тоже.

Потом робко зашли три девушки — техники проектной конторы из отдела Дубровина.

— Можно мы со Степан Михайловичем на Усть-Илим?

Людей искать не пришлось. Была даже проблема выбора и обид.

Строители Усть-Илима разбили водомерные посты, приказ о составе бригады был подписан, до выезда осталось решить только один вопрос: где разместиться на жилье? Этот вопрос мы долго обсуждали по телефону с Усть-Илином в лице т. Михайлова и остановились на варианте «Лосенок». Этот островок расположен в четырех километрах от цивилизации, зато в центре событий, в центре сети водостопов. С лета остались на нем две будочки от буровиков, которые Михайлов постарается восстановить.

6 февраля наш десант высадился на Лосенок. Он состоял из пятерых мощных мужчин и трех прекрас-

ных девушек. По объемам работ надо бы вдвое больше, но Брэкт сумел отпустить только этих. «Мы в тельняшках», — успокоил меня Степан. Кроме нас четверых, мужскую силу представляет еще Геннадий Иваних, тоже главный специалист проектной конторы. На этом их тождество со Степаном кончается. Эта пара — как конь и трепетная лань.

Девичья часть команды состояла из техников Степанова отдела — Зои Ладыжиной, Люды Воиновой и Тани Полторацкой. Зоя — это Двойниковка, Суок, Малевина с голубыми волосами. Правда, волосы у нее золотые, но зато голубые глаза и голубой бантик и ямочки на щеках — даже страшно, вдруг растирает она, и кончики сказка. Люда Воинова, в соответствии с фамилией, девица резкая и воинственная, ей бы в гусарах служить. Любимое выражение: «ты чо, парыж?». Тания Полторацкая, большая и плавная, как лебедь, барышня-крестьянка, с княжеским гримасированием и грациозной ленцой. Был еще и девятый — архитектор и поэт Андрей Андреевич Вознесенский под клапаном моего рюкзака.

Коля Михайлов подготовил все наилучшим образом: в двух будках на загривке Лосенка, где еще остался нетронутый лесок, сверкали белизной простыни на дестины кроватей, стояли печки, были заготовлены дрова. Все бы хорошо, но в одной из будок не было стекол в окне, а за окном минус сорок девять. И это было первым испытанием.

После семи часов пути в застывшем автобусе мы выгрузились у Ангары, на остров перешли пешком деревянными ногами, потому что по технике безопасности нельзя ехать в автобусе по льду. В голубых сумерках ждал нас оцепневший от холода Лосенок, мороз когтями вцепился в щеки, и не было от него спасения.

— Может, отвезти вас в поселок? — засомневалась Михайлов.

И комендантша ждала, приплываясь, когда кончится эта блажнь и можно будет забрать казенное белье.

— Нет, мы остаемся, спокойной ночи. Коля улыбнулся и увез расстроенную комендантшу, а мы, будто по сигналу боевой тревоги, кинулись в атаку на безжизненность нашего приюта. Собирали кровати в одну будку, поставив их в два этажа, убрали белые простыни, достали спальные мешки. Иванов зазвенел топором, Димыч с Быстрицким раскошегарили печь, девочки сообразили чай. И когда глубокая и тихая ночь накрыла наш остров, мы уже сбросили шубы, иней отступил в углы, из открытой печки выпрыгивали отблески огня и плысили джиги в Зионских волосах. Быстрицкий пытался над горячим чаем — присла жизни на Лосенок!

Мы переглянулись со Степаном и вышли в ночь. Луна разлиновала синими темами голубой снег, вспыхивали хрусталики снежинок под нашим жгелтым окном. Адмиральским флагом поднялся над Лосенком дым из труб. Хорошо было так, что даже Вознесенский подал голос:

Как стада лосиные,
Слит
стога.
Пользует Россия,
Голуба и строга.

— Подходяще,— сказал Степан и бросил себе в лицо пригоршню колючего снега.

7 февраля. Первый день на Лосенке — активированый¹. Мороз минус сорок шесть, по реке тянет вен-

¹ Активированный — при температуре воздуха — 44° С составляется акт о прекращении работ на воздухе.

тер, над прораном висит куском ваты плотный туман. Экскаваторы стоят, машины стоят, отсыпки нет, а мы приступили к работе. Прослушали инструктаж по технике безопасности, обошли все посты, принесли из СМУ инструменты. Кошевой с Быстрицким так тщательно проверяли нивелиры, что обмозгомили носы. Начали разбивать промерной створ у кромки майны — это самая интересная часть наблюдений. Хочется измерить толщину льда на самой кромке, прямо у бурлящей воды, но страшно к ней подходить. Смыкает безысходность в том случае, если сломается лед под ногами и затянет черный, дымящийся омут. На всякий случай бурили лунки на кромке, привязавшись страховочным концом. Работали до темноты, а сделали всего шесть лунок на троих. Обнаружив, что лед толстый, сбросили веревки и стали запросто ходить по кромке, а Зоечка по самому краешку норовит поклонничать. Пришлось на нее прикрикнуть: не бывала подо льдом — не лезь.

К вечеру собрались в остывшей будке замерзшие, с гудящими от усталости ногами. Лед в чайнике, со скульптурами над печкой.

— Дежурить надо, топить надо,— сказал Степан,— не глянется мне такая жизнь.

Растопили печь и, когда стало тепло, обложили ее валенками, рукавицами, утками. Пришел монтер, сделал свет, и совсем стало хорошо, можно было и с бумагами поработать, записать все первые отчеты. Кошевой с Быстрицким, развернув планы, как великие полководцы, обсуждали стратегию реперов¹, отметок и расстояний. Геннадий Ивахин позвонил с гитарой, запустил демонический взгляд в темный угол, где грустила Татьяна в необъятной черной шубе, и запел тихо:

Капризная, прямая,
Вы согтаны из роз...

— Ты что, паря! Тут лед из носу не выковыришь, а он — розы! — нарушала интим Люда Войнова.

По вопросу льда я предоставил слово Андрею Андреевичу:

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.
Мерзлы след на щеках блестит—
Первый лед от людских обид.
Поскользинешься...

Девушки насторожились.

— Вознесенский, — выдохнула Татьяна.— Ой, почтайте!

Нашим девочкам, сбившим за день ноги о бесконечное ледовое царство, вдруг пронзительно жалко стало ту, московскую, из автомата.

— Мужики прояклятые, — сказала Люда и добавила снисходительно: — кроме Степана Михаэлья.

8 февраля. Быстрицкий не спал всю ночь, топил печь, потратил какие-то таблетки, давил в себе кашель. Но нам было тепло, и все хорошо выпаливались, даже повылезали из мешков. Мороз отступил: ночью было сорок два, а днем стало тридцать семь. К десяти утра на банкете возобновилась отсыпка.

И в нашем тереме установился режим. Первым встает дежурный, заглатывает печь, готовит завтрак, играет «подъем». Мы со Степаном вместо зарядки рубим дрова, а потом по пояс обмозгиваемся девственным снегом. Зоя с Людой выхериваются в сугроб в спортивных костюмчиках, умываются снегом, и на щеки им выпливает яблочный румянec. У Зои в волосах задирчасто цветет голубой бантик, порхает, как

бабочка на майской лужайке. Татьяна просыпается не торопясь и первым делом достает из-под подушки черный карандаш с зеркальцем. После этого сбрасывает шубу, величественно встает и скользит прекрасными глазами по столу: есть ли сущенка?

Быстрицкий с Димычем начинают и кончают день бесконечными спорами об отметках реперов: какие считать правильными — по Гидропроекту или по Братскгэсстрою.

После завтрака разбираем подсохшие «конечности» — так Дубровин называет обувь и рукачики — рейки, пешни, ледобуры, поплавки и идем по своим маршрутам. Степан с Зоей или Людой обходит все водостои — столько раз, сколько успевают до темноты. Обойти два раза — значит сделать двадцать километров по торосам и по снегу, продоблыть пешней двадцать четыре лунки. Мы с Ивахином и Полторацкой измеряем толщину льда — это в среднем тридцать метров бурения. В конце дня лукаемся с Кошевым у прорана, измеряя перепад на банкете и скорость течения.

Во второй день мы выполнили всю программу за светло. Когда зажглись фары самосвалов и вспыхнул прожектор на Лосенске, мы вернулись в свою будку, где дежурная Белоснежка приготовила тепло и ужин. До чего же хорошо в тепле, под треск поленьев, подставить в формулы добывные за день цифры и полюбоваться взлетами графиков. Но не успели мы со Степаном все посчитать, как вокруг нас возникли два громких противоборства: Кошевой — Быстрицкий и Вознесенский — Ивахин. Каждый из геодезистов выполнил обработку нивелировок в своих отметках, и никто не хотел переделывать. Ивахин потихоньку бранил на гитаре и мурлыкал что-то сладкое, а Татьяна морщилась, как от зубной боли, потом простояла из своего темного угла:

— Алексей Николаевич, почитайте Вознесенского!

— Татьяна, помнишь, дни золотые? — стал отвлекать ее Ивахин от ненавистного поэта.

— Ну, почитайте...

— Не надо, не надо, не надо, — излагал свои цыганские аргументы Геннадий.

Моя цайсовская линейка начала делать ошибки в формулах.

Если парни говорят о деле,
Им не следует мешать...

— пытаюсь урезонить я Татьяну цитатой из Ады Якушевской.

— А что он действует на нервы своей гитарой!

Две гитары под окном
Жалобно заныли...

— выдал Ивахин.

— Фу! — взвизгнула Татьяна и расхохоталась. Тогда я громко, трагическим голосом произнес Вознесенского:

...и огненной настурцией
Робея и наглея,
Гитара как натуращица
Лежала на коленях...

Все затахли, Ивахин даже рот раскрыл — образ был ему понятен.

— Девки, спаты! — скомандовал Степан.— Вы нам здоровье нужны!

Я убрал Андрея Андреевича в рюкзак и еще раз посмотрел перед сном все бумажки. За день пронднулся на три метра, сюс камня сорок четыре процента. Лед в порядке, а дело плохо. Медленно идет перекрытие.

¹ Реперы — геодезические знаки.

9 февраля. Наш домик стал информационно-вычислительным центром. Даже вывеска висит «ВЦ Лосенка» и синяя голова сошатого.

У гидрологов Ангарской экспедиции мы берем только величину расхода. Все остальные оперативные данные — уровни, скорости, перепады, продвижение банкета за сутки, удельную мощность потока — считаем и выдаем сами.

Посетили нас гидрологи Шлычков и Московских, помогли советами, даже обещали дать ледобур с редуктором. Над нашим они посмеялись, потому что с ним работать приходится втроем: двое ждут, один крутит.

10 февраля. Мороз стоит около сорока, на реке потоп. Лед выпучило у берегов, открылись новые трещины, все забереги вместе с нашими постами подтоплены, дорога от Лосенка в поселок отрезана. Уж не перекрыли ли за ночь? Гляну с остррова — проран на месте, а строителиlixорадочно поднимают отсыпку в низких местах: тут уж не до перекрытия — спасти бы уже отсыпанную часть.

Что же это такое творится? Почему Братская ГЭС толпит свою будущую сестру? Наоборот, помочь бы надо, уменьшив расход, ведь Братск может управлять Ангарией! Только позже мы узнали, что Братская ГЭС в эти дни приняла на свои плечи огромную нагрузку и вырвичила энергосистему, у которой в жестокие морозы не хватило топлива на тепловых станциях. И зря мы тогда произносили про нее обидные слова.

Большой расход наделал нам много бед. Провалился в воду и заболел Ивахин. Правда, свою болезнь он совместил с дежурством, но теперь в качестве привода нашей буровой техники остались мы с Татьяной вдвоем. Старые лунки залпили водой, бурим новые, а из них тоже вода выпрыгивает на полметра, ноги вмерзают намертво. Пробурившись лунку, потом приходится выбирать унты. Работаем мы с Татьяной, сбросив шубы, и все равно жарко.

Но труднее всего пришлось Степану с девочками. Все десять километров маршрута между постами в воде. Старые тропы затоплены, поэтому пришлось идти по снегу, по торосам. Но свежие выходы воды под снегом не видны; промокли сразу, потом валенки обмерзли и стали ледяными. Степан как мог берег девчонок — сам шел по воде к постам, вырубал рейки, восстанавливал и проверяя отметки, кричал от счастья. Несколько раз прогоняли их домой, но они так и не ушли, пока не обвобши все посты. А Степан приморозился к валенкам: большие ледышки и топал в них, как на ходулях, прямо по воде. Две пешни утопли, пока додогдался привязывать их к ремней к руке.

Прокатился по Ангаре небывалый по зиме расход — почти четыре тысячи кубометров в секунду. Что будет с нашими наблюдениями, что будет с рекрекордами? Не заболеют ли ребята?

Я отправил Татьяну сушиться, а она взяла рюкзак и ушла вместо больного Ивахина за хлебом и за продуктами в поселок — в темноте, по запятой дороге, через торосы и забереги.

Вечером тихо было в нашем домике. Даже Дима с Быстрицким не спорили, мирно мазали гусиным жиром из одной баночки обмороженные носы и щеки. Мы хоть двигаемся, а они все в железную трубу смотрят.

Поздно вечером вернулась Татьяна, грехнула на пол тяжелый рюкзак. Только Зоечка, все так же порхая под голубым бантником, разобрала продукты, приготовила ужин.

Зашли Коля Михайлов и Володя Фрейдман.

— Как вы тут, живы?

— Мы-то живы, а перекрытие захлебнулось!

— Братск уже сбросил расход, завтра будет легче.

— Надо больше сыпать с Лосенка — здесь крупнее камни.

— Это сделаем, — отмахнулся Коля. — Чем вам помочь?

— Выпить бы... — мечтательно протянул Ивахин.

— Перекрывайте быстрее, — сказал Степан, — вот и поможете.

На том и порешили.

11 февраля. Никто не заболел, даже Ивахин встал. Расход воды упал, и отсыпка пошла хорошо: если вчера за сутки отсыпали только три метра, то сегодня уже десять. Осталось меньше сорока метров прорана.

Дежурника Зоя и сварила щи, каких свет не видела.

12 февраля. В Усть-Илим приехали Наймушин и секретарь Иркутского обкома партии Щетинин. Постояли, посмотрели на проран, на отсыпку. Иван Иванович хитро прищурился, глянул на начальника стройки Герасименко.

— Что ты тянешь, Василь Саныч? Мы такую работу в Братске за семь часов сделали, помнишь?

— Помню, конечно. Но там фронтальная отсыпка была, интенсивность больше.

— А тебе кто мешает?

— Лед тонкий, Иван Иванович.

— А может, кишка тонка?

Нахмурился Герасименко, другому и не простил бы такой шуточки, но от Наймушина стерпел.

— Завтра кончим.

— Вот, вот, давай кончай, а то у нас с Семен Николаевичем времени мало, — и незаметно подмигнул Щетинину, — завтра уедем.

Следом из «Волгограда» Наймушина в Усть-Илим привезли двадцать КРАЗов и сразу встали под экскаваторы, пошли в бой.

13 февраля. Всю ночь сквозь сон мы слышали, как ревели КРАЗы, лязгал ковшом «Уралец» на Лосенке. Видно, разозлился Герасименко не на шутку.

С утра потянулся на лед разный народ, повалили туристы из Братска. К нам в гости приехал весь отдел техниспекции. Братскэнергострой, все сразу кинулись помогать. Особенно добыволы были наши геодезисты, у которых всегда трудности с речевиками, а тут объясняемся целая очередь энтузиастов.

Мы разбирали последние пунки на кромке льда, прямо против уже готового к капитализации прорана, разогнули спины и посмотрели с Ивахиным друг на друга выразительным взглядом.

— Вас поняли, — сказал Геннадий Николаевич и уточнил стремительно в неизвестном для Татьяны направлении.

Было темно, когда два бульдозера с разных торцов Банкета уперлись друг в друга ножами.

Все, конец.

Как-то незаметно и наша семерка собралась на кромке майны, в которой уже не было течения и вода мутнела, на глазах схватываясь льдом. Стояли мы, опираясь на рейки, треноги, ледобуры и пешни, было почему-то грустно немного.

...Все выгорело начисто.
Вздыхающих полно.
Все — конченое

— Все — начато, — звонко подхватила Попторач-кая. — «Айда в кино».

Ввалились гурьбой в свой дом и замерли. Длинный стол пересекал его от края и до края. В середине

не стоял гигантский серебристый еж — из таза, заполненного снегом и льдом, торчали бутылки шампанского, в страшном количестве, а кругом оранжевые россыпи апельсинов, сияния консервных банок и зовущий граненый блеск стаканов. А по потолку и по стенам — лозунги во здравие экипажа «ВЦ Лосенко».

Тут не выдержали мы и рванули «ура» нашим коллегам из Братска и Геннадию Ивахину, выпившим спеш zadание.

Только расположились — дверь нараспашку, и в клубах пара появляются Коля Михайлов и Володя Фрейман.

Казалось, уже и втиснуться некуда, однако разместились все, и грехонул запах шампанского.

А потом снова распахнулась дверь, и в морозном тумане из непроглядной ночи возник лично начальник строительства Василий Александрович Герасименко с сопровождающими лицами... и снова все разместились.

Вздрогнул наш тихий Лосенок от лихого веселья и пошел разрезать носом шторовые волны победы.

14 февраля. Утром мы взяли последний отчет. Пока ребята укладывали рюкзаки, я нанес на графики последнюю точку. Метод расчета, предложенный десять лет тому назад, оказался правильным — вот это радость!

До свидания, добрый Лосенок, обреченный остров!

Все — конченое!

Все — начатое!

Айда на дно!

Связь времен

Башня Братского острога, срубленная казаками триста лет назад, смотрит из глубин вязов на белые паруса яхт, на длинные цепи вагонов по гребни плотин, слушает рев взлетающих реактивных самолетов. Может быть, слышится ей сипкий голос воеводы Пашкова: «И! Брацкой, Государь, острог из вольных и гулящих людей в пашенных крестьяне... селить неково... охочих нет».

Живописные группы заморских визитеров с изумлением смотрят на черную башню, а гид Александр Гуревич подогревает интерес:

— Господа, это не просто исторический памятник, это лучшая реклама английской сосне — этому дереву триста лет!

В голодном мае 1920 года на комиссии ГОЭЛРО инженер Вельнер с горечью заметил: «Говорят в настоящее время о приступе к использованию водных сил Англии... не приходится...» Но уже тогда экспедиция изыскателей Малышева шла по рекам Восточной Сибири. В это же время британский премьер Ллойд Джордж посмотрев на нашу страну, как на рождественский аппетитный пудинг, никак не предполагая, что его вину придется отвечать в Братске на наши вопросы и рассматривать в краеведическом музее фотографию советских работников, расстрелянных англичанами в Мурманске. Студент Кембриджской Ллойд Джордж был худ, лохмат и одет в заплатанные джинсы. Он пел песни Пита Сингера и никак не походил на колонизатора. Впрочем, седовласые инженеры Братскгэсстрой Пиотрович и Овецов тоже не похожи на лихих рубак, но первый кончил Кремлевскую пулеметную школу, а второй служил в Первой конной Буденного. Им спасибо за то, что юный лорд приехал к нам таким мильным студентом.

Главный маркшейдер Братскгэсстрой Андрей Степанович Зенцов любил поговорить. Многие отмахивались от его длинных рассказов, а я слушал терпеливо и теперь не жалею об этом, потому что нет уже на свете одного из самых лучших геодезистов советского гидростроительства.

— Вы знаете, — говорил он, заходя к нам в техинспекцию, — я вспоминаю техинспекцию Днепростроя и должен вам сказать, что отношение к ней было другое. Трепет был. А возглавляя инспекцию амурский консультант полковник Купер. Этот толстый человек в большой кепке-«кард对策» имел на стройке большой авторитет. На совещаниях он высказывался таким образом: «Как показывает опыт построенных мною десяти гидростанций...» Ни начальник Днепростроя Винтер, ни главный инженер Веденеев, ни автор проекта профессор Александров не могли сказать такого. Десять куперовских долговязых парней сидели в самой лучшей комнате управления строительством и, разложив ноги на столах, ждали вызовов. Принимали жестко, придирились, но качества было... — Андрей Степанович поднимал к небу глаза. — Полковник Купер считал в начале строительства, что нам своими силами с ДнепроГЭСом не справиться. Когда строители установили мировой рекорд укладки бетона — пять тысяч кубометров в сутки, Купер поверил в чудо. А в тридцать втором на митинге он стоял рядом с Калининским и Орджоникидзе. Все удивились, когда он начал свою речь: «Мне сегодня снился сон. Приснилось, что я умею говорить по-русски. Мне бы сейчас очень этого хотелось, потому что в английском языке нет слов, чтобы выразить восхищение вашим трудом».

Жаль, что не удалось мне увидеть в Америке полковника Купера. В Вашингтоне я рассказывал о нем доктора Мермеля, председателя комиссии по регионству американских плотин.

— Я знаю, что он жив. Но отшел от дел. За работу на ДнепроГЭСе он был награжден советским орденом, всегда гордился этим, но не всегда это шло ему на пользу, — улыбнулся мистер Мермель.

Мы шагали по тихим улицам Вашингтона, засыпанным осенними кленовыми листьями, а у меня в глазах плелись кадры старой киноконюки, где босые ноги утаптывают бетон ДнепроГЭСа.

Бетон получился прочным. Немцы рвали его так, чтобы не было и мысли о восстановлении, но большевистский бетон сопротивлялся по своим законам.

...Совсем недавно было от войны и до Братска.

Когда мне трудно было на комбинате «Братскхимлэзобетон», я заходил в кабинет напротив, к управляющему Александрю Степановичу Южакову.

— Ничо, Алексей, жизнь есть жизнь, — говорил «папа» Южаков, потирая больную руку. А потом без всякой связи с мимики тревогами о плане реализации вдруг вспоминал: — Семь ранений все-таки. Один надавить штыковых атак.

У меня сначала не укладывалось это в голове. Как же так: замполит, а потом командир дивизии — и врукопашную?

— Все было, — улыбался Южаков, — и видишь, жив. А ты говоришь — план реализации. Переживем.

Но меня уже скижало любопытство.

— Александр Степанович, а как оно, в штыки-то?

— Ты знаешь, не помню ничего. Бежишь, кричишь... неприятель стреляет в упор... плечо мне простили. Его я на штык. Потом, когда стихло, отошел в сторонку, сел на пень и заплакал.

Южаков смеется, потому что видит тупые мои глаза,— я никак не могу представить себе этот пенек и огромную фигуру подполковника в каске, с трехлинейкой! — и со слезами на глазах.

У Александра Степановича есть торжественный черный пиджак, как чешущейся, покрытый орденами и медалями. Есть там орден Ленина и за двенадцатую щитниковую атаку. Южаков командовал строительством ЭЛП-220 Иркутск — Братск. Линия в 660 километров длиной через глухую тайгу, болота, москвару и морозы шла со скоростью один километр в сутки.

А бывший лейтенант Красной Армии Степан Бакланов воевал по-другому. В канализационных колодцах Бухенвальда он испытывал оружие для восстания. Собранные им из немыслимых деталей пистолеты оживали от его ненависти, рвали молниями зловонную темноту, а потом ждали своего последнего боя. Накопленную за четыре года ярость выплеснул Степан в том бою, и это оружие было постращавшим самодельным пистолетом... Не многие знают в Братске, откуда у заместителя начальника строительства Братского алюминиевого завода Степана Михайловича Бакланова медаль ГДР «Борец против фашизма 1933—1945 гг.».

Заместитель Наймушина по снабжению Владимир Михайлович Янин командовал в войну артиллерией стрелкового полка, дважды был тяжело ранен и один раз контужен. Когда его полк, отразив дуновение ужаса, спал хмельным сном победителей, Янин услышал далекий лязг гусениц и шум моторов. Он выглянув в серый майский рассвет и обомлел. По узкой улочке, прямо на расположение его батареи, шла колонна танков и бронетранспортеров с белыми молниями на бортах. В откинутых люках торчали черные фигуры эсэсовцев.

Вдвоем с ординарцем, полуодетые, они все-таки успели развернуть ближнюю к улице пушку и в упор, прямой наводкой расстреливали колонну, и первые подбитые машины блокировали ее в суматохе боя на тесной улице. А через два часа командир построил полк в каре, в центре которого стояли у покореженной пушки майор Янин со своим ординарцем, зачехченными порохом и одетые не по уставу.

— Спасибо, Янин. От всех спасибо,— сказал командир полка и расцепил их обоими.

Даже многим нашим братским друзьям, почти сверстникам, пришлось повоевать. Секретарь комитета комсомола Братскэгзстроя Женя Верещагин летал на бомбардировщиках стрелком-радистом. Вася Герасименко в семнадцать лет взялся на плечи противотанковое ружье. Он и работать в Братск приехал в шинели.

С такими людьми можно было идти на любые трудности. И мы рядом с ними не могли работать плохо.

Идет время. Теперь уже мой сын, студент МИСИ, дежурит на вечерних московских улицах в дружине имени Паши Комарова. А в Усть-Илимске окончил десятый класс паренек со светлой улыбкой — Паша Комаров. Он родился в том самом 1959 году, и родители-однокурсники назвали своего сына именем погибшего товарища.

А я, когда приезжаю, прихожу к плотине потрогать бетон. Закрою глаза и снова вижу котлован, слышу треск перфораторов и сирены кранов, дыхание отшумевших сражений. Память вызывает тех, кого уже нет. Иван Наймушин, Григорий Несмелов, Владимир Янин, Недел Кузьмичев, Борис Гайнулин, Игорь Авштолис, Григорий Трахтенберг, Борис Поспелов, Геннадий Борисов, Александр Букреев, Григорий Костюченко...

Хорошо, что приезжают сюда белокрылые свадебные и десятиклассники встречают рассказ.

...Далеко за Падунским сужением уже гудят пять гигантских генераторов Усть-Илимской ГЭС, а в середине таежной дороги Братск — Усть-Илим появился указатель «Богучаны».

И СНИТСЯ МНЕ ГОРОД...

«**E** сли хочешь сильнее полюбить свою Родину — съезди за границу», — сказал мне однажды Арон Маркович Гиндин, вернувшись из Италии. В правоте его афоризма я убедился еще раз в августе 1975 года на советско-американском симпозиуме по строительству гидротехнических сооружений в суровом климате. Этот суровый климат бушевал в наших докладах и протоколах, а мы изнывали от жары в городе Виксбурге, штат Миссисипи. Наши мозги, расплывавшиеся южным солнцем и перевернутые часовыми поясами, работали вяло и никак не могли усмотреть никаких ледовых проблем в теплой зеленоватой воде реки Миссисипи.

Наш хозяин — добреийший мастер Браун — смущенно улыбался и разводил руками, как бы извиняясь за непривычное солнце, которое шаррило совсем не по теме симпозиума. Впрочем, у Фреда Брауна, Дина Фрайтага и Джона Гроскосла было еще одна причина для смущения. Осенью 1974 года на строительстве Усть-Илимской ГЭС они выразили свои серьезные сомнения в возможности пуска первых агрегатов в декабре 1974 года. Агрегаты Усть-Илимской ГЭС, как известно, были пущены, о чем шеф нашей делегации Геннадий Федорович Масловский любезно известил американцев в новогодней поздравительной телеграмме.

А мне не давала покоя в этой поездке тень полковника Купера с далекого ДнепроГЭСа, потому что рядом с нами в машине с надписью «Армия Соединенных Штатов» на борту сидели полковники Хилт и Стилман в полной форме, с орденскими планками на груди и с золотыми знаками крепостной башни в петлицах — символом Корпуса военных инженеров Армии США. Полковник Купер тоже был из Корпуса военных инженеров и сначала тоже сомневался в том, что Советы построят ДнепроГЭС. Надо заметить при этом, что полковники эти — прекрасные, опытные инженеры, а Корпус в 1975 году отметил свое двухсотлетие. И тем не менее прогнозы Купера и Брауна в советских условиях дали ощечки.

Полковники Корпуса военных инженеров — это хорошие военные. Они проектируют и строят плотины и гидростанции, укрепляют берега рек, сдерживают разрушительные наводнения, охраняют природу, залечивают раны, нанесенные ей жестокой цивилизацией. Интересно, знают ли эти полковники об истории наших отношений?

За каким-то обедом я попросил слова и произнес спич:

— Сорок пять лет тому назад полковник Купер любил говорить на советских съезжаниях: «Как показывает опыт построенных мною десяти гидростанций...» Наши инженеры не могли начинать свои выступления тогда столь пышно, потому что за плечами у них была одна только Волховская станция. Теперь мы можем на равных разговаривать с вами, полковник Хилт и полковник Стилман, потому что мы имеем больший опыт строительства в суровом климате.

Полковники улыбались и соглашались, а я чувствовал себя в этот миг не столько главным инженером

Усть-Илимской ГЭС, сколько Винтером и Александром вымы, маршишьдером Зенцовым и бурильщиком Перетолчиным. Это был славный обед. После этого стало легче, призрак Купера покинул меня, исчезла изнуряющая жара, потому что крылья компании «Юнайтед» перенесли нас на Аляску.

Американская Сибирь сотрясается от человеческого приюба. Цены в два раза выше, чем в среднем по стране, мес в гостиницах нет, самолеты забиты битком, бородатыми людьми с рюкзаками и хищным блеском в глазах. Их манят запах нефти, разлитый по северному побережью Аляски. Коварная вечная мерзлота, морозы, бездорожье тунды, бешенные реки и кровожадные мыши встретили здесь привыкших к комфорту американцев. Конечно, эти преграды их не остановят, как не остановили они нас в свое время. Но для того, чтобы освоить Север с меньшими потерями для людей и природы, надо знать весь опыт работы человека за Полярным кругом. У нас там 47 процентов площади страны у американцев — 17. Мы построили Хантайскую, Вилойскую ГЭС, гидроузлы на реках Ирелях и Левек, строим Колымскую и Курейскую гидроэлектростанции. У американцев только две небольшие плотины на реке Чине для защиты Фэрбенкса от затоплений. Мы посмотрели эту дамбу, осмотрели кусок трассы нефтепровода от залива Прудко, а потом маленькая турбовинтовая «Чеснок» вознесла нас над рекой Суитной, где на Дьявольском каньоне проектируется строительство двух крупных ГЭС. Директор Терри Макфедден разворачивал самолет над створами будущих плотин и говорил, что до начала их строительства еще далеко. Мне кажется, Терри ошибается. Бородатый народ с лихорадочным блеском в глазах так энергично прет в эти края, что Корпусу придется очень быстро поворачиваться здесь со своими плотинами.

Подкатая к посадочной полосе Фэрбенкса, наш пилот буквально прорыдался сквозь стекло и эшелоны частных самолетов, цепляясь за непрерывную нить перегородок с кип. Самолеты кружили внизу, как стоя ос, а один вынырнул прямо из-под наших шагов, так что вздрогнул даже видавший виды «кифф» Масловский, бывший военный лётчик.

Американцы хорошо понимают серьезность северных проблем. В Ганновере, штат Нью-Гэмпшир, нам показывали лабораторию холодных районов Корпуса военных инженеров. КРРЕЛ — это небольшая с виду лаборатория — делает крупные дела. Она противуна своими буровыми станками ледовые шапки Арктики и Антарктиды на глубину до двух с половиной километров, следит через спутники за ледовой обстановкой на северных реках и морских путях, вооружает своими приборами спутники «Викинг», посланные на Марс. В больших холодных комнатах она создает мороз минус сорок семь, замораживает поле в бассейне и крушит его модельями сооружений, изучая воздействие льда. В библиотеке мне показали микрофильм моей книги о зимних перекрытиях рек. Жаль, что этого не видели девочки с ВЦ на острове Лосенок. Это они на морозной горосистой Ангаре добывали графики, которые теперь с интересом изучает главный ученик КРРЕЛ доктор Ассур.

В этой лаборатории нам предстояло юридически оформить взаимный интерес протоколом о темах дальнейшего сотрудничества. Целый день специалисты-переводчики преодолевали языковые и дипломатические барьера. От тонкостей терминологии первым устремился полковник Кросси — «коммандер» лаборатории КРРЕЛ.

— Хватит болтать, давайте работать! — с прямынейностью военного человека заявил он и расхохотался.

Наконец наступила церемония подписания протокола.

Под сенью флагов СССР и США мы усаживаемся за овальным столом. Лягают, щелкают затворы фотоаппаратов. Масловский и Браун подписывают протокол, поздравляют друг друга. Дело сделано, наше сотрудничество отправляется в добный путь, а мы — на Родину.

В Москве меня снова встретил Братск: в Историческом музее открылась выставка «Братск — город социалистический». Гид Иван Масленников, превратившийся за двадцать лет из румяного богатырского клоуна в седого интеллигента, встретил нас с простретыми объятиями.

— Иван, ну-ка расскажи нам что-нибудь о Братске, — смеясь, попросила его Наталья.

— Расскажу, если вы напишете о нем в книге отзывов, — отпарировал Иван.

Эта задача оказалась неожиданно трудной. Книга смотрела на меня чистым белым листом и ждала. А я не знал, что писать, хоть убей. Как можно разместить мир и дух Братска в двух тихих маленьких комнатах Исторического музея? И уж вовсе бесплодной была попытка изложить любовь к этому городу в одной фразе.

Я тупо смотрел на белый лист, а память высвечивала на нем какие-то отрывочные кадры: мы с Фрейдманом карабкаемся по правобережной скале, Мукосен на плоту пролетает в проран, Пашка лежит на осенних листьях, первый бетон на семидесятой секции. Выплюиваю какие-то свежие американские картинки. Многое мы там видели, но Братсков и Усть-Илимов там нет. Стоп! Это очень важно. Не могут на благодатной американской земле произрастать такие города.

«Братск — это одно из самых сильных доказательств превосходства нашего общественного строя», — написал я.

Пусть без лирики, но это самое главное.

Братск, Усть-Илим, Москва.
1956—1974 гг.

Маргарита Кириллова

Маргарита Кириллова родилась в деревне Турбанке Спасского района Горьковской области, здешний Горьковский Государственный университет. Два года была корреспондентом районных газет. Сейчас работает в Горьковской областной детской библиотеке. Участница Всесоюзного фестиваля поэзии в Ашхабаде.

Военкор

Его герой то летчик, то разведчик.
Сквозь дым десятилетий видно мне:
В ночи склонился над столом газетчик,
Чтоб люди знали правду о войне.
Снег за окном, как чистый лист бумаги.
В печи бессонно мечется огонь.
А он спагает гимн чужой отваге.
И дышит на озябшую ладонь.
Придет рассвет, закончится работа,
Он упадет устало головой
На два своих исписанных блокнота,
Которые привез с передовой.

Зависть

Мне нравились загадки и шарады,
Таинственные маски на лице.
Я говорила шепотом: «Так надо»,
Когда речь заходила об отце,
Я сочиняла об отце легенды,
И перед изумленной ребятней
Мелькали, словно кадры киноленты,
Истории, придуманные мной.
А вечером в печи дрова трещали.
И я молчала, сидя у огня:
Моих друзей опять ремнем страцали,
А в нашем доме не было ремня!

Бабка

Она взяла платок в кистях.
Уселась на сундук.
Ах, не открыть бы при гостях
Корицовых черных рук.
Ножки и ложек перестуки.
Салаты, чай, пирог...
Никто не видел добрых рук,
Закутанных в платок.

Парус на ветру

Сушилась простыня. Металась
И раздувалась поутру.
Ему, прозревшему, казалось,
Что это парус на ветру.
Но все ушло. Однажды парус
Приплыл к нему в тумане дня.
Ему, незрячему, казалось:
Сушилась где-то простыня.

Песня

Я удивляться не буду.
Каждому — знаю — свое.
Мать, громыхая посудой,
Старую песню поет.

И под свинцом и под выгой
Песня осталась жива.
Мы умоляем с подругой,
Слушая эти слова.

Нам их для будущих дочек
Вдруг захотелось сберечь:
«Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...»

Тони

Помню я, как в Ростоке, в отеле
Года два или три тому назад
Тихо, дондик слушая, сидели
Несколько ровесников-ребят.
«Вы студенты?...» Дождь стучал по крыше.
Капли по стеклу текли, скользя.
Он сказал, вздыхая, что в Париже
Учатся богатые друзья.
Только дондик свел нас не напрасно.
С гордостью тогда он произнес:
«Мой отец, представьте, тоже красный.
Я из Чили. Я простой матрос».
И под дондик, серебряный и странный,
Каждый открывал далекий мир.
С моряком в неведомые страны
Уплывали наш русский сувенир.
На Балтийском море — волны, волны.
А над морем — флаги разных стран.
Мне в ответ чилийский парень Тони
Подарил на память талисман.
Я совсем не верила в приметы.
Приняла подарок просто так.
Маленькая желтая монета.
Дружбы и приятельности знак...
...Рано утром радио включили
В снегом припрощенной избе.
Я сегодня думала о Чили,
Думала сегодня о тебе.
Где ты, Тони? Как живется, Тони?
Я хочу поверить, что ты жив!
У меня монета на ладони
Угольком негасущим лежит!

Сергей ОВСЯННИКОВ

Био. 24 года.
Родился в селе Богдановка,
Оренбургской области.
Учился сначала в селе Мустаево,
затем в Хабаровском ПТУ.
Работал токарем на заводе,
в армии, в архитектуре.
В 1975 году окончил Институт
культуры в Ленинграде.
Сейчас работает режиссером
Челябинского областного театра.

РАССКАЗЫ

Рисунки
И. КАМЕНЕВА.

ПРОЗА

1. ЗВЕЗДЫ

маленький Олег вместе с мамой впервые поехал в деревню к дедушке и бабушке. Все было так ново и необычно: и долгие сборы, и дорога в поезде, и дедушка, встретивший их на станции.

Дедушка Олегу сразу же понравился — такой большой-пребольшой, лицо черное, а волосы и борода белы — ну точь-в-точку Дед-Мороз, что приносит подарки. Долго усаживались в сани, долго ехали в деревню по белым полям — снега вокруг было так много, что его, наверное, не успевали убирать, как в городе, и он лежал застывшими волнами, на которых покачивались сани, и Олег незаметно вздрогнул и проснулся, когда уже въезжали в деревню, словно выбеленную снегом. Около крайней избы встретилось несколко собак. Дед молодец-ки присвистнул, стегнул коня и выстрелил кнутом:

— Здорово, ребята!

Санки рванули вперед, а «ребята» сорвались с места за ними, да так вод с лаем, свистом и гиканьем подъехали к избенкой избе. Дед лихо развернулся к избе:

— Маты! Встречай гостей!

На крылечке позвилась бабушка в коротких ватенках, заторопилась, затормозила маму и Олега, завела в дом, стала раздевать, ставить на стол посуду и все охала и не могла наговориться.

После обеда бабушка с мамой сели на диванчике, а Олег позвал дедушку:

— Деда, пойдем гулять.

— Пойдем.

Оделись и пошли по селу. Вначале осмотрели ферму, где Олег в первый раз увидел корову, да не одну, а много, и спрятался от испуга за дедушку. Но дедушка сказал, что коровы едят только непослушных мальчиков и девочек, и Олег успокоился, вспомнив, что сегодня все время слушалась маму. Потом у речки смотрели, как выбежали из конюшни задорные лохматые кони и стали пить воду из проруби. Они осторожно дотрагивались губами до воды, фыркали и трясли головами. А когда Олег спросил, почему они так делают, дедушка сказал, что вода, наверное, горячая, и Олег, вспомнив, как сам недавно обжегся чаем, пожалел бедных коней.

Потом пошли к видневшейся издалека трубе кочегарки. Труба была притянута к земле длинными проволоками, и дедушка объяснил, что раньше здесь стояла кузница, где он работал, и что от сильного огня труба может улететь, как ракета, если ее не удерживать. За кочегаркой Олег увидел вдруг огромную яму, покрытую свежим снегом, и дернулся дедушку:

— Деда, а это от чего яма?

— Это? — Дед долго набивал трубочку, щурялся от блестящих снегом краев ямы. — Да от звезд!

— Каких звезд?

— Каких? А вот что ночью видны.

Олег осторожно поглядел вниз, на самое дно, но, кроме гладкого снега, ничего там не увидел.

— Деда, а сколько звезд упало?

— Сначала, значит, одна, а потом еще одна, да еще...

— Так они же маленькие!

— Это они маленькие рождаются наверху, а потом, когда падают, уже большие.

Медленно пошли домой.

Мама уложила Олега на диванчик, а сама с бабушкой пошла по знакомым. Олег, прикры глаза, видел, как дедушка, покашливая, прилег на кровать и начал листать газету.

— Т-э-э, чего они тут опять наворчиваются...

— Деда, —тихо позвал Олег, — а ты видел звезды эти?

— Я-то? — Дед отложил газету. — Видел...

— А давно?

— Да как тебе сказать... Давно уже это было, а вроде и недавно. Я-то в то время молодой был, и-эх, какой молодой! — Дед закинул свои черные сморщененные ладони за голову. — Сил-то сколько было, господи! Куропесил как сумасшедший, такие коленкоры выкидывал, что спасу от меня в деревне ни мухам, ни бабам не было. А однажды, когда лет побольше стало, иду около кузницы вечерком — как вдруг звездочка-то и упала, другая, третья, да будто по сердцу все — и спадко дух захватывает. В кузнице и стал работать...

— А звезды?

— Звезды! А звезд все больше и больше, ворота настемя открылись, а и ночь светиль становится. Да что ночь — жизнь от них светлая...

— Деда, а что ж сейчас? Не светят больше звезды?

— Да как тебе сказать... — Дед глядел в окно, за которым уже сгустилась темнота, вдруг рассерчал: — Хватит разговаривать, спи, а то мать придёт, и тебе мое задаст.

Олег потянулся одеяло:

— Деда...

— Тихо! Не мешай думать!

Дед накрылся газетой, вздохнул, свистнул и опять вздохнул и свистнул... А Олег, закутавшись в одеяло, сидел на диване у окна и, глядя на темневший силуэт кочегарки со взметнувшейся трубой, думал о словах деда. Тягучая темнота заволокла село, и Олег уже клевал носом, как вдруг вздрогнул и отшатнулся от окна: кочегарка вдруг словно всхынула от красного зарева, и легкий туман тинулся в стекла избы. Олег прилип к стеклу, всматриваясь в неожиданное чудо, и, вскочив, начал торопливо одеваться.

Побежал вон из избы на крыльцо, потом вернулся, затормозил деда:

— Деда, вставай, хватит думать! Деда!

Дед заворочался под газетой, выглянул:

— Ась? Чево?

— Вставай! Скорей! Звезды... там!

— Какие звезды?

— Да вставай! Увидишь! Скорей!

Дедушка вдруг заволновалась, торопливо накинул тулуп, валенки, схватил шапку и поспешил вслед за Олегом.

Они бежали, старый и малый, спешили, словно хотели обогнать вдруг заторопившийся стук сердца.

Издалека над ямой был виден столб зарева, а когда подбежали поближе, пахнуло угарным запахом.

Но противоположном склоне, около кочегарки, видно было овальное красное пятно, над которым клубился дым, подхватывая падающие снежинки в веселый жаркий хоровод.

Олег, прижавшись к деду, широко раскрытыми глазами смотрел на пятно и видел в нем много красноватых мерцающих звезд. Они были так близко, так близко, что, наверное, можно было подойти и взять их в руки.

— Деда, звезды... звезды!!!

А дедушка улыбался, молча глядел на звезды. Свет их играл на лице и словно сплаживал морщины, отражался блеском в его глазах.

— Звезды... они, родимые... — Голос дедушки дрогнул, он прижал к себе внука, кивнул на черные полосы, идущие вниз от пятна: — Плачут, виши, звезды плчут...

Снег пошел сильнее, и звезды стали исчезать, темнеть и вот почти совсем скрылись за белым покрывалом, словно хотели уйти в глубину, все дальше и дальше от людских глаз. Олег забеспокоился:

— Деда, а они больше не вернутся..

— Нет, Олежек, не вернутся...

— А почему?

Дед отошел от ямы медленно и сгорбившись, словно тяжелы были снежники, падавшие на его плечи.

— Почемум?.. Как же им вернуться? Засыпают их: в яму золу носят, раньше-то больше было... больше.

Молча дошли до дома. Дед весь вечер был молчалив, рано лег спать. А Олег тоже был забочен, словно неясные мысли бродили в его голове, но заснул он сразу же и словно окунулся вдруг в светлую сказку. Будто бежал он по яркому зеленому лугу босиком, в одной руబашонке. На бегу заевал голубые колокольчики цветов, и они звенят так нежно-нежно, в сверх эхом отдаются звон посильнее, и смотрят Олежка, а на большой-пребольшой горе сидит дедушка. Вот он потянулся вверх и достал руками две звезды, перекинул их поудобнее и ударил ими друг о друга — с перезвоном, выскиски искры из звезд и рассыпались по небу золотыми нитями, а дед засмеялся и еще ударил, и опять засветилось все вокруг, и тысячи светлячков на земле зажгли свои фонарики; ударил дедушка еще и еще, и зажглись колокольчики блестящей розовой и запели на все голоса, и радостно забилось сердце у Олежки, и яснее стало вокруг небо, а дедушка вдруг перестал стучать, словно звезды выпали у него из рук, и темно стало вокруг. Схватил Олежек одну маленькую искорку и побежал к дедушке наверх, задевая колокольчики, и бежал так быстро, что звон их превратился в торопливое бренчание...

Олег открыл глаза, увидел бабушку с будильником в руках. За завтраком поспешно съел все, даже мама удивилась, не заболел ли он. Олег молчал, серьезно глядел на деда, словно впереди его ждало большое дело. А после завтрака тихо выскользнул из дома. Стремглав побежал до ямы и осторожноглянул вниз, где вчера видел звезды. Нашел большую щепку и опасливо спустился под откос.

Долго расчищал снег щепкой, но под снегом были одни лишь обгоревшие уголья.

Вылез из ямы и стал прохаживаться около кочегарки. Увидел вдруг бабку на краю ямы с ведром, полным золы:

— Стой, кто идет!

Бабка испуганно звякнула ведром.

— Фу, господи, напугал, созирок! Чего говоришь-то?

— Здесь нельзя золу ссыпать!

— А куды ж тогда?

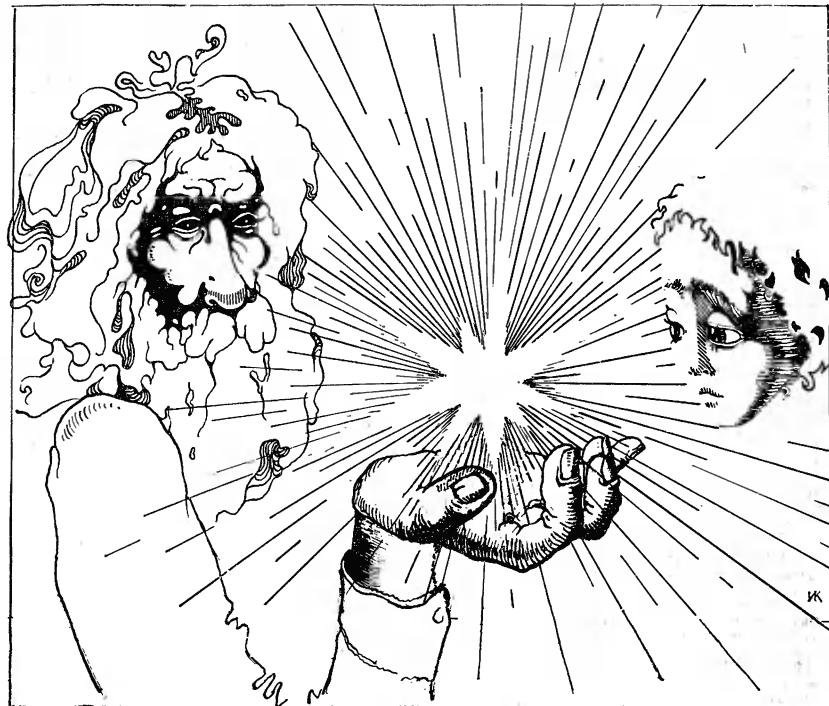
— А вон туда!

Олег махнул щепкой за яму, на пустырь. Бабка приложила ладонь к глазам, долго рассматривалась.

— Далеко, сынок, итти-то...

— Я помогу.

Олег взялся за дужку ведра, и они поволокли его на пустырь.

Бабка пошла обратно, долго бормотала:

— Игра, что ль, какая у них?

А Олег уже стоял перед парнишкой, который был выше его на голову. Тот поставил ведро с золой.

— Ну!

— Сюда нельзя ссыпать.

— Почемуму?

— Нельзя. Секрет.

— Тебе секрет, а мне дела нет!

И пацан понес ведро к яме, но Олег уцепился за дужку и уперся ногами. Пацан остановился, дернулся раз, другой, а потом отпустил ведро, и Олег упал на спину, вывалив половину золы на себя.

Двое пацанов принесли бак и раскачивали его над краем ямы. Олег, бросив ведро, побежал к ним.

— Нельзя, нельзя!

Но бак уже летел под откос, взрывая снег и золу фонтанами. Олег бросился к первому пацану, но тот уже высипал золу и, ловко увернувшись, толкнул Олега под откос. Олег неуклюже полез наверх, но пацан толкал его еще и еще, а двое других уже достали пустой бак, стояли рядом наверху и кричали:

— Дай, дай ему еще!

И пинали снег прямо на Олега. А он, размазывая по щекам слезы, снег и золу, видел, как в яму сыпали и сыпали золу и все больше и больше засыпали, засыпали звезды...

Он вылез из ямы и побежал домой, падая и плача, кинувшись к матери:

— Мама... они... там... все засыпают, и не выйдут больше... звездочки, не выйдут...

Мать успокаивала его, а бабушка, переглянувшись с матерью, кинула на деда:

— Старый дурень!..

Олег плакал и затих только под вечер. Долго глядел на деда, сидевшего рядом с ним у темного окна, и опять уткнулся в подушку...

...А в это время у кочегарки загрохотала вагонетка.

Двое молодых ребят подвезли ее к краю ямы и, перевернув кузов, с гулом вывалили шпак, который рассыпался по склону тысячью красных мерцающих звезд.

2. НА ПОРОГЕ

 Урка Худяков после трехлетнего отсутствия неожиданно завился домой, в деревню. Рано утром прогремела у окона машина, остановилась. Шурка выкинула из кузова два узла с чемоданом, соскочил сам: открыл дверцу кабину, помог сойти жене с ребенком на руках. Порылся по карманам, собрал всю мелочь и сунул шофера. Хлопнула дверца, и машина исчезла за поворотом. Стало тихо. Шурка поглядел на жену, стоящую около узлов, встретился глазами с ней, отвернулся со вздохом:

— Ну вот, приехали...

Подошел к калитке — заперто, стукнул ногой — никто не отзывался, полез через забор, чтобы отодвинуть щеколду.

В доме зажегся свет, в окно выглянула мать.

— Шурк! Ты, что ль?

— Я...

— Погоди, сейчас отец выйдет, откроет... — Мать обернулась в комнату: — Отец, слышь, вставай! Шурка в отпуск приехал!

Через минуту встал отец, здоровый, крепкий мужик с лицом спасанным и хмурым. На ходу накидывая пиджак на краевые плечи, открыл калитку. Увидел узлы, невестку с встреможенным лицом, Шурку в кургузом пиджаке...

Та-ак.

Подхватил чемодан, узлы и понес в дом. Шурка переглянулся с женой, и, вздохнув, оба пошли за отцом.

Мать высокосыпна наставрила:

— Шурк, худо-то какой, господи! — Потреповала Шурку и подошла к невестке: — Ну, здравствуй, — Чмокнула в щеку. — Давай, свой куличек-то. — Бережно взяла ребенка и понесла в дом.

Шурка зашел в первую комнату, огляделся — все было так же, как и три года назад: и круглый стол в центре, и диван с порванной спинкой, и голландка посереди, разве что лежащие на большой кровати два младших брата стали как-то длиннее да и сестренка тоже...

Вошел отец:

— Мать, поставь-ка что-нибудь...

Пока Шурка умыпалась, а жена покормила ребенка, мать подогрела картошки, принесла свежих огурчиков, поставила графинник. Проснулась вся орава. Шурка для начала устроил с ними кучу-малу, пока мать не позвала всех за стол. Сели всей семьей, отец налил себе и Шурке по стопочке, выпили за проезд. Мать, улыбаясь, спросила:

— На сколько дней приехали-то? Сколько пробудете?

Шурка ждал вопроса уже давно, внутренне сбрался.

— Надолго... насовсем...

— Как насовсем? — Мать удивилась, глянула на отца, на тот, видно, не удивился. — А чего так? С работы, что ль, выгнали?

— Да нет, сам ушел...

— А чего ж ушел-то? Писал, что все хорошо...

Мать все-таки не понимала, с чего ж это сын вернулся из города так неожиданно.

— Значит, нехорошо... Шурка покосился на жену, та вышла на кухню, а мать продолжала спрашивала:

— А что ж делать будете здесь-то?

— В «Сельхозтехнику» пойду, там поработаю, а дальше посмотрим.

Шурка налил еще по стопке, протянул отцу:

— Давай, батя!

Отец встал, отодвинул стул.

— В кузнице иди надо, пора.

Вышел в сени, надел фуражку, встал на пороге. Шурка видел, как он хотел что-то сказать, но, кашну головой, пошел со двора.

Шурка кинул в рот огурец, покевал, блеснул веселевшими глазами, приобнял сестру и братьев. Ну-ка, сбегайте поглядят, с матерью поговорить надо.

Мать пододвинулась поближе, спросила:

— А где жить будете?

— Где... — Шурка знал, что это самый больной вопрос... — Здесь пока, а потом посмотрим.

— Ну и ладно... Мать встала, начали убирать со стола... — Ты тогда нашу с отцом кровать вынеси в заднюю, около печки поставь: сами будете на диван спать, а для ребеночка лульку подвесим за крюк у голландки.

Шурка до половины дня возился в задней комнате: вынес стол в летнюю кухню, шкаф с посудой — в сени, перенес родительскую кровать и поставил в освободившемся промежутке между печкой и стеной, в передней комнате разложил диван. Для ребеночка мать принесла старую лульку из сарая; Шурка подвесил ее к крюку в балке и, положив сына в лульку, долго забавлялся тем, что, лежа на диване, качал лульку за веревку. Потом, когда ребенок заснул, Шурка улегся поудобнее и задумался. После школы не захотел деревне оставаться: все надоели. Поехал, техническое училище закончил. Веселая жизнь была! Да, дома, конечно, спокойнее, чем в общежитии. Когда устроился на завод и жил один, — все было неплохо, но после свадьбы с Нинкой жить стало намного труднее: квартиру им не обещали, в комнате Шурка перегородил шкафом и повесил занавесочку, но приходил комендант, ругался и срывал занавесочку до тех пор, пока Шурка однажды не пришел к нему с «маленькой»... Только это уладилось — появился ребенок, появились пеленки, беспокойные ночи из-за крика, троев соседей стояли ходить жалобами то к коменданту, то в местком. Шурка, избегая скандалов, стал поздно появляться в комнате и рано уходить. Все больше пропадал у коменданта. Вскоре стало не хватать денег — Шурка продал свадебный костюм и несколько других вещей, что высипали из дома на свадьбу: часы, туфли, две рубахи... На заводе тоже не ладилось...

Шурка вздохнул, оглядел комнату — действительно, тесноват будет, ну да ладно, потом от «Сельхозтехники» дадут что-нибудь... Он успокоился и заснул.

К вечеру пришел отец, направился по привычке к дивану с газетой в руке, увидел спящего Шурку, подвешенную лульку, перенесенную кровать... Потянулся к лульке, заглянул в спящий куличек: внук. Вечером, когда все улеглись спать, долго сидел за столом. Подошла мать.

— Слыши, отец! Шурка пусть поживет немного, куда ж деться ему сейчас, а в «Сельхозтехнике» работает — через неделю-другую и комнатку дадут.

— Да пусть живет, кто его гонит... Детишкам, быва, заниматься негде, да и на полу потом холодно спать будет.

— В задней комнате будут заниматься, а как поклоняет — летнюю кухню топить буду, Нинка поможет по хозяйству, легче будет.

На том и порешили.

На следующий день Шурка устроился слесарем, стал пропадать с утра и до вечера на работе. Квартиру обещали дать сразу же, но прошел месяц, а конца обещаниям все не было, Шурка злился, ру-

гался и у директора и у председателя сельсовета, а тут еще дома нелады начались.

Нинка целыми днями бывала дома, мать поручала ей домашние дела, но вскоре, увидев, что у невестки все валится из рук, опять взяла хозяйство на себя. Шурка ничего не говорила, только отцу жаловалась:

— Как они там жили? Она и приготовить ничего не может, а уж корову подойти и не говори. Пеленки где попало бросает... Поросенка пойдет кормить — мимо корыта все валит, телку-то ведро по-придержать надо, а она поставит и отойдет — он носом тыкает да проливает все...

Пока стояла теплая погода — было еще неплохо, но начался сентябрь, мать перенесла с летней кухни посуду, ребятишки пошли в школу — им нужно

было заниматься, но места в задней комнате не хватало, а в передней был ребенок.. Шурка видел, что назревает скандал, но ничего не мог поделать: квартиру не давали. Он стал приходить поздно, чтобы не видеть родителей, а для успокоения начал помаленьку выпивать. Однажды после работы Шурка с Генкой Азнаровым зашли в чайную — выпить пивка. Взяли по две кружки, сели за стол, Генка вытащил «Перцовую», налили, запили пивом, как вдруг Шурка увидел за одним из столов отца, тот тоже заметил сына. Отступать было поздно, и Шурка, взяв пива, пошел к отцу, сел напротив, поставил кружки.

— Угожайся, батя... Шурка навалился на стол грудью, потянулся к отцу: — Ты, батя, чего на меня сердишься? А?

— А чего на тебя сердиться? Не за что.

Шурка постучал кулаком по столу.

— Врешь, батя, скрываешься... Сам вижу: тесно в доме, да что я сделать-то могу — не дают комнату... Не видишь, что ли, как сам мучаюсь...

— Вижу, — прервал отец. — Мучаешься... На подносе никто не приснесет, не жди... Сам поискай бы избу, чем с дружками по вечерам бегать! О чём думал, когда ехал? Мог бы написать заранее: так, мол, и так, батя, приеду скоро, подыщи чего-нибудь, а то приехал — Ната, мол, принимай! Сам не видишь, что ли, как мат вышибается одна: и покормить и постирать на всех надо, и все сама для сама... Ребятишкам учить-то надо где-то, ты башкой своей думашь или как? Думашь все на родителях проехаться, вычалил тебя, выкорнили; а ты что сделал, чтоб получше тебе жить? Сам-то дурак здоровый уж: ребёнка сделать ума хватило, а растить кто будет? Ты не хочешь, Нинка стирнуть пеленки не может, а...

— Ладно, батя! — Шурка так грозно привстал, что за соседними столами поумолкли голоса, и все повернулись в их сторону. — Ладно! Не задевай Нинку только, понял? — Шурка видел вокруг любопытные взгляды и все больше кипел и расплясался, приглашая всех посмотреть на отца. — Видели?! Куском хлеба попрократ вазумал, не надо меня покрвать, не надо! — Шурка подскочил к буфетчице, кинул ей мельчаки, и скважин с прилавка несколько кусков хлеба, бросил их перед отцом на стол. — Вот, вот... мало?

Кинулся к другим столам и притянул еще и еще куски, они падали со стола. Отец сидел бледный, только бурами выделялись желваки на скулах, да огромные кулаки, которые отец положил на колени, чтобы не ударить сына, выдавали волнение...

Отец уже подходил к дому, когда позади него вдруг послышались шаги, он обернулся: его догоняли Шурка, который хотел что-то сказать отцу, но тот, крепко размахнувшись, ударили его в переносицу. Шурка, не вскрикнув, влетел во двор вместе с катяткой. Из дома высокими мать и Нинка, оттащили неподвижного Шурку, крыльца, стали мокрым полотенцем оттирать лицо... Шурка не подавал признаков жизни. Подошел отец, глянул на Шурку и, увидев лицо, бледневшее в темноте, и неподвижное тело, вынес водруды и окатил грудь и лицо сына. Тот застонал и зашевелился, открыл глаза. Отец поднял его, занес в дом и положил на диван.

Утром в доме каждый старался не смотреть в глаза друг другу. Шурка встал с огромной шишкой между глаз и с большой головой. Молча все успели за стол. Отец первым нарушил молчание, сказал не громко и твердо:

— После работы приду — чтоб тебя в доме не было. Не уйдешь — веши выкину на улицу.

Нинка это время подносила картошку на сковороде, услышав слова отца, вздрогнула, ручка выскользнула, и сковорода со звоном упала на пол, вся картошка рассыпалась. Шурка со злостью кинул ложку на стол, подскочил к Нинке, зорал:

— Руки корявые, что ли? Что выкобениваешься? Не дам! Не с маменькой-панькой...

Шурка не выдержал, замахнулся на Нинку.

Она, заплакав, убежала в переднюю комнату к ренгенку. Все молча смотрели на Шурку. Отец хотел

что-то сказать, но промолчал и, положив ложку, вышел из дому.

Шурка прилег на диван. В комнату заглянула мать.

— Шурка, на работу не пойдешь?

— Нет, — хмуро ответил Шурка, встал и пошел на речку. Сел на берегу, прислонился спиной к плетню огорода, задумался, глядел на воду, где гусыни с уже взрослыми гусятами плыла вдоль берега. Кинул кусок хлеба, один, более проворный, свинтил его и понесся в сторону, на ходу заглатывая большого куска, но его догнала мать и, уцепив за загривок, заставила выпустить кусок, который потом щипали всей гурьбой.

Шурка не заметил, сколько прошло времени и как рядом очутился брат Витя.

— Отец зовет. Иди.

— Вещи выкину уж?

— Нет, пойдем домой. Быстро. Обыскались тебя: Инченковы свою старуху к себе заберут, а ее мазанку за сто пятьдесят нам отдают...

Зашли в дом. Отец сидел на диване, устало положив руки на колени, и глядел на Нинку, которая кормила ребенка грудью. Увидав Шурку, встал.

— Пошли.

Подошли к мазанке. Осмотрели снаружи — дворик с двумя сараишками, приплитанными к мазанке. Зашли внутрь. Осмотрели мимоходом сенцы — ничего. Зашли в заднюю половину — несколько половиц заменили надо, в передней — печь подмазать, а там ничего: окна большие, тепло, видно, бабка все лето подлизывала стены. Шурка повеселел — жить можно! Выскочил во двор, глянул: трубы подпрашивали надо, ворота сменить. Вбежал в дом:

— Ну, что, батя, берем, что ли? Берем, конечно... — Шурка враскачуку обошел вокруг стола, не выдержал, пристукнул два коленца с прихлопом: — Ну, бабки!

— Шурк! Поди сюда!

— Чего, батя?

Отец пошел к двери, у косяка обернулся, внимательно взглянул на Шурку и отчелово сказал:

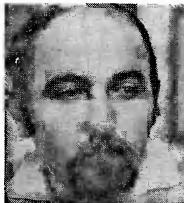
— Нинку если тронешь — убью! Понял?

Хлопнула дверь, затихли шаги, а Шурка, прислонившись к печи, прошептал:

— Понял, батя. Все понял...

г. Златоуст.

Сергей Новиков

Сергею Новикову 23 года.
Служил в Советской Армии.
Работает в Ялтинском
краеведческом музее,
учится на заочном отделении
Крымского университета.

Плотник

Ты встанешь спозаранок —
Рука твоя легка,
потом возьмешь рубанок
веселый с верстака,
и стружка рыхким чубом
взойдет над бруском...
Запахнет в доме чудом
и влажным сосновиком,
и сплошь намокшим лугом,
грозой, что вдаль снесло,
и голубой округой,
промытой, как стекло...

Так кто же ты, умелец,
над стружкой золотой!
Она, как в небе месяц,
Сверкает пред тобой.

А что ж, случайно разве
словарную строкой
обвенчаны: ты, мастер,
и ты, мастеровой!

Письма к друзьям

Я письма далеким друзьям напишу.
Ну, как вам живется на свете! — спрошу.
Ну, как вам живется
в своих городах,
столицах,
станицах,
междуряжных углах!..

И как же так вышло,
откуда пришло,
что по свету по белу нас размело?
И где же,
с какого же черного дня
я — вас, ну, а вы —
позабыли меня!

Да как же случилось,
что в жизни моей
напомнил о вас
то шаги у дверей,
то почек чукой,
то приступ тоски,
да жептые снимки,
да эти стихи!

Зима в Ялте

Когда над морем снегопад,
все восклицанья невпопад.
И все сравнения не в счет,
когда над морем снег идет.

И мы молчим с тобой, боясь
нарушить голосом своим
небес торжественную связь
с накатом волн береговым.

А чайки хриплые в порту,
от удивления ошалев,
буксиручи спешат вслед
и снег хватают на лету.

В начале осени

Какой-то сдвиг вокруг... А впрочем,
еще не осень, но уже
все больше листьев у побочин,
все меньше смуты на душе.

Еще и пробой не отмечен
наш сад и склянка далека,
но ты встречаешь меня под вечер
не выбежишь без свитерка.

Еще... Но тягой обнаженья
уже пронизано насквозь
природы какое движенье:
и ветки взмах и охры горсть.

И как-то исподволь выходит,
что с каждым облестевшим днем
и мы с тобой под стать природе
все обнаженее живем.

Вспропникающее стремленье
живь без прикрас, и день придет —
у нас людей, у них, растений,
разоблаченность совпадет.

И лес, дотоле безъязыкий,
словам не учений людским,
молчанья сбросивши вериги,
быть может, языком моим
заговорит, а я, бледнея,
над тишиной холодных вод
с тобой молчать, как лес, сумею
и петь смогу, как лес поет.

Рисунки
В. СМИРНИЦКОГО.

РЫЖИЙ— НЕ РЫЖИЙ...

Глава I

Уплотнились под потеплевшим солнцем мартовские снега, черными оспинками проглянули затвердевшие еще с первых осенних морозов комья всколочанной земли на огородах, погнемели в палисадниках, набухая соками, развесистые заросли акаций и сирени. Бродили собаки, живущие в зимние холода поближе к скотным дворам, почувствовали весну и теперь уже цепкими днеми, обив лапами запасные морды, дремали на только что пробившихся проталинах. Насыщенный испарениями воздух ломался перед глазами голубовато-прозрачной пленкой и лениво тек над землей. По утрам со стороны холмов, поросших дубником и низкорослой липой, на рабочий поселок железнодорожной станции напльвал непроглядный туман. Он не спеша наваливался на деревянные дома с отсыревшими стенами, заливал по-деревенски просторные улицы и, поглотив поселок, растекался дальше, в сторону города, куда тянулась от станции прямая, разбитая за зиму дорога.

Недалеко от станции, красящая большими окнами с голубыми ставнями, стоял добротный особняк. Сквозь запотевшие окна робкой синью пробивалася рассвет. На диване, возле окна, мертвю раскинув руки, спал в верхней одежде хозяин дома Дмитрий Выон. Влажно блестело красное, воспаленное лицо. На распирающем грудью пиджаке ритмично шевелились пуговицы. Низкий, с медленным разгоном до захлеба храл Дмитрий Выон: слышен был в любой из четырех комнат дома. Неудобно подогнутая под спину рука отозвалась болью, и Выон проснулся. Вначале он с некоторым удивлением разглядывал комнату и все старался вспомнить, как прошлым вечером добирался домой, но так и не вспомнил, отгорченное крякнул. Однако знакомая обстановка и крупные листья фикуса над головой немного успокоили его — дома ведь; в глазах исчезла растерянность, и вместо нее выплынулся жесткий, повелительный блеск.

— Марья-а-а! — загрохотал Дмитрий.— Марья-а-а! Воды-ы-ы!

На кухне зазвенела посуда, забила струей по жестяном дну вода. Скрипнули дверные петли, и в комнату вошла дородная женщина в шуршащем клеенчатом переднике. Она поставила на пол к дивану полный чайник воды и швырнула на покрытое испариной лицо мужа мокрую тряпку.

— И, и-и-и! Черт она те попеки глотки встала! — И по ее крупному, скучающему лицу побежали красные пятна. Марья с ненавистью взглянула на мужа и расстроено потащилась на кухню.

— Марья-а-а! Воды-ы-ы! — прохрипел опять Дмитрий, на какое-то время забывшиесь в беспамятной дреме.

— Там она! — откликнулась Марья сочным, басовитым голосом.— Налопался, черт пузатый!

Дмитрий нашупал нетвердой рукой чайник, ухватил его за носки, с трудом приподнялся и жаждыми глотками стал пить. Вода ручейками скатывалась по небритому подбородку, текла по сильной жилстой щеке и расползлась синюшными пятнами на белом чехле дивана. Дмитрий сделал последний судорожный глоток и бессильно откинулся на подушку. Чайник вырвался из ослабевших пальцев, звякнул дужкой и покатился по полу, оставляя за собой мокрую дорожку.

Комната снова наполнилась храпом. Из кухни доносился суетливый шум кастроля, Марья тороплилась приготавливать завтрак.

— Петя! Петя-а-а! Вставай!

Марья прошла в спальню сына, не дождавшись ответа, сняла с него одеяло и, скомкав, бросила к спине кровати.

— Воды нет, сынок. За водой бы сходил.
— А чего отец? — сонно тараща на мать глаза, спросил Петя и потянулся к одеялю, кое-как расправил его, набросил на голову и отвернулся к стене.

— Кому говорю — вставай!

Разраженный голос матери заставил Петяку открыть одеяло и свесить ноги на охлодавший за ночь пол. Зябко передернув плечами, он сложил крестом руки на груди и покосился на лежавшие на стуле брюки и рубашку, все еще не решившись, одеваться ему или опять лечь в теплую постель.

Василий КОНДРАШОВ

Бывший военный летчик, погибший в авиакатастрофе в 1965 году, работал мастером, начальником цеха, а затем инженером в Саратове. Сейчас работает преподавателем. «Рыжий — не рыжий...» — его первая повесть.

ПОВЕСТЬ

Надо же будить в такую рану! Как будто в школу идти.

Петьяка бы в два счета сбежал за водой, до колонки каких-то полкилометра, но очень уж не хотелось так раноставаться. Отвык. Почти три месяца прошло, как бросил девятый класс. Теперь и мать редко будила его по утрам, спи себе и спи сколько влезет. Мысль, чтобы Петяка на опоздал на уроки, давно никого не волновала в доме, а кое-какие дела по хозяйству, наказанные отцом или матерью, он и без спешки успевал переделывать днем, в удобное для себя время. Почти сам себе хозяин.

Петяка недовольно заворчал:

— Вечером не могла сказать...

— И где я тебе буду искать вечером! — воскликнула мать. — Как уйдешь — и завей хвост веревкой. Умаялась я с вами, — вздохнула с горечью и, просительно глянув в глаза сына, добавила: — Сходи, Петько! Отец-то последнюю выглохтал. Завтрак готовить нечем...

Петяка сонно потянулся, сгоняя дрему, зевнул и الكلупнул зубами.

Оденься втот...

Не успела мать отойти, как Петяка снова подвалился в постель.

— Я кому говорю — вставай! — рассердилась Марья. — Хватит дрыхнуть!

Подрыхнешь тут! — уже окончательно проснувшись, поднялся с кровати Петяка и стал нехотя одеваться. Его еще долго одевала забота, и он, не сдерживаясь, зевал до хруста за ушами, закрывал глаза и при этом покачивался, сидя на краю кровати, вспоминал что-то из вчерашнего дня и горчично морщил нос, широкий и короткий, с загнутым вверх кончиком. Все говорили, что Петяка весь в отце: и лицо круглое, и волосы рыжие, и нос такой же. Некоторые шутили: и учиться оба бросили, только Петяка с девятого класса, а отец со второго курса института.

Петяка надел поношенную отцовскую телогрейку, проплыл мимо матери и, схватив пустые ведра, громыхнул ими на весь дом. Марья покосилась на сына и молча подбросила дров в голландку.

Сырые дрова зашипели, и печь чихнула в комнату дымком.

— Эх, горе! — шумно вздохнула Марья. — Не мог дров с вечера занести. Протух ух винницем-то...

Слышиа причинята матери, Петяка удрученно подумал, что верно: отец в последнее время слишком принадлежал на водку. Или у них, у грузчиков, заведено так: разгрузил вагон — пей, переложил на складах грузы из одного угла в другой — беги за бутылкой. Петяка вспомнил, как мать, притягив отца поздно вечером с помощью соседа, проплакала почти всю ночь. Плакала она тихо, чтобы никто не слышал, но до Петяка все же доносился ее приглушенные всхлипы, и он начинял злиться на отца.

Уже выйда со двора, Петяка поправил съехавшую на затылок шапку, обхватил дужки ведер на крючках коромысла, чтобы меньше раскачивались, и направился к колонке. Под ногами сухо покрустывал снег, и Петяка с удовольствием подумал, как он накрутит снегурики на валенки и махнет на холмы, где старые лыжни стали твердыми, как наезженная дорога. Петяка любил кататься по ним и раздвигал на спусках такую сумасшедшую скорость, что рисковал, споткнувшись, разбиться о ствол дерева. Он, конечно, знал и не раз испытывал на себе, как опасна и коварна лыжня для езды на коньках, сколько уж приходилось дохраниваться до дома с ушибленной ногой или отбитым плечом, и все же Петяка любил мартовский снег на холмах, две опледенелые ленты следов от лыж и мелькающие над головой ветви деревьев. Сегодняшний морозец так и манил на холмы, и Петяка ускорил шаг.

У колонки он заметил худенькую, сгорбленную фигурку деда Авдея. Наросший у колонки скользким бугром лед не давал приблизиться и зацепить за рычаг. Дед беспомощно скользил и падал, гремя на всю улицу ведрами, снова вставал, вешал ведра на коромысло и, подрагивая от напряжения головой, упрямо наступал на колонку.

— Здорово, дедулы!

— Здравствуй, внучок, — дед Авдей смущенно замялся на месте. — Вот толкнуся тут, как баба-яга в

ступе. Скользит, проклятая! Ни тебе шагу ступить, того и гляди носом хрюнешься.

Почувствав подмогу, дед Авдей поставил ведра рядом с кипарисом, пристроил на них коромысло мосточком и, усевшись поудобней, полез в карман за кисетом.

— Кажется весну этак вот головой рискнуешь. Две войны прошел, а тут напрочь могу снести. Иду за водой и всю дорогу гадаю: доберусь ли нет до нее. Она же мне, треклятая, будто баба, по ночам снится. Как думалось, Петья, доберусь ли я до нее или нет? — Дед Авдей успел уже смастерить самокрутку и дымил едким самосадом прямо в лицо Петью.

— Может, и доберешься, улыбнувшись серьеziому тону деда, ответил Петья.

— Я и говорю — колгота одна. Днями-то бабка Матрена так хрюналась — аж днища у ведра повышибло. Многие говорят — повезло, задница-то оно помячье. А нука я грудью вдарюсь? Что тогда будет? — И дед с тревогой посмотрел на Петью. — То-то и оно!

— Надо бы поколоть лед.

— Поколо-от... Молодые-то гулять горазды. Да ит и без разбегу умрут! — Дед Авдей затянулся глубоко и задумался, глядя прищуренными глазами на непокоренную высоту из отшлифованного льда возле колонки. — Надоить, какой пупок отлился!

— Я раскоплю его, дедуль, — пообещал Петья.

— Расколи, внучик, расколи. А то срамота одна старых людем.

— А ты мне про войну расскажешь, дедуль?

Дед Авдей стряхнул пепел с самокрутки, помочали конец редкими зубами, и складки на его худом лице будто бы текли прикалья друг к другу. Петья уже знал: если дед долго не отвечает, значит, вспоминает и расскажет что-нибудь интересное. Он всегда так: морщится, шуршит глаза, изредка вздыхает, глядя в дальний конец улицы, а потом, откашливаясь, начинает рассказывать быть или не было из своей фронтовой жизни. И в это время Петья боится, как бы кто не помешал им, как бы кто не оборвал слабый, задыхающийся то ли от смеха, то ли от чего еще голос деда Авдея. А рассказал дед интересно, и про Финскую и про Отечественную. И сейчас Петья ждал и оглядывалася, не подходит ли кто за водой и не вышла ли мать на улицу. Осмотревшись украдкой, он припахивался на свои ведра рядом с дедом, затем попросил самокрутку с расчетом, что тот наконец-то начнет свой рассказ.

— Ты это баловство бросай, Петя! Старики от первов курят, от болезни. Я вот скажу отчиматерий — грозился дед Авдей, но Петья уже давно знал, что он никогда не выполнит свою угрозу, да и курит Петья дома в открытую, мать с отцом уж и замечать перестали. — Я те про самолет рассказал? Это когда мы нашу станцию освобождали?

— Было, — подтвердил Петья. — Три раза рассказывал. Про истребитель, который в наш пруд упал.

— Надоть, как заросла память, — пожаловался дед Авдей и скрупульно почесал головой.

— Это я сам просил. Три раза.

Дед Авдей подозрительно посмотрел на Петью, потом вспомнил, видимо, и довольно поческал губами.

— Так и есть. Это в последний раз, когда моя внучка Любашка урок по хемии не сделала. И в школу не пошла, больной сказала. Вот те и хемия!

— Ты мне, дедуль, не про «хемию»! Ты мне про войну расскажи! — стал упрашивать Петья.

— Про то и скажу, и про войну, и про хемию. — Дед Авдей последний раз затянулся, выпустив глагол из натуги, поддержал сколько мог дым во влажной груди и выдохнул в залатанные колени. — Кажись, в сорок третьем тот случай был. Нам тогда наступать приказано было на эту, как ее, в песне-то поется, когда в живых троих?

— На безымянную высоту, — подсказал Петья.

— На ее самую, — обрадовавшись Петькиной догадливости, часто зевая головой дед Авдей. — Так же вот, не рассвите, кликну нас командир в атаку, ракетой вверх, и первым бегом в гору. Мы за них. Для острастки нет-нет да и пулеметом с автоматом. А немец реденько бьет, будто выбирает, которые проворней. Стараешься пошибче бежать, да куда там, снежице такой выпал — до пузаста дастей. А с моим ростом как ни пыхти, едва успеваша. Бегу, а сам смыслия, как бы командир за труса меня не посыпал. Он, немец-то, хота и редко бьет, а метко. Жить кажный хочет! А потом вовсе как посыпает со всех пулепетом, мы и в снег. Лежим, ждем момента. Слыши, командир меня кличет. Давай, говорит, Авдей, как ты самый маленький, скрзъ снег прошли и эту вражью доту сничтокъ гранатой. Надо сказать, спущался я тогда, а потом озлился: что ж, у меня духу не хватит тог поганую доту сничтокъ?..

— И сничтокъ? — нетерпеливо восхликал Петья.

— Да погоди ты! — рассерчал дед Авдей. — Ток-ма разбег вязь, а он туда же! Я эти тебе сколь раз говорил — не спрошь, кады разговор веду! Ну, игде я остановился, игде? — вполне серьезно напирал дед Авдей на смутившегося Петью. Похоже было, он запамятовал, где Петья перебил его рассказ, и теперь не знал, с чего начинать, но признаваться в этом не собирался, во всяком случае, открыто. И вопрос он задал будто бы для проверки, как его слушает Петья.

— Когда тебя командир послал дот подорвать, — осторожно подсказал Петья, боясь снова рассердить деда.

— Так и есть — послал, — согласно кивнул дед, глядя прищуренными глазами вдоль улицы. — Никак бабка Матрена дорогу ногами гребет. Ишь ты, кажись, и новые ведра купила..

— Ты чего, дедуль? — не понял сразу Петья, о чем заговорил вдруг дед Авдей.

— Бабка Матрена идет, толкую тебе, — ответил дед Авдей, с умешкой в глазах разглядывая растолстевшую соседку, примерно одного с ним года, но еще довольно крепкую старушку. — Ты, Петья, как думаешь, возьмет она нашу высоту или нет? — И он, хотохнувшись, показал пальцем на колонку.

А бабка Матрена поставила новые ведра к ногам, сразу же, не пожелав доброго утра деду Авдею, на бросилась на Петью.

— Это ты моих гусей карасином наполил! Ветинар признал — от карасина они занемогли!

— Пусть не пьют..

— Как то есть не пьют? — опешила бабка Матрена. Видно, она ожидала, что Петья будет откликаться. — Как то есть не пьют? — снова повторила она, все еще соображая, как быть ей дальше.

— Я же им не водку, а керосин давал...

— Ах ты, ирод ряжий! Я ж тебя за моих племянных!.. — и бабка Матрена угрожающе подняла корымьло.

Петья резво вскочил с намерением как можно быстрей ударить, но между ним и бабкой уже встал маленький дед Авдей.

— Негоже, Матрена, коромыслом эдак махать. Не ровен час — скользнешься.

— А ты не встревай! — переметнулась бабка Матрена на деда Авдея и, подперев крупными руками бока, с издевкой проговорила: — Может быть, скажешь, за что от моих гусей карасином наполил?

— А зачем ты палкой Шарика лупишь? — пытался защититься Петька, отодвигаясь на асфальт случай по дальше от бабки Матрены.

— Она бродячая! Курей жрет! А ты бери ее, берри И-иша, какой жалостливый!

— Да у них, Матрена, какжись, три во дворе, — охотно сообщил дед Авдей. — И все, как одна, к ногам ластятся. За четвертую, какжись, отец обещал уши оборвать Петьке. Он, Дмитрий-то, знаешь какой. Что не по нем, похожий зверя становится.

— Однова порода, — проворчала уже более примириительно бабка Матрена и взялась за ведра.

— Набери ей воды, Петька, — попросил дед Авдей.

— Не буду...

— Ну, как знаешь, — очень уж быстро согласился дед Авдей и приготовился наблюдать, как бабка Матрена будет одолевать ледяную горку возле колонки. Тронутые старческой синевой губы сложились насмешливую улыбку. Но деду Авдею пришлось разочароваться, он даже с неприкрытым со-жалением вздохнул, когда увидел, как бабка Матрена на удивительно спокойно для ее возраста, правда, не без опаски, легонько так, бочком, будто теснила что-то невидимое, но прочное, подобралась к ведрами к колонке и наполнила их, косясь то на деда Авдея, то на Петьку.

— Как пить дать — гетеу сдавала! — удивленно крякнул дед Авдей. — Нешто и мне слышать?..

Дед Авдей некоторое время поглядывал то на свои кирзовье сапоги, то на удалявшуюся с ведрами бабку Матрену.

Петька помог деду набрать воду и вызвался отнести ведра до его дома, решив на время оставить свои ведра у колонки. Шел Петька молча, размыш-

ляя, почему он таким робким выглядел с бабкой Матреной. Ведь не боялся же он ее — это уж точно. А коромысло — что, Петыку и пристрелить грозились, когда он ночью возле магазина синтетическим клемом лавку наназал. Сторож сел на часок-другой вздрежнуть и уснул. А за углом клевал носом Петыка, изнемогая от лютней духоты, но уходить никак не хотел: надо же дело доводить до конца. Уже часа в три ночи Петыка, уверенный, что сторожка прихватил накрепко, вытащил из кармана приготовленную специально рогатку, поточнай прицелился маленьkim чугунным осколком в бок сторожку и отпустил разинку.

— Карапул! Убивают! — дико заорал сторож, оставляя на лавке солидный кусок материала от брюк, и начал палить из ружья, а когда почувствовал, будто кто держит его за щеки, закричал в паническом страхе, протяжно и длинно: — Вла-а-ху-ут!

На выстрелы прибежали какие-то трое, незнакомые Петыке. Не заметив ничего опасного возле магазина, они стали успокаивать сторожка, уверяя, что это ему приснилось, пока не заметили, к чему и как его «привязали». «Спасителя» так дружно привились ходить, что Петыка не выдержал, вышел из засады и присоединился к ним.

— А тебе чего надо здесь? — окрысился сторож, узнав Петыку Вуона и стараясь не вставать к нему спиной, чтобы не показать ущербное место на брюках. Очень уж боялся, как бы Петыка, злы на язык, не раззвонил по поселку о ночном случае. Эти-то трои были, видимо, приезжими, посмеялись между собой да и уедут. А Вуон чуть ли не сосед, через улицу живет.

— Проверить хочу, как приклеился! — слгатывая смех, ответил Петыка и показал на опорожненную бутылочку из-под клея. — Думал, не хватит! Он с безопасного расстояния взглянул за спину сторожа и коротко рассмеялся. — А вышло многовато даже. С трусами оторвал!

Поняв, кто виновник этого позорного ЧП, сторож от неожиданности сел, будто собирался поднакопить злости и разом расправиться с обидчиком. Он так резво метнулся в сторону Петыки, что послышалась продолжительный треск раздираемого материала.

— Застрели, рыхлая тварь! Дайте мне патроны! Патроны дайте! Но в ответ сторож услышал дружный хохот и, окончательно осознав свое комическое положение, затравленно сел на лавочку, не отрывая взгляда от Петыки. — Попадешься мне где-нибудь по-тихому, застрели, как собаку, и в порожняк брошу...

Шагая чуть впереди деда Авдея и вспоминая случай со сторожем, Петыка все же решил, что никакой трусости у него при встрече с бабкой Матреной не наблюдалось, просто-напросто ему неудобно было перед дедом.

— Слыши, дедуль, — приостановился Петыка, — ты мне доскажки про дот.

— Да из чего досказывать? Не сничтожил я его. Раненю тогда получили.

— А говорил — химия! — разочарованно протянул Петыка и ускорил шаг, уже не надеясь, что дед Авдей отыщет сегодня в своей памяти что-нибудь интересное.

— Оне и есть, — охотно откликнулся дед Авдей. — Другой то везучий оказался, шашку дымным подпалил и в доту бросил — из него дымышла как повалит, и все тем разом к нему. Так и сничтожили.

В дом Петыка зайти отказался насторож из-за Любки — внуки деда Авдея. Может, еще и не ушла в школу. Подумает вдруг, что из-за нее воду несет.

Петьяк осторожно перевесил коромысло с ведрами на шаткие дедовы плечи и открыл калитку, чтобы тот прошел к крыльцу, затем бегом побежал к колонке, мысленно представив, что его ожидает дома. Только бы не пронесулся отец, а мать поверит немного и успокоится. Она отходившая. Отец, тот за ремень сразу хватается или за что другое, чем сподручней отколотить. Особенно злым он вывает на похмелье, когда мучается от невыносимой головной боли.

В коридоре Петьяк замешкался, припроравилсяся открыть дверь и не задел ведром о стену. Мать не любила, если он расплескивал воду в коридоре. Протискиваясь сквозь узко открытую дверь, Петьяк, как должное, слушал причтания матери:

— Ну, где же ты пропадаешь? Заждалась ведь! И дрова все прогорели.

Воду отключали...— сорвал Петьяк, не глядя на мать. «Ну, какой толк,— подумал он,— когда она отругает меня. Только нервы потрятят».

— Прямо наказание какое-то! — пожаловалась мать.— Людям на работу идти, а они хулиганят.

Петьяка молча поставили ведра на кухонную лавку, разделился и подсек к столу.

— Поесть бы, мам.

— На вот! — подала Марья пол-литровую кружку компота и горбушку белого хлеба.— Закусы пока. Прощатся вчера-то.

Ел Петьяк неторопливо, строил планы на день, но все получалось скучным и неинтересным. Вспоминал деда Авдея и мысленно ругал Любку, что она совсем не помогает по дому. Возомнила себя красавицей, все боится руки попортить. Вот и приходится деду Авдею на старости лет водянную колонку, как дот в войну, штурмом одлевать. Петьяк вздохнул, вспомнив свою историю, и покаялся, что не родился раньше и не мог воевать вместе с дедом. А сейчас что за время пошло — заняться ничем, все школа за школу, одни уроки на уме у каждого. А разбраться — кому нужна эта алгебра! Другое дело — физика... Или радиотехнику учить. А то понавешают предметов для видимости, из школы вышел — и не помнишь ни одного. Умреш от такой учебы. А в общем, где можно и повольнишь, а там видно будет. Студентам вон по закону дают повольнить, какой-то академический отпуск. Академики тоже...

В это время, не обращая внимания на ворчание Марьи, в комнату ввалился подвыпивший Федор Погорелов. Он работал с Дмитрием в одной brigade грузчиков. Поводя осевыми глазами, он сочувственно посмотрел на хозяина.

— Болеешь? А я слегка опправился,— и вытащил из-за пазух четвертинку с остатками водки, кручину ее резко и хмуро поглядел на закружившуюся жидкость.— Ну, глотни — полегчает,— подал Дмитрию.

Тот покосился недовольно, обхватил виски падо-нами и промыкал, съедая слова:

— Канитай одна... На языке размазать.

Федор хотел сунуть четвертинку обратно за пазуху, но Дмитрий ловко перехватил ее и опрокинул над ртом. Бутылка всхлипнула раз-другой и стихла.

— Марья! — позвал Дмитрий жену.— Дай Петьюке пятерку. Пусть сбегает.

— Сбегает, — боязливо передразнила Марья.— С одиннадцати ее тянут.

— Шатилица даст! Скажет, для меня.

— Хватит пить-то! — запротестовала было Марья.—

Каждый день без продыху...

— Марья, —рыкнул Дмитрий и сузил глаза.

Марья опустила голову и, порывшись в укромном, только ей известном месте, ткнула Петьюке в ладонь мятую пятерку, и тот беззропотно вышел из дома.

Пока Погорелов тщетно пытался доказать хозяйке, что «похмелка для мужика — первейшее дело», Петьяк сбежал и поставил на стол поллитровку.

— Ну, как? — исподлобья посмотрел на сына Дмитрий.— Уважают меня в магазине?

— Уважают, — не очень охотно ответил Петьяк.— Только Шатилиха всех уважает, кто сдачи не берет.

— Поговори мне! — незлобиво прикрикнул Дмитрий.

— Пап, отпусти на улицу.

— Дома сиди, пока я здесь. Приемник свой падай.

— Это не приемник, а генератор инфракрасного излучения.

— Все равно паяй.

Петьяк, о чём-то размышляя, направился в свою комната, где обычно паял радиосхемы. Марья присела тарелку соленных огурцов и толсто нарезанное свиное сало. Дмитрий налил немного воды в два стакана, достал после некоторого колебания третий, налил в него.

— Петьяк! — позвал он громко.— Иди сюда!

— Чего ты ребенка смущаешь? — догадалась Марья о намерении мужа.— Рано ему еще.

— Какая разница, когда начнет, — усмехнулся Погорелов.— Все одно от этого дела мухику никуда не уйти.

— Иди-иди, сынок, — подбодрил Дмитрий показавшегося в дверях сына.— Много нельзя, а немного можно.

Петьяк, опасливо поглядывая на отца, подсек к столу. Дмитрий, никого не приглашая, выпил и снова налил, посмотрел на Погорелова, потом на сына.

— Ты, Петьяк, можно сказать, только в жизнь входишь...

— Мужиком становится, — кивнул Погорелов на стакан с водкой, стоявший перед младшим Вынумом, и с пророческой ухмылкой посмотрел на Дмитрия: вот и мы, мол, когда-то так начинали, а теперь кулем из пивной таскают.

— Помолчи, Федор, не с тобой говорю — с сыном. Марьей

— Ну, чего тебе? — Дверь в коридор приоткрылась, и в узкий проем боком встала Марья с веником в руке.

— Достань там покупку. К Мюю которую... Ну, ты знаешь.

— Делать тебе нечего, — недовольно проворчала Марья, бросила веник куда-то в угол коридора, сняла за порогом валенки с калошами и в шерстяных носках со штапинами пятками прошла в переднюю. Оттуда она вернулась с аккуратным бумажным свертком, перевязанным крест-накрест синей лентой. Под скрещением ленты лежала открытка, Дмитрий принял сверток, вытянул из-под ленты открытку и подал Петьюке.

— Читай!

Петьяк уже догадывался, кому предназначалась сверток, но открытку взял неохотно, поглядывая то на отца, то на Погорелова. Ему не хотелось читать при чужом человеке, а отец не замечал этого.

— «Дорогой сын! — невнятно начал Петьяк и мельком посмотрел на подобравшее лицо отца,— дарю тебе kostюм в день шестнадцатилетия и к празднику. Твой отец...»

— Иди, примерь, — передал Дмитрий сверток сыну. Петьяк, заметив перемену в настроении отца, подумал, что самое время попросить у него денег. Он понимал: после такого подарка, хая и преждевременного, заговаривать о деньгах неудобно. Но как тут не заговорить, когда чуть ли не всю зиму только о них и думашь.

— Пап, а пап, — осторожно начал Петьяк, принимая от отца сверток икладывая открытку на преклоненное место,— мне бы денег...

— Дай ему, мать, рублевку на кино.

— Мне триста рублей надо... — И Петьяка настороженно втянул голову в плечи.

— Тридцать, рублей! — переспросил Дмитрий. — Это куда тебе столько?

— Не тридцать, а триста...

— Хе-хе! Ему костюм в зубы, а он еще триста в приданую. Всютина "дорогой сынок"...

— Помолчи, Федор! — резко оборвал Погорелова Дмитрий. — Мой сын — мне и оценивать.

— Да я что? Оценяешь! — усмехнулся Погорелов и в ожидании скандала поудобнее уселился на табурет.

Только их, оценщиков-то, и кроме тебя найдется.

— Ну, так для чего тебе триста понадобились? Кутеж заварить с дружками надумал или в карты пропиграл?

— Лодку хотела... У нас в пруду ни одной лодки. Наша первая будет.

— Это хорошо, Петьяка, что наша лодка первой по пруду поплынет, — медленно начал Дмитрий. — Я вот тоже у грузчиков вроде первым числюсь. И не по бригадистству, а так. Но все это чушь, Петьяка. На мой чест тебе в ту лоханку первым лодку спускать, когда, может, для твоей души корабли спорудней строят или капитаном на них. Садись, Петьяка, выпей с отцом. Мать, прими у него костюм, пусть полежит до весны.

Петьяк сел и покосился на стакан с водкой. Вино бы еще куда нишло, но эта штука...

— Пей, сынок, за отца своего непутевого выпей, чтоб не его дорожкой!

Петьяк приподнял стакан, скривился, будто уже пил прозрачную вьюковую жидкость, затем несмело посмотрел на отца.

— Мне бы лодку, пап...

— Лодку? — Дмитрий приподнялся и налег ладонями на середину стола, чтобы ближе видеть заплаивающиеся страхом Петьякины глаза. — А ты их зароботал, сотни-то? Я тебе дам такую лодку, ты у меня глохнем в пол влезешь! Федыка, наскараби у себя там, пусть еще сбегает!

— Не пойду! — пробурчал Петьяка.

— Поговори мне еще! — рыкнул Дмитрий и угрожающе сксал кулак.

Петьяк вихрем сорвался с табуретки, и только зевеное пальто, на ходу стянутое с вешалки, на мгновение мелькнуло в двери и исчезло.

— Петьяк-ай — полетело вслед...

А младший Вывон, хлюпнув коридорной дверью, прыгнул через все ступени крыльца прямо на ледяную дорожку двора, не удержался на ногах, ударился боком, почти тут же вскочил и побежал за угол соседского дома. На этот раз отец не побежкал за ним, наверно, слишком хмельной был.. Петьяк перекрёсел дых и со злостью нын консервную банку, подвернувшуюся под ноги. Ну, с чего так разозлился отец? И попросил ни о чем «нельзя». Всегда так: вы пьете, а на другой день хотят не подходит... И денег не дает. Где их достать, почти триста рублей? Сдавать бутылки? Это же сколько их надо? Целых три тысячи без малого! А без лодки никак нельзя, без нее дно пруда не исследуешь и самолета не найдешь. Эх, папан, папан! Ну, что тебе стоило! Всего полторы зарплаты.

Петьяк с тоской посмотрел на небо, которое, кажется, вот-вот обрушится снегом на малоподвижную улицу, на исковерканную машинами дорогу и воющие от ветра провода. Он думал: хорошо бы сейчас оказаться в школе. Там идет второй или уже третий урок, и весь девятый класс слушает старьевского учителя физики Спиридона Ивановича. Он может бесконечно говорить о знаменитых русских ученых-физиках, о могучей энергии атома. И пусть бы Спиридон Иванович закатил ему в журнал жирную двой-

ку за невыполненное домашнее задание, пусть бы выгнал из класса за поломанный измерительный прибор, ведь все равно на следующий день он мог бы принести в школу. А теперь что делать? Куда пойти?

На выцветшей за зиму доске объявлений Петьяка прочитал: «Со второго по пятые марта кино «Гроза». Начало в 10, 12, 18, 20 часов. Билеты продаются».

— Продаются, — повторил Петьяка, зевнул и зашарил по карманам с надеждой найти мелочь. Нашел всего лишь два пятиакта, этого, конечно, было мало, и на билет не хватит.

— Эй, паря! — окликнул он проходившего мимо парнишку примерно своего возраста. — Подкати-ка на минутку.

Тот подошел и выжидательно остановился, поглядывая на Петьюку настороженным взглядом.

— Дай закурить.

— У самого на раз осталось, — хмуро ответил парнишка.

— А это мы посмотрим, — прощедил Петьяка сквозь зубы и ухватил парнишку за ворот пальто. — Проверим, что у тебя там, — и запустил левую руку в его карман, вытащил пачку папирос, надорванный рубль и расческу, которую сунул обратно. — Только пинки, шарахну, гвоздем в землю влезешь! — И с ехидством добавил: — В долг беру, отда姆 после дождичка. Проваливай!

Парнишка отошел на несколько шагов и пригрозил:

— Мы еще встретимся!

— Приходи, — усмехнулся Петьяка. — Деньжат не забудь.

— А вот этого не хочешь? — показал парнишка кулак.

— Проваливай! Проваливай! — повысил голос Петьяка, и парнишка трусцой скрылся в переулке. Петьяка закурил, на мгновение пожалел, что не удалось плотно позавтракать, а мат, наверно, не торопилась давать на стол разогретый борщ, должно быть, ждали, когда уйдет дядя Федя.

Около часа бродил бесцельно по улицам Петьяка, дразни дворовых собак. По пути помог монтеру, который налижал линию телефонной сети, размотать моток проволоки, попросил у него когти замазать на стол, но тот отказал, и Петьяка обозвал его тумаком. Потом заглянул в парикмахерскую, проболтал нескользко минут с бывшей десятиклассницей. Она все уговаривала его пройти в кресло и привести в порядок прическу. Побежбала даже поедоклонить. И все без денег. Но Петьяка, отогревшись, повторила отказаться от этих услуг, так как считал свою прическу не нуже, чем у других, даже без одеколона.

Петьяк взял билет в кино, попотапился среди немногих зрительных зрителей и один из первых вошел в зал. Он сразу устремился в угол, где потемнее и где, по его предположению, будет мало зрителей. Петьяка поднял воротник и прикрыл глаза. Кто-то сел рядом, но он не обратил внимания. Нежинский комнатное тепло хорошо напотапленного клуба приятно ласкало тело, и сморканный им, он стал всхрапывать едва ли не с первой части фильма, незаметно для себя привалившись плечом к соседу.

— Ты, что, спать, что ли, сюда пришел? — недовольно оттолкнул тот Петьюку.

— А твое какое дело? — проснувшись, огрызнулся Петьяка. — Сопнишь потихоньку — и пасытай.

— Хулиган! — раздраженно бросил сосед и отвернулся.

— Сиди-сиди! — пробубнил Петьяка. — Тоже мне культурный нахался! — привалился другим плечом к спинке сидения, и вскоре опять послышалось его легкое с посвистом похрапывание.

К концу сеанса Петьяка неплохо выспался и к выходу шагал бодрый и в отличном настроении. У выхода он столкнулся с Сергеем Можаруком, бывшим од-

ноклассником, худым и болезненным «кочкарником». Петья стоял перед ним, чуть склонив к груди голову, некоторое время с удивлением разглядывал его, потом облизал и обрадованно захлопал по выпирающим из под пальта острый лопаткам.

— Хоттабы! Какими ветром? Почему не в школе?
— Гриппуло,— словно по секрету, тихо сообщил Сергей.— Все на работе, а я в кино сбежал,— застенчиво ульялся он и все поправлял очки, укладывая их на переносице.

У Сергея были светлые с реденькой голубизной глаза и слипавшиеся с цветом лица брови. В первые минуты Сергей заметно радовался встрече с Петькой, но потом стал рассеянно поглядывать на крыши домов, на прохожих...

— Слушай, Хоттабыч! Заглянем в буфет? — предложил Петья.— У меня есть на пару кружек пива.

— Ты же знаешь... Я не могу...

— А я что? Я могу, да? — обиделся Петья.

— Ладно, пойдем,— после некоторого колебания согласился Сергей.

Некоторое время они шли молча. Петья искоса поглядывал на Сергея и все гадал, почему он согласился пойти с ним, «отпетым хулиганом», не куда-нибудь, а в буфет. Узнав отец, дальше двора гулять не пустят.

— Позеленел ты, Хоттабыч. Как выкрасили.

— Гриппуло же...

— Ты всегда такой.

— Может быть,— снова засмущался Сергей и потянулся протирать запотевшие очки. Ему неприятно было сознавать, что он такой тщедушный и хильд, что у него динеобразная, сплюснутая с двух сторон голова и что он часто болеет, как никто в классе.— Папа говорит, чтобы я спортом больше занимался, плаванием. Наверно, школьной физкультуры мне не хватает,— вздохнул Сергей и остановился, когда Петья приоткрыл дверь стационарного буфета.— Не пойду.

— Ты чего? — опешил Петья.— То пойду, то не пойду.

— Не хочется мне...

— Как знаешь,— пожал плечами Петья и захлопнул дверь.— А мне с тобой поболтать хотелось...

— Не в линвой же.

— Ну, какой ты мукин, Сергей! — искренне посочувствовал Петья.— Читай газеты. В них что говорят? Хорошо поболтать за кружкой пива.

— То для взрослых.

— Я пионерские не читаю. У тебя паспорт с собой?

— Дома...

— Тоже мне, ребеночек с паспортом! — добродушно усмехнулся Петья и хотел уже добавить: «Вот какой выхмаках!»— но промолчал, смирился глазами почти детскую фигурку бывшего одноклассника.— Ну, так что, заглянем?

— А может, на пруд пойдем? — несмело предложил Сергей.— Я тебе покажу вмерзших в пруд лягушек?

— Гоjo.

Сергей показалось, будто Петья очень уж охотно согласился прогуляться на пруд. Или, может быть, его действительно занялись спасали лягушки, которых, как он помнит, тот всегда ненавидел до отвращения?

— На прошлой неделе Дед мне по физике двойку закатил, формулы я попутал,— с огорчением сообщил Сергей.

— Он такой, он не посмотрит, что отличник! Дышит еще?

— На пенсии собирается.

— Он еще с осени собирался. При мне,— с ноткой довольства сказал Петья, радуясь, что и он еще кое-что помнит о школьных делах.

— Не могу понять, почему ты перестал учиться? — спросил Сергей.

— Сам не пойму. Так получилось,— откровенно ответил Петья.— Не хотелось по литературе и сочинениям двойки хватать. Только и слышны: родители вызовем. Попробуй вытерпи! А по школе иногда скучаю.

— Ты и на следующий год не пойдешь? — полуподпоставал Сергей.

— Опять двойки хватать и записи таскать родителям? Нет уж! — раздражаясь, ответил Петья.— Пусть другие мозги себе засоряют. Надо главным предметам обучаться, к примеру, чтобы в день по пять уроков физики. А та-ак! — И Петья презрительно махнул рукой.— Пойми, голова, дело-то к чему прет. Ученых больше становятся, а неученных скоро по пальцы будешь считать. Газеты читаю! А кто, извини за выражение, доски из вагонов выгребать будет, дома строить, дороги? Ученый! Дерки руки шире! Он на такую должность ни в жизнь не согласится! Поэтому, чуюсь, как у простого работяги зарплатарастет? Мой папан оценивается рублями в полтора раза больше, чем твой Спиридон Иванович, и на мозги жалуется только с похмелья! То-то, старики! — И Петья, победно выплевив подбородок, ускорил шаг.

Сергей хотел ответить ему, но не знал, что, да и боялся, как бы Петья не назвал его снова ребенком с паспортом.

Под сильными, уверенными шагами Петьки лохала и проваливалась выкатый морозом снежный наст. За спиной остались краинки дома поселка, высокая водонапорная башня из красного кирпича и постройки недавно укрупненного автомобильного гаража.

— Красиво здесь летом! — остановившись на берегу пруда, мечтательно произнес Сергей.— Я летом почти никогда не простужаюсь, потому что каждый день загораю здесь. Хороший у нас пруд, большой, озеро настоящее.

— Дед Авдей говорит, в войну он раза в два больше был и все берега в деревьях.

— Они и сейчас в деревьях. Видишь на том берегу самый высокий осокорь? В прошлом году я на верхушку залез!

— А чего тут страшного? Я прыгал с него. Как грожнулся спиной об воду, еж три лягушки животом вверх всплыли.

— А ты как?

— И я тоже. Выудили. Еле отышался! Я слышал, — восхищенно глядя на Петью, произнес с тихой завистью Сергей.— С верхушки никто не прыгал — убиться можно.

— Можно, — подтвердил Петья.— Как залез на него, прыгать расхотелось, в коленках заломило. А спазматично спрыгнул — вниз хихикают.

— А я думал, ты ничего не боишься. Все так думают.

— Так и есть, — хвастливо ответил Петья.— И ты так думай...

— А ты говорил...

Сергей как-то странно посмотрел на Петью, даже очки снял и вздохнул.

— Мне почему-то с тобой хорошо, — сказал и засомлевался.

— Это ты Любите говори, — резко ответил Петья и, оглядывая пруд, добавил задумчиво: — Широкий. И глубина в некоторых местах метра четыре...

— Пойдем в залывчике лягушек смотреть! Разгребем снег, лед ладонями отшлифуем — все на дне видно будет.

— Ну их к пешему, — отмахнулся Петья. — Чего на них глазят. В школе насмотрелись. Режут их

там ученички и радуются, как сердце живое бьется. Нет бы пристукнуть, а потом уж распирывать.

— Так надо, — пожал плечами Сергей. — Зря ты ушел из нашего девятого.

— Возможно, — неопределенно ответил Петья.

— Не веришься?

— Не вернусь.

— Плохо. Сейчас всем нужно учиться, — неторопливо говорил Сергей, добивая для большей убедительности: — Век такой.

— А ты знаешь генератор инфракрасного излучения?

— В институте узнаю.

— А я уже знаю...

— Странно. А не хочешь учиться.

— Я хочу знать то, что меня интересует, и давай не будем больше о школе.

— Хорошо, не будем, — согласился Сергей. — Пошли.

— Пошли.

В поселке, недалеко от своего дома, Сергей, загоревшись какой-то идеей, сказал:

— Ты приходи ко мне!

Петья весь подобрался, нахохлился и с некоторой обидой проговорил:

— Как же! Так и разрешил твой отец в гости меня звать!

— А ты приходи! Не бойся! Папа ничего не скажет. Он такой. Хоть сейчас пойдем! — торопливо стал уговаривать Сергей, беспокоясь, как бы Петья не отказался.

— Нет, сегодня не пойду.

— Ну, тогда всего тебе доброго, — прощаясь, протянул руку Сергей.

— Ступай. Свидимся еще, — буркнул Петья и зашагал в сторону своего дома.

На домой Петью зайти не решился, отец мог не пойти на работу, у него хватало отгулов, и он по необходимости оформлял их «задним числом». Посчитав оставшихся мелочь, Петья поднял повыше воротник и, ссутулившись, направился к магазину. Что-то жалкое и печальное было в его сгорблленной фигуре. За день ботинки промокли, и по Петкиному тулу все чаще пробегал озяб. Петья купил две зачехлевшие булочки и бутылку молока. Все это он рассовал по карманам и пошел за магазин, где стояло много пустых ящиков и где можно было хоть немножко спрятаться от ветра. Еле он неторопливо, равнодушно оглядывая прохожих. Многие показывали на него пальцем и что-то говорили. Петья не хотел да и не старался узнавать их.

Маленькая бродячая собачонка с обвисшими скользкими шерстями, пробегая мимо, остановилась, затем, беспокойно перебирая передними лапами от голодного нетерпения, поползла к Петье. Загнанные плаクисавшие глаза собачонки виновато смотрели на него. Ну, чем она проникнула перед ним? Слабая, брошенная, забытая. Она даже болтась случайно тявкнуть и разозлить человека. Петья осторожно протянул руку и погладил вздрогнувшую собачью морду.

— Иди ко мне, иди, цуцик. Жрать хочешь? Это мы мигом.

Петью отломили полбулочки, смочил молоком и сунул под нос собаке. Та напряженно вытянула шею, трусливо взяла хлеб и жадно набросилась на него, терзая немощными челюстями. Петья поднялся с ящика на прозшибные ноги и пошел прочь, не замечая луж. Заnim, не отставая, семенила короткими кривыми ногами облезлая промерзшая собачонка.

Из города, визжа баксующими колесами и громыхая расшатанными бортами, катил старенький грузовик с одноким пассажиром в кузове. Пассажир сидел на жиidenском слое соломы спиной к кабине, поджав к груди длинные, с острыми коленками ноги. Сбоку от него, ближе к левому борту, сиротливо валился тяго набитый школьный портфель с крапинками ржавчины на хромированном замке. На замке можно было различить нацарапанное гвоздем или еще чем-то острым: «Андрей Самарин».

— Андриоха, — высунулся из кабины молодой парнишка-шофер. — Тебя к дому подвезти или на станцию, к матерям? Я в ту сторону еду.

— Лучше к дому, — глухо ответил Андрей и пододвинул портфель поближе к ногам, уставившись на него грустными, невидящими глазами. Потом его взгляд, растерянный и обреченный, приподнялся над бортом машины и упал куда-то на окраину города, где заметно отсвечивала Близнейший плятажная средняя школа.

«Х, папка, папка! Что же теперь будет?» — подумал Андрей и вздохнул со стороны, как только может вздохнуть человек, сдеваемый внутренней физической болью, особенно если его никто не видит и не слышит и когда нет надобности скрывать ее. Кажется, впервые Андрей почувствовал себя не только одноким, но и маленьким, беззащитным существом, которое всякий покоход может обидеть или неосмотрительно раздвинуть. Нет, впервые он так подумал о себе после того, как в прошлом году в феврале похоронили отца и в доме без него стало пусто и страшно — вероятно, от мысли, что он должен представить себя взрослым, и не только представить, но и стать им раньше, чем предполагалось в мечтах. Теперь он и на забор, и на сараи, и на весь дом по-иному смотрит: не заменят ли прогнившую доску, не торчат ли на крыше ржавыми шляпками повалевшие гвозди. И все это было так трудно, что приходилось удивляться, когда он успевал и с рабочим по дому и с учебой в школе...

Память снова вернула Андрея в февральскую зиму прошлого года. Вспомнился ему сорвавшийся с высокой дорожной насыпи тяжелый отцовский грузовик и отец, выброшенный из кабины на острые камни, с неестественно вывернутыми руками и окровавленной головой. Его широко раскрытыми остеокленевые глаза вопрошавюще уставились в небо. А жесткий морозный ветер с веем закручивал снег и кутал в поземку его тронутые сединой волосы. В углах глаз, возле переносицы, уже не таявшие, росли белые комочки...

Андрей глубже натянул сильно потертую крольчью шапку, шмыгнув носом и глянул через плечо на приближающийся рабочий поселок на железодорожной станции. Мать теперь очищает стрелки на железнодорожных путях ото льда и грязи и, уступая дорогу, провожает с метелкой и ломиком в руках суетный маневровый тепловоз. Вечером прибывает домой усталая, холодная, расстегает видающую виды телогрейку: «Тепло-то как у нас!» — и улыбается, благодарно глядя на сына на затопленную пень. Потом про школьные дела его спросят, не опоздал ли утром на уроки, и останется довольною, если он ответит, как обычно: «Ну что ты, ма!» Затем подойдет к нему с доверчивой улыбкой и робко так скажет: «Мне бы, сынок, в дневнике расписаться...» «Среда же, ма!». «Ничего, сынок... Я там, где суб-

бота», — и медленно начнет листать еще не обогревшимися пальцами дневник, подолгу рассматривая не такие уж и редкие пятерки на его страницах.

Машинка зарылась в туман, проковыляла по узкой дороге на плотине пруда и выехала поселок Андрей, не дожидаясь, пока щошка притормозит машину, на ходу, один махом соскочил с левого борта возле небольшого с зелеными ставнями дома со скворечником под коньком и выше колен утонул в наметенном у изгороди сугробе. Шестилетняя сестренка Светка припнула к синеватому стеклу и увлеченно глядела, как известный всем ее подругам Шерник дрался со своими бородичами.

— Светка! — пригрозил пальцем Андрей. — Слезай с подоконника! Кому говорят!

Улыщав голос брата, Светка радостно тряхнула белесыми кудряшками и вдруг приплюснула розовый язычок к влажному стеклу. Андрей снова с напускной строгостью погрозил пальцем и только после этого вошел через покосившуюся за зиму капилку во двор. Взгляд его скользнул по лыдистой дорожке и остановился на понижающей копне сена. Последнее доедала корова. Дверь сарая пристянута, низом вмерзла в лед, верхняя петля едва держалась на двух гвоздях. Андрей с трудом протиснулся через проем внутрь сарая, долго искал среди железного хлама молоток и клеми, но так и не нашел и даже не мог вспомнить, куда он положил их на прошлой неделе, когда ремонтировал ступени крыльца.

В дальнем углу сарая сиротливо стояла автомобильная покрышка с борванным наискось протектором.

«Это когда мы с папкой дизельные моторы в совхоз возили...» «Учись, — говорит, — сынок, управлять машиной», — и уступила место за баранкой на стальной дороге. И Андрей, как первоклассник карандашом на бумаге, виял на грузовике до тех пор, пока не напоролся на забытую кем-то на дороги и пересевернутую вверх зубьями борону. Гулко взорвалась передняя покрышка. Андрей от неожиданности бросил баранку и с испугом посмотрел на отца. Тот покровительственно усмехнулся, успев перехватить баранку, и крикнул почти в самое ухо Андрея: «Слезай, мужик! Покрышку менять будем!»

Отец вложил в его руки большой ключ и длинную трубу, которую использовал как рычаг для отворачивания и заворачивания прикипевших резьбой гаек, а сам закурил.

«Открести пока гайки».

И Андрей откручивал, до седьмого пота, с писком скрежетом. Измазался и устал, но был откровенно счастлив, когда последнюю из гаек положил на землю. Отец же, худой высокий, с приспущенными от долгой шофёрской работы плечами, покуривал в стороне и, довольный, смотрел на сына.

«Ну, как твой шоферский?» — пододел к Андрею, вытер его потное лицо и ласково потрепал по юной голове. «Ничего, папа. «Что-то — ничего. Но баранку, брат, крепче держать надо. Она, как жизнь, промахов не прощает. Где матому или по большому счету, но ответ придется за все держать...»

...Не успел Андрей прикрыть за собой дверь, как Светка прямо от окна розовым колобком бросилась к нему, и он легко подхватил ее на руки, отметив про себя, что Светкино платье в белых обзорках было когда-то ярко-красным, а теперь от многочисленных стирок потеряло цвет, на локтях и груди серыми островками показались изреженные нитки. И в этот момент он снова почувствовал себя правым в своем решении, о котором еще придется рассказать матери.

— А почему ты так рано пришел из школы? Ты дневник забыл, да? — затараторила Светка. — Я так и знала — ты вернешься за ним. Я тебе пятерку в дневнике поставила. А потом себе и маме...

— Я вот тебе поставил! — незлобиво пригрозил Андрей, обрубая голос до отцовского, и опустив Светку на чистый, с разбросанными игрушками пол. — Есть хочешь? — спросил, вешая короткое пальто и шапку на вешалку возле двери и поправляя на крайнем крючке отцовский плащ-дождевик. Андрей у порога снял полуботинки и прошел по большой, недавно выпеленной русской печке, отодвинул занавеску и ловко подцепил ухватом чугунок со щами. — Садись, Горячие!

— Не хочу, — надулась Светка, представив, как ей придется вылизывать горький поджаренный лук и укладывать на край тарелки. — Я молоко с плюшкой ела.

— Садись и еши! — строго, как, бывало, отец, приказал Андрей и смешно выпятил губы.

Светка заметила у брата белый клинышок зуба, похожий на мышний, как на картинках, не выдержал и приснула в кулак, затем исподлобья, с опаской посмотрела на Андрея, на его вздрагивающие при еде брови. Ей иногда нравилось тянуться к нему ложкой, потому что они шевелились, как похмельные гусеницы. Но наедине с Андреем, без матери, она побоялась это сделать: а вдруг он, как папка, поставит ее в угол, заведет будильник и скажет: «Как зазвенит — выйди». Проценты не проси — ты уже несколько раз просила, и я тебе не верю». А когда в углу стояла, часики так медленно-медленно тикают и совсем не хотят звенеть,

— Тарелку после себя помой, — попросил Андрей Светку, — а я подремлю немножко, — и направился было в переднюю комнату, но в это время хлопнула входная дверь, и на кухню ввалился Петъя Вьюн. Он был в заплатной телогрейке, в серой фуражке с нелепо длинными козырьком и огромными, наверное, отцовских сапогах с голенищами выше колен. С круглого затылка Петъя в кущий воротник телогрейки рыжей лопаткой уперлись густые волосы. Бегая по сторонам хитрыми насыщенным глазами — нет ли дома матери Андрея? — он наконец протянул Андрею небольшую толстопальную руку.

— Я видел, как ты с машины вынунал! Здорово, професор! — и улыбнулся во весь свой большой рот, будто не видел Андрея по крайней мере с месяцем. — А я вижу — приехал. Ты мне вот так нужен! — И Петъя, закрыв на секунду глаза, перехватил пальцами горло. — Все магазины облазил! Одно телоэнт: нет и не будет в ближайшее время. Индюки! — выругалась Петъя. — Проволочное сопротивление на сто восемьдесят сантиметров от самого разреза в «Эфире» зашивали! Забывают! У тебя есть?

— Пороюсь. Зайдешь попозже.

— Ты на продаца «Эфира» смахиваешь. Зайди попозже! — передразнил Петъя и с обиженным видом засунул руки в карманы.

— Ладно, — нехотя согласился Андрей, — посиدي, я сейчас. — Он вышел в коридор и вскоре вернулся с маленьким ящищком. — Смотри сам. Может, подберешь что, — равнодушно бросил Андрей, прошел к столу и насухо стал протирать его тряпкой. Петъя по-хозяйски расположился у порога: снял телогрейку, расстелил ее на полу и, приговаривая: «Это мы сейчас! Это мы мигом!» — высипал содержимое ящишка на телогрейку. Некоторое время Петъя с полуоткрытым ртом разглядывал зеленых, синих разных деталек, потом начал осторожно раскладывать их тонким слоем, чтобы можно было рассмотреть каждую в отдельности и отобрать нужную.

Но как ни копался, подходящего сопротивления он не нашел, лишь отложил в сторону несколько подстречечных конденсаторов и два триода, что по сравнению с остальными содерхимись ящики выглядели чуть ли не верхом скромности.

Когда Петьяк приподнял голову, от почувствовавшего, как непринужденно смотрят на него Андрей.

— Ты же просил проволовочное сопротивление?

— Ну! — уловив недобродушие в голосе Андрея, нахоллился Петьяк и выжидательно прищурил глаза.

— Насколько я понял, ты не нашел его. Положи все на место, — холодно сказал Андрей.

— Жмешься! — медленно вставая, проговорил Петьяк и с видимым усилием просительно добавил: — Ну, хотя бы один триодик... Вот этот... — И он покрутил между пальцев черную детальку с тремя проволовочными усиками, напоминающую внешне первый спутник Земли.

— Так и быть — бери. Все бери! И ящик и все, что в нем, — раздраженно выпалил Андрей и повернулся, чтобы скрыться в другой комнате.

— Ты не психуй, ты обожди, — неуверенно начал Петьяк, не зная еще, радоваться или нет такому неожиданному подарку. — Я ведь не принуждаю тебя, я прошу...

— Бери, чего уж... — более спокойно сказал Андрей и снова подошел к Петьюке. — Какой из меня теперь радиолюбитель. Я, Петьяк, из школы ушел...

— Ты что?.. Как ушел?..

— Так вот... Совсем ушел, — неожиданно раз开阔门nничеся Андрей, хотя они никогда не были друзьями.

— Как же? Выгнали? — недоверчиво спросил Петьяк.

— С чего это — выгнали? Сам ушел.

— Ну, ты даешь! — И Петьяк перестал улыбаться. — А в общем, молоток, — подумав, добродушно поклонился он и прислушалась: не шумнуло ли где в коридоре, не прибежала ли, случаем, с работы мать Андрея проводить Светку. После того, как Петьяк бросил школу, она запретила ему приходить сюда. — Что толку учиться? Вон мой папан... Атестат зрелости отхватил, два года в институте проучился, а все равно грузчиком вкалывать пошел. И ничего! Двести рублей заколачивает... — Петьяк на некоторое время замолк, вспомнив что-то, потом добавил: — А я вот, как школу бросил, так он меня ремнем пугнулся по соответствующему месту. Однажды пришлась из дома убежать, в стругу соломы ночевал...

— Помню, — улыбнулся Андрей. — Тебя тогда наш участковый милиционер из омета за штаны вытащил. Ну, и орал же ты!

— Поорешь... — несколько смущаясь, ответил Петьяк. — Отец разок саданет по затылку — и звезды в глазах. Теперь почти не трогает, ждет, когда подрасту, чтобы деньги шел зарабатывать. А я не тороплюсь, вкалывать всегда успею.

— Балабон же ты, Петьяк! Деньги... Конечно, без них нельзя. Но неужели вся жизнь в деньгах?

— Ты мне про жизнь не толкай, ты про нее ничего не знаешь. И я не знаю. Папан говорит, жизнь — сложная штука, ее раскусить надо. Папан не раскусили, а мы с тобой и подавно. Закурить можно? — И Петьяк, не дожидаясь разрешения, достал пачку папирос. — Держи! Настоящий мужчина должен курить. Я вот уже без курева не могу — слониной искужу, — приврал он.

— Давай попробую, — не отказался Андрей и засунул, сделал, как Петьяк, глубокую затяжку. Голова закружилась, на глаза накатились слезы. — Эх и дерет...

— А ты покороче, покороче, — стал объяснять Петьяк. — Разве так можно по первой? Поначалу надо чуть-чуть вдыхать, а потом все как по маслу пойдет. Смотри! — И он показал настоящую мужскую затяжку, выпустив под конец к потолку пляшущие крендели дыма. — Ну как? Коронный номер!

— Здорово, Петьяк! Кто тебя научил?

— Дядя Федя! — самодовольно улыбнулся тот, бросив окурок к печке и полушепотом добавил: — Дело есть!

— Какое?..

— Деньги нужны? Нужны. Мой папан говорит, что твоя мать без мужика-то совсем замоталась. Сообщай же?

— Не очень...

— Эх, ты, профессор! — снисходительно усмехнулся Петьяк. — У меня троек есть. Понял? Бутылки с водкой. У тебя во дворе тонкая труба метров десять длины. Я тебе деньги — ты мне трубу. Гохо?

К Петьюким делам Андрей не испытывал никакого любопытства, и даже таинственный шепот Петьюки не заинтересовал его. Андрей решал: продать или не продать трубу и пригодится ли она в скором времени по хозяйству. И еще он думал, что три рубли — деньги небольшие, но за них можно купить Светке новое платье. Это было бы как раз в пору, весна наступила. А Петьюк уже держал деньги наготове и нетерпеливо перенимался у порога, готовый в любую секунду сорваться с места и склонять: приближалось время обеда и могла прийти мать Андрея, да и не терпелось получше рассмотреть содержимое ящичка.

— Забирай трубу.

— Гохо. Ну, бывай! — Петьюк удовлетворенно бросил Андрею растопыренную пятерню и толкнул дверь в коридор, откуда пахнуло весенней сыростью и терпким запахом веников.

Андрей облегченно подумал, что наконец остался один. Сейчас ему никого не хотелось видеть. Особенно большое беспокойство он испытывал от предстоящей встречи с матерью. Ведь она еще ничего не знает. Не знает, как в канун Нового года он, почему-то ребята, подошел в конце уроков к преподавателю физики Спиридону Ивановичу и сообщил о своем намерении бросить школу. Страшно рассстроившись, Спиридон Иванович накричал тогда на него и, не желая выслушивать объяснения, послал к директору школы. А на другой день Андрей уже сидел в кабинете директора и, запинаясь, доказывая, как необходима его помощь матери, стыдливо сплевывая слова о постоянной нехватке денег в семье. А когда кончил, уперся глазами в стол, чтобы ничего не видеть, и ждал, что скажет директор, в душе надеясь: может, он разубедит его. Но директор, поднявшись из-за стола, отошел к окну и долго смотрел на улицу, будто совсем позабыл про Андрея. И когда он вдруг заговорил, директорский кабинет, и шумная школа с длинными коридорами, и школьные друзья будто отодвинулись от Андрея и стали по другую сторону какой-то невидимой, но непреодолимой линии.

— Мне нечего тебе возразить, Андрей, как ни жаль терять хорошего ученика. Но не откладывай, раз решил, сразу же иди в вечернюю школу...

Каким же чужим показался себе Андрей, закрыв дверь директорского кабинета. Вроде те же знакомые девчонки и мальчишки, подпирая спинами стены школьного коридора, панически збурят в перемену недоучченные уроки, проходят усталые преподаватели с журналами и учебниками под мышкой. Все они останутся здесь, а он уйдет. И от этого становилось тоскливо и одиноко.

После разговора с директором прошло довольно много времени, но ни Спиридон Иванович, ни директор не напоминали о нем, хотя Андрей по-прежнему продолжал учиться в школе. Его не страшила работа, но лишь та, которую он знал или наблюдал со стороны. А походя только и увидишь, как вагонные слесари не спеша идут вдоль длинного железнодорожного состава и постукивают молотком по чугунным колесам, чтобы не пропустить трещины в них; или наблюдаешь работу грузчиков на складах да еще стрелочников. Как же все это скучно и неинтересно. Другое дело — завод. В последнее время Андрей замечал, как все чаще и чаще какая-то таинственная, еще не осознанная сила тянула нему, и все не решался признаться себе в этом. Возможно, боялся. Проходя городскими улицами, иногда он будто случайно сворачивал к заводу и шел вдоль его нескончаемого каменного зaborа, словно стараясь привыкнуть к этой громадине из корпусов с арочными крышами и высокими трубами, уходящими в небо. А на следующий день, утром, едва проторев глаза после сна, он отыскивал глазами портфель возле стола и думал, что вот снова возьмет его и отправится в школу. А математик тем временем не знает, как расстаться с месяцем своей зарплаты. Андрей не раз замечал, что чай в ее стакане не всегда был достаточно сладким. Мать сваливала на зубы, болеть, мол, стали, но Андрей-то знал, как они у нее болят...

Андрей взял книгу и лег на диван. Взгляд его скользнул по стекле, оклеенной светлыми обоями, и остановился на фотографии отца. В черном костюме, с галстуком, скучающей, он выглядел несколько неестественно. Андрей помнил его в жизни не очень строгим. Только глаза, глубокие и серебряные, остались теми же. Андрей любил их и боялся. Вот и теперь они смотрели на него открыто и упрямо, будто спрашивали: «Бросил, значит, учиться? Думашь неучем, за станок встать или за бараку сесть? Шалишь, брат! Скоро и шоферам высшая наука потребуется!»

Андрей отвернулся.

Скрипнула дверь, в комнату кто-то вошел. По различному Светлану во взгляду Андрей понял — мать. Вот сейчас она войдет, добрая и тихая, станет сразу теплее и легче. Нет, нет! Тяжелей! Ведь ей нужно рассказать обо всем! Вот сейчас пронесется она в шифоньер толстый пуховый платок — подарок отца к Октябрьскому празднику — и, как всегда, скажет сину, утюпив прохладные огрубевшие пальцы в его спутанных волосах: «Ты бы причесался, сынок. В школе не ругнешь!» Она почему-то всегда думала, что его ругают преподаватели, хотя он уже и не помнит, когда в последний раз получал двойку.

— Ты почему не в школе? — совсем рядом раздался негромкий удивленный голос матери.

Андрей встал, высокий, поникший, и, не глядя на мать, пробормотал:

— Ушел я... Работать пойду... — сдвинул брови у переносицы и отвернулся.

Мать встрепенулась, руки ее, словно корона что-то дорогое от надвигающейся беды, взлетели к груди.

— Тебя исключили? — спросила она, все еще с надеждой глядя в затылок сына: а вдруг ослышалась, вдруг сын просто шутит с ней.

— Скажешь тоже... с обидой, не поворачиваясь лицом к матери, ответил Андрей и торопливо, спасаясь, как бы не перебили, застammerил: — Понимаешь, мама, я уже взрослый, помогать буду. Тебе трудно одной без папы...

— Что ты, сынок! — испуганно запротестовала мать, и на глазах ее показались слезы. — Ты должен вернуться в школу! Отец не простил бы нас...

— Работать пойду, — тихо, но упрямо сказал Андрей и осторожно высыпал руки.

Наверно, впервые мать услышала в его голосе жесткие нотки. Сын стоял наступленный, раскрасневшийся от волнения и с жалостью глядел на мать, на ее шершавые, в ссадинах руки, на землистые морщины возле глаз. А какой она казалась красивой и молодой, когда был жив отец!

— Не плак, мам... Я буду учиться. В вечерней...

Около дивана, присевшись спиной к стене, стояла Светлана и молчаливо прислушивалась к разговору. Мать попросила ее пойти погулять на улицу и все ждала, пока она оденется и выйдет. Увидев doch через окно, мать снова вскинула глаза на сына, но в этот момент кто-то громкий и тяжелый, громыхнув дубовой дверью и поскрипывая половицами, затоптались возле вешалки.

— Эх, хохляйка! Дома, что ль?

— Дома, — насильно вытирая слезы ладонью, ответила мать и пошла на кухню. — Проходи, Федор.

— Эх, Викторовна! Опять я к тебе пришел! — пробасил Федор, идя за ней в кухню, и со стуком опустился на стул полиптикову «Экстрас». — Больше гоуда уж хоку. Плачь не плачь — не вернешься... — Погорелов слготнул слюну и продолжал: — А я вижу — идеши. Ну как не заглянуть? Скучуя я по тебе. Ты, Нинка, баба что надо. Без мужика тебе никак нельзя... Выпьем, што ль, по махонькой. Я седни себе выходной прописал, — и хохотнул, радуясь, что смог обойти кого-то и увиливнуть от работы. — Сообрази-станак и луковки.

Нина Викторовна со скрытой досадой достала стакан и луковицу и села в стороне на край стула. Скрытая, немногомолвая, она еще при жизни мужа незвяльбила Федора, но встречала каждый его приход с бутылкой молчаливо и почти безропотно. Погорелов с присказкой «Ну, будем» в два глотка опорожнил стакан, крякнул и шумно потянулся носом. Крупная луковица захрустела у него на зубах.

— А что, Нинка, — пьянея, смелей заговорил Федор — твое дело дводье, не пригласишь ли меня по-позже ночью двумя-тремя словами переброситься? Оно ночью-то сподручней для разговоров разных.

— Отчего попоже? Можно и сейчас. — Нина Викторовна оглынулась, закрыла ли дверь в переднюю, и пододвинулась к столу. — Чего откладывать, — уставо по-проговорила она, уже не в силах скрывать неприязнь, тем более, что все мысли сейчас были о сыне.

Почти со дня смерти мужа Федор Погорелов не давал ей покоя. Часто в ночную смену видела она его одинокую, горой надвигающуюся из темноты, сутулеватую фигуру. Обычно хмельной, подойдет, усядется на рельс и курит, курит. Тоже ведь не сладко бобылье жить. Как умерла жена, уж без малого три года прошло, опустился Федор, разложил, на подолы бабы стал поглядывать, шалят от хмельной одури. К Нине Викторовне он относился особенно, суважением и даже с некоторой рабостью. При встрече с ней, пытаясь заговорить, но чувствуя с ее стороны холодок, безропотно уходил восвояси, если, конечно, не был пьян. Видно, чем-то запала она в его заскорузлую душу, поставила перед ним невидимый барьер, который он не решался переступить. Нередко заглядывал Погорелов и в дом Самариних, но из-за настороженного отношения к нему Андрея обычно долго не задерживался, боялся, как бы Нина Викторовна не запретила ему приходить.

— Ну, что ты злишься на меня, — продолжал Погорелов. — Что Пашка погиб, а я живой? Может, и меня завтра вагономшибнет, колесом хребет переедет. Так что ж теперь?

— И шибанет, Федор. Слабый ты. Водкой горя не зальешь, а новое кажется легче.

— Зальешь — не зальешь, а оно как-то на время спокойней на душе. Одничноество, холод домашний забываются. По неделям ведь не топлю.

— Какого еще тебе спокойствия надо? Или у тебя северо по лавкам за полу тянут, или угла свое-го нет? И при зароботке.

— А что угол без хозяинки? Отсырея уголок! — Погорелов налил второй стакан, выпил заплом, и тяжелая голова закачалась на шее. К закуске он не притронулся.

Отходчиво бабье сердце, и Нина Викторовна с острой желостью почувствовала что-то общее между собой и Погореловым.

— Эх, Нинка! — И жесткая ладонь Погорелова как бы невзначай легла на колено Нины Викторовны. С такой бабой, как ты, всю жизнь бы свою препроприянил! А одному-то как оно! — Погорелов неуверенно встал за спиной Нины Викторовны и неловко обнял ее за плечи. — Дом продам, хозяйством одним заживем. Хочь — ко мне переберемся...

Нина Викторовна встала и вяло отстрипла Погорелова.

— Андрей школу бросил...

— Не пропадет. Не всем институты кончатся. Ты о себе подумай. Года, как ветер... Бабий век короток. Не успеешь оглянуться, а он и кончился. Кому нужна-то будешь! — и так крепко скжал руку Нины Викторовны, что та невольно охнула.

— Пусты, Федор! Пусты!

Но Погорелов лишил на секунду разжал пальцы, пытаясь левой рукой обнять Нину Викторовну.

— Уходи, Федор! — выкрикнула Нина Викторовна, безуспешно стараясь вырваться из грубого объятия Погорелова. — Уходи!

— А ну, отваливай отсюда! — пригрозил вбежавший в кухню Андрей. В его руках горячился ухват.

— Но-но! — отступая боком к двери и нащупывая правой рукой шапку на вешалке, будто предупреждая, проговорил Федор. — Не испугаешь! А у матери тоже одна жизнь! — И Погорелов вышел, на прощание презрительно глянув на Андрея.

Через несколько минут Нина Викторовна, сказав сыну, что она сегодня на четыре часа задержится на дежурстве, тоже ушла. Андрей бросился на диван и закрыл лицо руками, а в ушах все продолжал рокотать голос Погорелова: «А у матери тоже одна жизнь».

Уже поздно вечером, уложив Светку спать и оставив на кухне непогашенным свет, чтобы, если проснется, не испугалась в темноте, Андрей оделся, как обычно одевался в школу, и вышел на улицу, закрыв дверь на замок. Он еще не знал, куда пойдет, но одному оставаться в доме не хотелось, погрузившись смутное желание с кем-то поговорить, посоветоваться, хотя и зл — такого человека послы отца не существует. К тому же до сих пор не решил, куда пойти на работу. Попробовать на завод?

Споткнувшись об опледенелую кочку, Андрей остановился и осмотрелся. Темная улица обезлюдена, за всю дорогу ему, кажется, не встретился ни один прохожий. Почти в каждом доме желтели подсвеченные электрическим светом окна, но свет от них не доставал до дороги, рассеивался в палисадниках или вязну в густых зарослях сирени.

Заглянуть к Сергею Можарку? Рядом как раз его дом. Им часто приходилось решать вместе школьные задачи. Сергей решал их с завидной легкостью, и, наверно, потому одноклассники, жившие в поселке, часто забегали к нему за помощью, а то и просто так, поболтать о пустяках, послушать новые музыкальные записи на магнитофоне.

Андрей уже повернул к дому Можарку, с крыльцом и четырьмя окнами на улицу, но около калитки остановился, почувствовав вдруг себя чужим там, среди своих одноклассников. Он завтра не будет сидеть с ними в классе, а после уроков не покатится наперегонки со школьной горки на собственном портфеле... Нет! Лучше в клуб! Где музыка и танцы, где много взрослых.

У входа в клуб Андрей снова встретился с Петькой. Тот стоял, опершись плечом о столб. Из длинной черной трубки, стиснутой зубами, перед Петькиным носом вытащивал грязно-серый дым.

— Эх и кадило! — удивился Андрей. — Прямо тру-ба паровозная!

— Я ее, понимаешь, — ткнул Петька в жерло «паровозной трубы», — у цыганки одного вымыслил и специальной смесью начинил, чтобы курилась по-настоящему. А папиросы что? Никакой видимости.

Как ни старался Петька свободно держать трубку во рту, она у него прыгала и моталась, изрыгая дым и пепел. Он поправил зеленую кепку, подкрутил и без того лухой рыжий чуб и с неодобрением посмотрел на Андрея.

— Ну, и шмотье на тебе — уголовек разгружать!

— А ты что, на свиданье собрался?

— Угадал, — усмехнулся Петька. — Ждал тут одну.

— Ну и как?

— Как видишь... А в клуб не хохота — не люблю эти танцы.

— Гнал бы домой. От скучи.

— Думаю...

— Я бы на твоем месте не думал — развернулся и пошел.

— Думаю, как бы триста рублей сотворить. Ты не зайдешь?

— Смеешься.

— И никто не зайдет, — обреченно проговорил Петька. — А жаль. Лет через пять, честное слово, отдал бы... Он со злостью влепил в стенку клуба пле-вок и зашагал в темноту, а Андрей пошел в клуб.

Он пробрался в дальний угол зала, сел на свободный стул и без всякого интереса стал наблюдать за танцующими.

Некоторые кивали ему головой, приветствовали улыбкой. В клубе действительно было много его знакомых. Среди танцующих он увидел и одноклассницу Любку Новосокольцеву, самую красивую среди девчонок класса. В ее были влюблены все без исключения и, может быть, чуть больше остальных Андрей Самарин. Ему нравились ее синие зориные глаза и тонкие каштановые волосы. Когда она украдкой брала на него взгляд на уроке, он краснел и отворачивался, не замечая, как ее губы вздрагивали от счастливого беззвучного смеха, который она торопливо прятала в кулах. Андрей сидел на первой парте и, чтобы не оглядываться, открывал створку окна так, что Любка хорошо была видна в оконном стекле.

После этого Любка уже не замечала робких взглядов на уроках и очень злилась. О своей тайне Андрей не говорил никому, а Любка стала посыпать ему короткие зловещие записки...

Любка вынырнула из-за спины долговязого парня и едва не столкнулась с Андреем.

— Вот уж не думала, что ты придешь на танцы!

— А я случайно зашел, — ответил Андрей.

— Как же, — перестав улыбаться, с некоторой ironией сказала Любка. — Ты теперь человек занятой, в рабочий класс подаешься. И никому ничего — тай-но!

В голосе Любки прорывалась обида. Что мог отве-тить ей Андрей? Рассказать, как стало трудно в семье без отца, и вызвать сочувственную улыбку? Да и вообще не так уж и плохо у них.

— Это никому не интересно.

— И мне?

— И тебе.

— Ты стал удивительно легкомысленным человеком, а мы в классе все тебя считали серьезным.

— Считали, значит...

— А как же ты думал? Велика ли мудрость — бросить школу. Мне тоже ужасно надоело учиться, но, увы, без среднего образования высшего не получиши.

— Дважды два — четыре. А какое ты хочешь высшее? — но без умысла спросил Андрей.

Люба опустила ресницы, чтобы скрыть минутную растерянность.

— Не важно, какое. Высшее — и все.

Андрей взял Любю за руку и, выбрав момент, вошел в толпу танцующих.

Люба вскинула глаза на Андрея и долго молча рассматривала его, отметив про себя, что он похудел, дергается независимо и делает вид, что она ему безразлична. Это разозлило ее, и она поняла, что не успокоятся пока не проверят.

Люба скосила глаза в сторону, заколебалась на секунду и затем ловко подставила голову под рабочающий, как поршень, колоть долговязого парня. Удар пришелся в затылок. Люба тотчас остановилась и закрыла лицо руками, украдкой наблюдая за Андреем. Андрей молча смотрел на Любю. Смотрел на нее и долговязый, часто моргая подслеповатыми, близорукими глазами, и виновато вторял:

— Извините, пожалуйста! Так много народа... Извините...

А Андрей все молчал и растерянно смотрел то на Любю, то на парня. Наконец Люба медленно отняла руки от лица, вспыхнула негодующе и выкрикнула Андрею:

— Трусы! Жалкий трусишка! — Круто повернулась, гордо тряхнула длинными, до плеч, волосами и направилась к выходу.

Андрей ничего не ответил и отошел к окну, чтобы посмотреть, куда и с кем пойдет Любя. Он так и не увидел ее; вероятно, она прошла в другую сторону.

Домой он возвращался один. И надо же сказать такое: «Трусы!» А если бы он ударил того парня, ушla бы Любя? Возможно, и не ушла бы. Но за что быть парой?

Андрей уже почти дошел до дома, когда решил вдруг проводить мать, зайти к ней на работу. Он представил ее с метелкой на тускло освещенных железнодорожных стрелках, одинокую и маленьющую, и конечно, с мыслями о нем, и ему стало страшно, когда представил, как мимо нее на зеленый огонек светофора, не сбавляя скорости, прогрохочет, рожкая ветер, тяжелый товарняк, и ей не устоять рядом: захлестнет туюго струей, как веревкой, и швырнет под колеса. Андрей невольно ускорил шаг, затем побежал, часто спотыкаясь в темноте о затвердевшие гребни снега.

Он знал все закоулки на окраине рабочего поселка и не сомневался, что безошибочно выйдет на выходные стрелки или на будку. Скоро уже должны прорезаться в темноте зеленые или красные огни светофоров. Он только успел подумать об этом, как увидел их: сначала один красный, потом еще и еще — значит, станция забита товарняками. Андрей перепрыгнул через спливной рог, нога скользнула по шпале, и он неожиданно для себя упал на щебень, усыпанный откуда-то ближе к красному светофору:

— Кто тут? По путям ходить нельзя!

— Это я, мам, — смущенно поднимаясь с земли и отряхивая пальто, ответил Андрей и добавил, оправдываясь: — Сколько здесь. Не пришла еще сменщица?

— Не пришла. Дома у нее что-то.

— Метелка у тебя, мать, совсем жиidenья. Я нареку завтра новых прутьев.

— Нарежь, сынок. Последняя метелка-то пообтрапала вся, а на складе нет.

— Я с утра пойду, как светать начнет, — осторожно сказал Андрей, вспыхнув в застывшем после его слов дыхании матери.

Она ответила не сразу. Андрей не видел ее глаз, хотя она и смотрела на него и, как показалось ему, смотрела очень долго, все еще не решаясь сказать главное. Ведь завтра утром он мог идти в школу и никто бы там не напомнил ему о взятой накануне справке, что он учится в девятом классе.

— Иди... с утра, сынок.

— Тебе помочь?

— Я управился. Все уже повыметено, повычищено, а заносы кончились. Вот гляжу, как бы не заронилось чего, стрелку бы не заклинило, — неторопливо говорила мать, и Андрей почувствовал в ее успокаивающемся голосе доверчивую надежду, что он не подведет. И было немножко жутко от мысли, что все решилось так просто: будто кто-то по его желанию передвинул стрелки в эту сторону? Кати! А в «этой стороне» было все новое и все неизвестно, и «катить» пока еще не представлялось как. — Ты иди, сынок, иди. Светка теперь, небось, от страха в одеяло с головой прячется.

Андрей не стал петлять по закоулкам пристанционных построек и пошел между двумя составами — так короче и надежней. Услышав во второй раз предупреждающий голос матери: «Посторожней, сынок! Скорый на подъедке!» — он оглянулся, но уже не смог различить в темноте ее маленькую фигуру, даже зеленый огонек светофора заслонился густым туманом.

Андрей шагал, едва не касаясь плечом товарных вагонов. В тишине спущуе шуршали мелкая щебенка. Ему нравились, как мимо него медленно прощипывала неподвижная гора вагона или округлые бочки нефтеналивной цистерны. А вот открытая платформа, плотно заставленная контейнерами. На одном из них то ли высоко задранная доска, то ли кусок жести, оторвавшийся от крыши. Андрей уже хотел поймать в темноте силуэт следующего вагона, вдруг непонятный предмет на крыше исчез, и не было слышно ни звука, ни шороха. Это показалось несколько странным. Неужели человек? Тогда почему он на крыше? Займами удобней добираться в тамбурах: и тепло и безопасно.

А может быть, и не было никакой доски, просто почудилось ему?

Не отрывая взгляда от подозрительного контейнера, Андрей на ощупь подобрал несколько крупных камней и побросал их по одному: первый недалеко от себя, потом все дальше и дальше по направлению к станции, и стал ждать. Доска на контейнере появилась снова и стала похожа на человека, стоявшего на коленях.

Андрею стало страшно, что-то противно ноющее поползло по всему телу, и не было сил сдвинуться с места.

— Ты... ты чего там? — тихо спросил Андрей и сжался от сознания, что в ответ двинут его член-нибудь тяжелым, но, к его удивлению, человек поднялся в весу рост и посмотрел вниз.

— Так и думал — это ты. Камушки брасаешь... — проговорил человек знакомым голосом. — Я за тобой давно одним глазом слежу. Думаю, чего он тут шастает! Ха-ха! Лезь ко мне. Здесь обозрены, я тебе скажу, и камушки бросать поточней можно, не по колесам.

— Это ты, Петька?..

— Ну, я.

— А чего ты там?

— Кто-то лису дохлую на контейнер бросил. С вечера вожусь, никак шкуру не сдеру. Мерзлая.

— Не врешь?

— Мне никто не верит, а я не жалуюсь,— бодро ответил Петька.

— Она не противухла? — с некоторым сомнением спросил Андрей.

— Я ее жратве не собираюсь. А шкуру с хвостом директриса клуба просила достать. Говорят, в кино бесплатно пускать будет.

— А-а-а, — удовлетворено промычал Андрей и, смеясь в душе над своими страхами, стал вбираться на борт платформы. — Дай руку, контейнер какой-то скользкий...

— Не смеши. В рабочий класс подаешься, а на крышу подсадишь просиш!

— Я так... Заденедено все.

Андрей скользнул по стекле носками ботинок, бился коленями, подтягиваясь на руках почти на урвень крыши, но так бы, наверно, и не влез, если бы не помог Петька. Поднявшись, осмотрелся и заметил под ногами Петьки вместо лисы гвоздодер и дрель.

— Ты это... зачем? — указал Андрей на инструменты.

— Будто не знаешь, — с иронической усмешкой ответил Петька. — Что, перетрусил? Пройдет. Понимаешь, от весовщика случайно узнал, транзисторы в контейнере привезли. Мне всего пять штук, по шесть червонцев за каждый. Возьму веряяком! Как?

— Не хочу!

— Тебя никто и не заставляет. — Петька презрительно плюнул с крыши на землю.

— И ты уйдешь отсюда, понял? Уйдешь!

— Но ор! — пригрозил Петька. — А то пополам перешиву!

— Я не ору, — чуть тише сказал Андрей, покосившись на гвоздодер в Петькиной руке. — Я матери стрелки помогал чистить, чтоб позада... А ты грабить!

— Ну, ты, помягче! — прощедил Петька сквозь зубы. — И проваливай, пока цел, к мамкиным стрелкам. Да чтоб без трап! — предупредил он. — На всякий пожарный твои отпечатки здесь остались.

Андрей понуро слез с крыши и действительно шагал в сторону светофоров, где работала мать. Он боялся оглянуться, может, потому что слишком страшным показался в руках Петьки гвоздодер.

Когда ломаная тень Андрея пропала в темноте, Петька еще несколько минут стоял неподвижно, чувствуя, как страх перед неизвестностью охватывает его. Длинные железнодорожные сооружения будто колыхались в темно-матовом воздухе и безмолвно надвигались на Петьку. Почему они так давят на него? Ведь он не раз катился в тамбуре до соседней станции и днем и ночью. И было совсем не страшно, когда какой-нибудь железодорожник гонял его с палкой «от головы до хвоста» поездом. А он смеялся взахлеб: попробуй догони самого быстроногого и ловкого среди мальчишек поселка!

Он весь напрягся, как пружина, упрямно боднул головой темноту и сел на край крыши, вслушиваясь в знакомые шумы станции. Уловил в темноте шаги и поспешно расплатались на крыше, головой в ту сторону, откуда доносились щорохи щебня. Гулко и часто стучало сердце, словно пыталось оттолкнуться от ржавой крыши контейнера. Шаги приближались, Петька настороженным взглядом выхватил из темноты фигуру человека и еще плотнее прижался к кры-

ше. Кровь заколотилась в висках, в голове звенело. Человек проплыл совсем рядом, унося за собой размеженный кружок щебня. Облегченно вздохнув, Петька пристал на колени, осмотрелся и взял дрель. Попыталось тихое шуршание сверла, словно в зернохранилище заскреблась мышь. Петька решил вывернуть несколько отверстий подряд, чтобы потом проделать гвоздодером дыру в крыше контейнера.

— Петька! — неожиданно услышал он недалеко от себя дрожащий, приглушенный голос и замер. — Где ты?

Приподняв голову, Петька заметил Андрея и шумно выдохнул:

— А-а-а! Вернулся. Залази по-быстро!

На этот раз Андрей забрался на крышу без помощи Петьки, отыскал у него под ногами гвоздодер и дрель, молча взял и швырнулся в соседний вагон с углем.

— Так будет лучше, Петь.

— Ты чего?.. Сдурул! — И Петька, порывисто дыша, вплюну подступили к Андрею.

— Петька! Ты же комсомолец!

— Механические выйди!

— А совесть?

— Заткнисы!

— Уйдем отсюда! — негромко, но требовательно прозвучал голос Андрея.

Ты чего пристал? — И Петька стал угрожающе надавливаться на Андрея. — А ну, катись!

— Не уйду!

— Не уйдешь? — И оба, сцепившись, глухо упали на крышу контейнера. Замелькали кулаки, загромыхала крыша. Шумно сопел Петька, от его злых ударов сдавленно постанывал Андрей. Не удержавшись, они сорвались с контейнера и упали на щебень. Охнув, Петька отважился в сторону, а Андрей, поднявшись и не взглянув на него, исторопливо пошел по направлению к станции. Петька выкрикнул ему вслед:

— Ну, обожди! Я тебе сделаю! — Он пожалел, что, падая, оказался под Андреем и больно ударился о щебень. А то бы у него была хорошая возможность прокрутить этого мамкиного сыника.

И все же, несмотря на боль в боку, Петька ощущал какую-то непонятную радость. Уж не потому ли, что не вскрыл контейнер и завтрашний день будет таким же, как вчерашний, и все будут по-прежнему называть Петьку Вьюна просто хулиганом?

Глава III

Т о ли от легкого весеннего морозца, то ли от первого приятевшего скворца, высунувшего голову из нового скворечника, Петька ощутил такой прилив силы, что,казалось, перемахнет двухметровый забор без разбега или на полном ходу товарняка взлетит на подножку. Петька даже представил, как он лико одолевает забор, за которым его встречает городской тренер по прыжкам в высоту и приглашает к себе в секцию, пророча ему титул олимпийского чемпиона. И вот он увидит себя во главе спортивной делегации, его показывают по телевизору, и поселковые ребята с Андреем Самариним и Любкой Новосокольцевой заявляются тащат глаза, слушая диктора, который на весь Советский Союз и на весь поселок объявляет: «А это на наших экранах идет наш новый олимпийский чемпион Петька Вьюн, взяший с первой попытки целых два с полосиной метра. Прыжок двадцать первого века...»

— Ну, в кого ты такой уродился! — оборвал Петьякины мечты голос матери. — Я дров жду, а он столбом стоит!

— Мам, как думашь, забор я перепрыгну?

— Тебе каплики нет? Мне чтоб сейчас же дрова у печки были!

— Сказали — наколю, значит, наколю. — Петьяка взял топор и оглядел кучу наполненных с осени чурбаков, в беспорядке лежавших у сарая. Он отобрал несколько, бросил на середину двора и взглянул на мать. — Чего раздетая вышла? Застынешь.

— Я привычная. Смотри, топор слетает, менароком бы в голову не угодил.

— Не слетит. Я топорище расклини.

Петьяк установил поустойчивей шишковатый чурбак, поплевав на ладони и занес топор за спину, чрез голову.

— Не карапуй, мам, а то зашибу! — и с легким выдохом вонзил лезвие топора в надтреснувший верх чурбака.

— Ты его оставь, Петьюш. Не расколоть. Вишь, он какой крепкий.

— А я что — слабак? — И Петьяка, собравшись в единий комок мускулов, снатуру подняв чуть повыше головы топор с чурбаком, развернула обухом к земле и ударила в пень, на котором кололи дрова. К Петякиным ногам легли скучковатые половники.

Часть наколотых дров Петьяка отнес дом, оставшиеся склонил в коридоре. Матери их хватит для дня на два. Мелькнула мысль сходить к деду Авдею, он, наверно, дома. Как бы он не воспомнил про лед у колонки. Петьяк забыл поколотить его. Надо ночью, чтоб никто не видел. А что сейчас?

Петьяк открыл капилку, посмотрел, нет ли кого у колонки, помялся в нерешительности, затем схватил приставленный к воротам лом и побежал копот лед. Частыми, торопливыми ударами взыгрывал труднопреодолимую для деда Авдея «высотку». Острые пласти льда, которые мешали работать, Петьяк отшвыривал ногами.

— Давно бы так, внучок! Не все шалопаем быть. Вот и за ум взялся.

Бабка Матрена, поставив ведра и уложив на них коромысло, выжидавше стояла за спиной Петяки.

— Не за ум, а за лед.

— А я иду и думаю, — усаживаясь на первернутое ведро, начала рассуждать бабка Матрена, — кто эта наша колонка обхаживает? Нанился или как?

— Угадала. По рублю со двора.

— Иши какой прыткий, за деньги-то. За такую-то уймщицу и я смогу. Каждый день или как?

— По средам и пятницам, — продолжая торопливо складывать лед, ответил Петьяк.

— Безет тебе, Петьяк, пра, везет, — с завистью всплеснула руками бабка Матрена. — У нас, поди, к етогу колонке, никак, дворов сорок ходят. Деньгища-то какая.

— Оно ничего, да отец ругается, — бодро ответил Петьяк, скосив взгляд на обратившуюся в слух бабку Матрену. — Говорит, стыдился бы стариковским делом заниматься.

— Пра, внучок! Святые слова отцовские! — Бабка Матрена приподнялась на напряжении и подумала: «За такие-то деньги все лето архальным хлебом поросят кормить и кормить?» — Ты ух уступи место, внучок, старухи ради! — просительною голоском запричитала она, подступаясь к Петяке.

— Тяжело-о!

— Нешто не справлюсь? — И руки бабки Матрены жадно ухватились за лом.

— Тогда коли, — как бы милостиво, но с нехорошем согласился Петьяк. — Зарплату у дяди Феди Погорелова получать будешь. Утром, в понедельник! — уже

на ходу крикнул он через плечо, некоторое время с усмешкой наблюдая, как бабка Матрена старательно ворочает тяжелым ломом.

Петьяк смело постучался в дом Новоскольцевых.

Он знал, что в нем, кроме деда Авдея, никого нет, мати и отец Любки на работе, а сама она в школе.

Дверь открылась не сразу. Петьяк ждал долго, пока не услышал шаги в коридоре и сухое знакомое покашливание. Заскребся крючком в петле, и в приоткрытую дверь высунулася седенякая голова деда Авдея.

— Как здоровье, дедуль?

— Да хожу помаленьку. Ну, скаживай, хитрая бестия, зачем пришел?

— Про самолет узань...

— Про какой-то самолет? — нахохливвшись, переспросил дед и, чтобы поверней слышать, приставил к уху вздрагивающую ладошку.

— Ты же мне рассказывал. — У Петяки вкраилось сомнение, не рассказал ли ему дед услышанную от кого-то историю. — Ну тот, что в пруд упал?

— Понятно, — рассказывал, — удовлетворенно ответил дед Авдей и стал застегивать верхнюю пуговицу на рубашке. — Эх, как меня пронимает. Видно, поморю скоро, Петьяк. В такое-то солнце тепла нечу. Заходи в дом.

— Дедуль, пока погода теплая, сходим на пруд, а?

— Это по какой надобности? — насторожился дед.

— Ты мне самолет покажешь. Где упал.

— Ну, чего ты заладил с этим самолетом? — всхлипнул дед. — Упал и упал. Мало ли нас попадало за воину-то, поди, и косточек не осталось.

— Дедуль! Ну, одевайся, я тебя на улице подожду, — продолжая нетерпеливо упрашивать Петяка, легонько затапливая в коридор деда Авдея.

Закрыв за ним дверь, он сел на крылечко и подумал, как было бы здорово найти самолет и узнать имя погибшего летчика. Может, у него родственники где и отец жив, такой же старенький, как дед Авдей. Вот здорово будет! А летчику в поселке патиник поставят, высокий белый обелиск с макетом самолета на вершине. И на крыльях звезды. А Петяке за это вручат путевку на поездку в Москву, в музей Советской Армии.

— Слыши, Петьяк, — послышался за спиной дедов голос, — дорога-то, поди, запледелена, не дойти мне.

— Дедуль, я же с тобой.

Петьяк, придерживая за плечи деда Авдея, помог ему спуститься с крыльца и выйти со двора на улицу. Когда они ужешли по утоптанной вдоль забора тропинке, Петьяк запоздало смекнул, что их путь проходит как раз мимо колонки, где трудится бабка Матрена. Поглядывая то на шаткие дедовские ноги, то на бабку, тыкавшую тяжелым ломом в ледяные надолбы, Петьяк с опаской ждал встречи. Предложить деду пойти на пруд другой дорогой он не решился, как бы совсем не отказался, но и представить, что дед Авдей пройдет мимо бабки, не перебросившись с ней двумя-тремя словами, просто невозможно.

— Как пить дать, бабка Матрена околь колонки кренделя выписывает.

— Она... — неохотно подтвердил Петьяк.

— Я и говорю. Никак, штурмует! — Дед Авдей даже губами почмокал от удовольствия, но потом нахмурился и посмотрел на Петяку. — Знать, не поколол горючку-то, — сказал с обидой. — О мертвых печаешься, а о нас, стариках, не думаешь. Оно, конечно, Матрене-то воды таскать не перетаскать. Сколько жизни в хозяйстве: и корова, и свинья, и гуси. Одних курей, считай, полста наберется. Ни один барз несет ее.

Петьяк, поддерживая деда под руку, пытался ускорить шаг и побыстрей уйти от колонки. Он чувствовал, как стал упираться дед Авдей, голова его с ост-

Глава IV

рым, посиневшим носом, словно флюгер, упорно держала направление на бабку Матрену.

— Бог помощь, Матреня! Что это ты, а? Никак, за доброе дело взялась?

— Чать, платить будут.

— Знамо, ходить,—подтвердил дед Авдей.—Кхе, кхе! Ишь, сколько намахал!

— Тяжело, Авдеюшка, руки выламывает, а все прибавка к пенсии.

— Прибавили мне пенсии, уж какой раз тебе говорю — прибавили,—заворчал недовольно дед Авдей.—Ты ей про куцера, она те про лисапед. Тыфути, мате въ горыкую! — ругнулся он, покрываясь подойти поближе к колонке.

— Погши, дедуль, —крикнул Петьяк на ухо деду и добавил, ухе тише: — А то она меня за гусей коморыслом приложит! — И потянул за собой упирающегося деда.

Тот долго ворчал на бабку Матрену и лишь влезе на плотины, переводя дух, успокоился. Что-то вдруг мягким светом пролилось в старческих глазах деда Авдея, прополоск и погасло. Он медленно и неуверенно сел на выступавшую из снега кояжину на берегу пруда, положив на колени и долго, вздрагивая головой и плечами, смотрел на белое, почти не исчертанное следами ледяное поле. Петьяк не мешал ему, не торопил с рассказом. Пусть поживет дед Авдей хотя бы в памяти той жизнью, которую не привелось увидеть Петьке и его сверстникам.

— Вот она, судьбинушка солдатская. Идешь-идешь и не знаешь, где ляжешь, и никто над твоим прахом слезы не обронит. Вот здесь он и лежит, Петьяк,—указал дед Авдей ближе к тому месту, где плотина подходила к берегу, рядом со ставком, через который местные жители годами спускали воду из пруда на огороды.—А ежели рассудить, мог и дале к середине лечь. Где стоять ты, окоп мой был. Как раз около тебя. Не только мне пришлося увидеть, как он одного с крестами срезал. С крестами-то за станцией свалился, опосля его ребяташки на игрушек расцарапали, наш-то сюда, выходит.—Дед Авдей вздохнул, уставившись невидящими глазами в безмолвный лед пруда.—Так мене водой и окатило с ног до головы. И я его, сердечного, до самой земли провожал. Авось выпрыгнет, помочь там. А он так и вошел... в самолете... Без вести пропавший...

— Я его найду, дедуль! Честное слово, найду! А это не бомба упала, дедуль? Которая водой тебе?

— Эх, внучок, внучок! —укоризнено покачал головой дед Авдей.—Что вчера было — ветерком в памяти проносится и следят не, а что в жизнивойной тронуто — крепкими узелками завязано. Умират буду — вспомнишись. Она мне, война-то, вдовъ и поперек железом изъездила. Када мне не веришь, Саньку кривого спроси, —обиженно закинчил дед.—Он поближе мени сидел.

— Какой Саньку?

— Как же ты Саньку не знаешь? — с упреком проговорил дед Авдей.—Федыки Погорелова старшей братильник.

— Как не знать! Он заходил к нам!

— Ну и поспрашай его, коль знаешь. Промерз я с тобой тут. Приду домой, и погреться нечем, старуха все попрятала.—Дед Авдей, покръхтывая, выпрямился и повернулся лицом к поселку.

— Дедуль, я сбегаю! У меня два рубля есть!

— Цыц! —сердито прикрикнул на Петьюку дед Авдей.—Прежде ходить по земле научись, а не за булыками бегать..

В этот же день Петьяк отыскал дядю Саню Погорелова, и, к великой Петьюкиной радости, тот почтительно подтвердил рассказ деда Авдея.

С утра начало припекать солнце, пробуждал у гомонившиеся с вечера ручьи. Закисал на бухающий влагой снег. Со старых, с прозеленевшими крыши станционных складов по сосулькам стекала вода.

Петьяк в рассстегнутом демисезонном пальто в поисках дяди Феди прыгал по шпалам к станции. Лицо его раскраснелось, в глазах пузырилась радость. Застланые узорчатой коркой льда лужи он переплетал с ходу. Но беда, что высущенные за ночь ботинки опять польны воды, а мокрые штаны брюк проплыли к икрам. Потный вперед! Сегодня у него настолько было дела, и, наверно, потому весь день обещал светить солнце. Только что он отоспал на пруд не сколько знакомых четвероклашек, они понесли туда трубу, которую он купил у Самарина, и лом, взятый со двора. Нужно еще хотя бы пару ломов, но никто из соседей не дал ему, и тогда он решил найти дядя Федю, который должен быть где-то на станции, и попросить у него. Поиск дяди Феди он начал с пивной, но там его не оказалось. Похмелился и ушел, как сообщил буфетчики. Петьяк не унывал. Он знал все тайники и закоулки обширного станционного хозяйства, где бы мог уединиться и «промочить» горло дядя Федя. Обследовав дальние склады, Петьяк наконец увидел его. Тот разгрожал вагон, наверно, по просьбе начальника станции, так как были воскресные дни и бригада грузчиков не работала. Возле массивной двери склада, пригревшись на солнце, дремал весовщик — приемщик грузов, а дядя Федя — вся спинка в сахарной муке,—по-крайности, переносил мешки.

Петьяк прислонился боком к просыхающей стене склада и стал украдкой наблюдать за работой грузчика. Ему нравилось смотреть, как многоголовые мешки с сахаром легко взлетали на спину дяди Феди, словно невесомые пуховики.

«Силен!» — восхищенно подумал Петьяк.

— Эх-ма, разогнись, спина! —заметил Петьяку и словно любясь своей работой, воскинулся дядя Федя.—Помоги, заработок поделим.

— Мне бы пару ломов, дядя Федя.

— Чего-о! Ломо-о?

— Ну да, ломов, —повторил Петьяк.—Лед колоть. Погорелов отряхнул руки, разбудил весовщика, сказав, что придет минут через двадцать, и снова обратился к Петьюке:

— Что ж отец, не мог ломами запастись? Такое-то хозяйство...

— Был один — затерялся,—сказал Петьяк и пошел вслед за Погореловым к настлаж сплеленной пристройке у соседнего склада.

Получив ломы, он с некоторой нерешительностью взглянул на Погорелова, потер нос и сказал:

— Дядя Феде...

— Опять чего-то?

— Мне бы рублей пять, дядя Федя...

— Ишь ты — пять рублей. А как отдавать будешь?

— Папан на кино часто дает. Сэкономлю.

— Экономный какой. Смотри — не напейся.

— Что ты, дядя Федь. На табачок пойдёт,—сказал Петьяк, торопливо прыча патерку в карман.

Он еще не знал, куда и как потратить ее, но пятерка лежала в кармане, и от этого как бы прибавлялось самостоятельности: можно ходить на танцы, угостить знакомую девчонку мороженым и пополнить запас табака для трубки. Кстати, не забыть зайти в магазин за леденцами для пацанов.

С кульком леденцов Петьяк заторопился к пруду; четвероклашки были давно уже там и заждались его.

Неожиданно повстречалась Любка Новосольцева. Синеглазая, веселая, как всегда, она стояла перед ним, облизывая кончиком языка кипрные губы.

— Петя? — с некоторым удивлением встретила она его.

— Почему ты с ломами? На работу устроился?

— Да так, — неопределенно ответил он и поинтересовался: — Что-то я деда Авдея не вижу. Не болеет?

— К сыну в город уехал. На неделю.

— А ты чего такая? — Петья долго подыскивал нужное слово, — расфранченная?

— К Сергею иду. Потом в город поедем. В театр. — Наши куды — презрительно усмехнулся Петя.

— А я вечером на хоккей поеду. Это тебе не то что фишек разодеты смотреть.

— Не пойму я тебя, Петя... — Любка заправила вышившую локон под шерстяную спортивную шапочку. — Всегда один и один. Скучно быть одному, правда?

— А ты о моем настроении не беспокойся. Оно у меня, как небо: то ясное, то в облаках. Переменчивое, в общем, — усмехнулся Петя и поставил ломы торчком в снег.

— Ты все шутишь.

— А чего же не шутить? Время есть. Это у вас все — шнеллер да шнеллер. А я сам себе указка.

— Тебе, конечно, хорошо шутить. Ты в школу не ходишь — уроки не учить. А тут каждый день графики замучили.

— Ха! — трахнул Петя вихрастым чубом. — Что же ты тогда не бросишь школу, как я? Так сказать, не возмешь продленные каникулы для поправки здоровья? Мама не винит?

Любка молчала, поглядывала то на свои лаковые сапожки, то на Петя, потом вдруг резко ответила:

— Дурак ты, Петя! — и сама испугалась: такого оскорблениЯ Петя ни от кого не потерпит, даже от самой красивой девочки класса.

Но Петя только презрительно ухмыльнулся.

— Во-во! Петя — дурак. А Любка умная, она в институт метит, и дед Авдей носит ей воду мыть красивые ножки. А ну, катись, кукла, пока нос не выдернут! — И Петя, надвигнувшись грудью на Любку, захлебнулся от душившей его ярости.

Со страхом глядя в злые Петкины глаза, Новосольцева попятилась, повернулась и побежала. Уже с беспомощного расстояния она крикнула:

— Хулиган! Тебя скоро в тюрьму посадят!

Петя не сдвинулся с места, он лишь плонул под ноги и направился на окраину поселка, к пруду. Уже издалека он заметил суетившихся на льду ребяташек. Когда подошел ближе, они с криками «ура!» устремились к нему и наперебой стали рассказывать, где пропали луники и какойтолицы лед.

— Сколько лунок пробили? — спросил Петя.

— Пять. Через три метра, как ты и говорил.

— Гомо, — похвалил Петя и быстрым шагом пошел на середину пруда мимо горок свежеколотого льда; рядом с ним гурьбойбежали ребяташки. Петя обследовал каждую пробитую лунку и снова похвалил: — Гомо. Еще штук пятьдесят продырявим — хорош. Ослим!

— Оси-илим! — дружным хором ответили ему.

— А где ваш командир? — поинтересовалась Петя.

— Колька за плотиной. Проловок ищет, трубу прочищать.

— Хорошо. Ты будешь его заместителем. Значит, у нас три лома. Получается на каждый лом по четыре носа. Сообщайка!

— Так точно, сообщайка! — И рука мальчишки

тикнулась ладонью в шапку.

— Действуй! А я пойду намечу, где луники бить...

Петка вынул из кармана перочинный нож и, отсчитывая шагами расстояние, стал чертить на льду круги. К одному из них уже подбежало четверо ребяташек, и самый прoverный принялся долбить ломом лед, а остальные за его спиной нетерпеливо ждали своей смены.

Пока Петя размечал луники, кто-то из пацанов услужливо принес стул и поставил возле луники. Командир Колька приволок из-за плотины проволоку, очень длинную и погнутую, которую тут же, возле Петки, стал выпрямлять о коленку и затягивать в трубу. Лед на пруду гудел от стука ломов. Разгоряченные работой ребяташки посыпали пальто и варежки, лед из лунок выбирался голыми руками. Прочистив трубу, Колька по распоряжению Петки отнес в каждую группу по горсти леденцов, быстро вернулся и устроился на собственной шапке возле Петки. Тот сидел на стуле, следил за работающими и курил свою знаменитую трубку. Вначале он думал отослать Кольку в какую-нибудь группу, но, поразмыслив, оставил возле себя. Он понимал, что все это игра, но очен уж интересно было почувствовать себя полководцем.

Через некоторое время стали подходить командиры групп, потные и счастливые; они с радостными глазами докладывали о выполнении задания, плотно сгрудившись вокруг Петки. Тот встал, с торжественным видом вручил Кольке, как общеша, трубу и, посоветовав, чтобы начинил с первой луники, снова уселился на стул. Ребяташки дружно подцепили трубу и затягнули одним концом в прорубь. Другой конец крепко держал Колька.

— Отходи! — приказал он и, подождав, пока все немного отдохнут от проруби, начал дуть в трубу, кося глазами на поверхность воды — не покажутся ли пузыри. Они обязательно должны были появиться, потому что Петя предусмотрительно насверлил почти до половины трубы на ее стенах небольшие дырочки.

— Ура-а! Поплы-и-и! — ликовую закричали ребята, заметив, как запузырилась вода.

— Дуй в следующую, — приказал Петя. — Да чтоб пузырь побольше. Бельмекаев?

— Бельмекао.

Петя уже не замечал суетившихся ребяташек, казалось, что ему нет до них никакого дела. Его больше заинтересовал приближающийся к нему неизвестный мужчина. Как бы кто из мальчишек не оказался его сыном, тогда от скандала не открытишься. А посмотришь — с виду добрая добряком. Видел он таких добрячков!

— Уверен, передо мной большой любитель природы.

— Любитель, — нехотя ответил Петя, разглядывая мужчину и словно оценивая, помешает ему тот или нет.

— Приходи к нам на Коммунарную. Я запишу тебя и твоих ребят в активисты по охране рыбных баттатов. Молодцы! Рыба от замора спасаете.

— Ха! Мне эта рыба — как твой престарелой теще велосипед!

— Что-что? — опешил мужчина от такого ответа и некоторое время растерянно смотрел на нахально ухмыляющегося Петя, потом взглянул на ребяташек и снова на него. — Ну, конечно. Я не по адресу обратился. Ты не из тех, кто дружит с природой.

— Лю-би-тель, — с презрением проговорил Петя и пустил длинный шлейф дыма в спину мужчины, повернувшегося к ребяташкам.

Вскоре Петя услышал, как тот спросил их:

— Что-то я не пойму, ребята, чем вы занимаетесь?

Не припомню такого метода...

— А мы по очереди рыбам кислород через трубу

вдувают. Петька говорит, когда пузыри поднимаются, рыбки их хватают и дышат. Петька все знает! — ответил один из ребят.

— Какие же вы несмышленыши! — с ноткой покровительства и сочувствия сказал мужчина. — Любой ученик должен знать: «дыхаем чем? Кислород! А вы дыхаете углекислый газ».

— Смотря кто. Ух, вы дыхнете — угореть можете, — услышали все насмешливый Петькин голос.

Оскорблённый мужчина, бормоча что-то о воспитании, зашагал прочь.

Часа два ушло на то, чтобы вдуть в каждую лунку «кислород», но Петька терпеливо ждал, хотели ему, как он признался, совершенно искренне прохожему, было не до рыб. Главное было сделано, по всему пруду пробито более пятидесяти лунок, а одному ему такую работу за один день, конечно бы, не осилиТЬ.

— В последнюю вдруг! — еще не отдохнувшись, с довольным видом доложил командир Колька, отстраняя руками сверстников, чтобы никто из них не мог ближе подойти к Петьке.

— Гожко! — Петька встал со своего тронного места и поклон Кольке руку. — На сегодня, я думаю, хватит.

— Мы еще хотим по разу в каждую прорубку походить! — чутче ли не хором запротестовали ребятишки.

— Идет, — после некоторого колебания согласился Петька. — Но пока отнесите ко мне все три лома, победайте, а после дуйте, сколько влезет... Командир Колька, строй отряд, и на обед.

— А ты остаешься!

— Остась. Трубу карапаути. В случае, если меня не будет, отлучусь куда, я ее за плотиной в снег закопаю. Найдете?

— Найде-е-е! Ура-а-а! — И ребята, похватав ломы, наперегонки ринулись в поселок, оставив далеко позади командира Кольку.

Петька выжалась, когда шумливая толпа ребят скрылась за домами, взял трубу и из всех сил вогнал ее в прорубь. Десятиметровая труба засыпала лишь на половину. Петька и раньше знал, что даже на середине пруда не слишком большая глубина, в пределах четырех метров. Петька орудовал трубой, как ломом, прощупывая дно пруда. Он переходил от лунки к лунке, вонзая трубу вертикально, под углом, стараясь по возможности не пропустить ни одного квадратного метра неисследованного дна. Вода потемнела уже во многих лунках, и Петька стало сомневаться в том, что сможет найти самолет. Он стал склоняться к мысли, что дед Авдей просто ошибся или, еще хуже, придумал. Петька сбросил пальто, шапку, пиджак, его уже покачивало от усталости, когда флаг трубы ударились об что-то твердое. Петька сделал несколько осторожных щелчков в подозрительное место и, убедившись, что не ошибся, повалился боком на снег. Так он пролежал несколько минут, неотрывно смотрел на лунку и грязь кусочки льда. Потом встал, пошатнулся от усталости и побредил к берегу, подобрал у одной лунки шапку, у другого пиджак и пальто.

«Вот повезло! Рядом с плотиной лежит!»

Привалившись спиной к старому окосорю, Петька долго потирал рукавом лоб и все смотрел на издырявленные лунками пруд. «Надо спросить деда Авдея: воронки от снарядов такие же, как лунки, или нет? — подумал Петька, но тут же посмеялся в душу над своей наивностью. — Снаряд жахнет — весь лед к небу подымется, а уж оттуда, — усмехнулся, — в виде мокрого дождя и снега».

Петька еще раз бросил короткий взгляд на пруд и направился в поселок, но через несколько шагов резко остановился и снова, после секундного коле-

бания, вернулся к лунке, в которой торчала труба. Будто еще сомневаясь, он поворотил трубой по дну, несколько раз наклонно вогнал ее в ил, потом вытащил и отбросил на несколько метров в сторону. Если бы кто был рядом, мог бы услышать, с каким облегчением вдохнул Петька.

«Выходит, не выдумал дед Авдей, — заключил Петька. — Если так, то нужно сгомонить плот. С лодкой дело срываются».

Еще Петька подумал, что неплохо бы найти ребят здоровых и сильных, как он. А одному поднять не под силу. Может быть, и удастся что-то придумать, но на придумывание и на подъем уйдет уйма времени, что никак не увязывалось с его планами. Петька покосился в памяти, кому бы можно доверить тайну, но, к своему удивлению, подходящих друзей у него не нашлось. И это расстроило его до такой степени, что он остановился с и тревогой подумал о своем неожиданном, непрятном открытии. Петька почувствовал отчаянное одиночество: некому рассказать о тревожных сомнениях и не на кого опираться. Не бежать же к дяде Феде с рассказом о находке в пруду! Он же с первых слов засмеет и за пол-литра в магазин отправит. А что, если заглянуть Сергею Можаруку? Он приглашал, говорил, будто отец его тоже ничего не имеет против Петьки. Может, и действительно не имеет. Еще лучше, конечно, если никого из родителей не будет дома. Ну же, если они в выходной день будут домосидничать?

Петька решительно сунул руки в карманы и пошел по направлению к дому Можарука. С Сергеем можно поговорить о находке. Он неплохой парень, только квилл и на математике помещан. Хотя что, каждый на чем-то помещан: Любка — на нарядах, а он сам на радиотехнике.

Около дома Можарука Петька остановился, вспомнил, что сегодня поссорился с Любкой и она сейчас у Сергея, злая на него не меньше, чем бабка Матрена. Впрочем, он способен заставить Любку повременить с высказыванием своего мнения.

Петька нажал на дверную ручку и оказался на светлой, с яичными окнами веранде. Он уже слышал голоса и смех, кто-то негромко пел под гитару.

«Да тут целый шалман собрался, — с некоторой заинтересованностью подумал Петька. — Одного меня, наверно, не хватает!»

В большой, просторной комнате за столом и около окон сидели парни и девчата, о чем-то спорили. Жидковолосый парнишка, уединившись возле книжного шкафа, бречал на расстроенной гитаре. Многих Петька встречал на улице, но близко знаком был только с Андреем и Любкой. Вон тот, у окна, с тетрадкой в руке и карандаш грызет... кажется, это он у него рубль «должник». Петька встретился с ним взглядом, но глаз не отвел: подумашь — рубль! Раскрываться надумает, так черт с ним — кричи, от Петьки не убудет и не прибудет, и терять здесь ему ничего — ничего еще не нашел. Да и вряд ли найдет. Разве Сергея лиши. Но Любка-то как на него уставилась, с усмешечкой богини, к которой пришли на поклонение. Привыкли!

Петька презрительно сморгнул нос.

— У кого ты так губами работать научилася?

— Не у тебя, конечно.

— Это ух точно. У зеркала.

Сергей Можарук, чувствуя завязывающуюся скопию, поспешно поднялся навстречу Петьке.

— Я рад видеть тебя. Честное слово! Сядь.

— Боясь, меня в этой компании обидеть могут, — проговорил Петька с ironией, присматривая себе место.

Петька взял свободный стул и прошел к телевизору, подобрал на полу программу и стал читать. У не-

го не было желания начинать разговор. Начинаясь еще не с того конца — и ссора, снова один. А так хоть поговорить есть с кем. Уже больше дни его стали длинными и до того свободными, что он успел их возненавидеть, готов был подарить каждому, кто куда-то торопится, спешит. Дед Авдей говорил, что в жизни у Петьки пока остановка. Ну что ж, у скорого поезда тоже свои остановки!

Петыка положил программу на телевизор и с ухмылкой посмотрел на компанию. Почти все — кто усадкой, кто открыто — разглядывали его, и никто не решался заговорить первым, тогда ведь незадолго придется оценивать Петыку появление в квартире Можаркура. Петыка как бы принес с собой тишину, которую не так-то просто было нарушить. На это тоже требовалась определенная смелость.

— Слышил, в театр надумали... — начал Петыка.

— Надумали.

— Билета у вас, конечно, нет для меня?

— Ашилаг.

— Ну, и спасибо. Петыка на плохие пьесы не ходит. Он с силой сдавил пальцы левой руки, лежавшей на коленях, и добавил: — На хорошие тоже.

— Ну, чего ты, Петя, — примиряющим голосом начал Можарук. — Ребята на все сто, нормальные. Плохого тебе не скажут.

— А я ненормальный, понял? Видишь, как они смотрят все на меня? Ну, да я стараюсь быть сегодня неебидчивым...

— Тебя обидишь, как же! Всем нам ты в этом деле форы даши! — подал голос Петыкин «кредитор».

— После дождичка! Понял! — осек его Петыка и поднялся со стула. — В театр я и без вас скажу. Можете обсуждать образ Павки Корчагина без меня. Я к вам за помощью прошел. Не разевай рот, Лютика, больше копейки монеты не брошу! Так вот, дед Авдей станцию нашу во время войны освобождал. Над станцией был воздушный бой, и одного нашего подбили. Дед говорит, будто самолет в пруд упал. А летчик не выпрыгнул.

— Дедушка мне про это не рассказывал, — пытались что-то вспомнить Лютика, погляживая красиво изогнутые брови.

— А дед Авдей разве воевал в Отечественную? Он же старе пруда. Я у него не видел ни одной награды на празднике Победы.

— И я тоже не помню наград у него, — подтвердил Лютика.

— Мне отец рассказывал, ты медалями в песке играла, когда тебе пять или шесть лет было, — ответил ей Петыка. — О его наградах все точно сказано в военкомате. Ну, а самолет я нашел, кажется. Трубой сквозь лед проверял...

— Ха-ха! — хохотнул кто-то из сидевших. — Прошлой осенью мой дядя на «Беларусь» дорогу по льду пруда сокрашал. Сам выплыл, а «Беларусь» плывать не научил!

— Давай вместе поищем, — предложил Петыка. — Я прорубей штук пятьдесят набил...

— А может, действительно трактор? — засомневался Сергей.

— Дед из ума выжил, а вы его слушать.

— Что же ты предлагаешь?

— А ничего не могу предложить, потому и пришел к вам. Хотел лодку купить — отец денег не дал. Плот сколотить...

— Идея! С плота удобней рыбу удить.

— Брось шутить! А вдруг дед верно говорит??!

— Вполне возможно.

— Есть идея, — поднял руку, как в классе, Петыкин «кредитор», — взорвал плотину! Нужно только найти динамит.

— А что тебе скажет на это дядя-начальник и разрешит ли он вообще взрыв в поселке? — с иронией спросила Лютика.

— Конечно, плотину разрушать не разрешит.

— А я не верю Петыке, — заговорил Молчавкий до сих пор Андрей. — У меня есть основания не верить. И у вас тоже.

— Стреляки вспомнили! — ухмыльнулся Петыка. — Ну подожди, я тебе рожу почту! — и угрожающе скжали кулаки.

— Да что вы, ребята! Бросьте ссориться, — начал успокаивать Сергей. — Ну и что, если нет там ничего дешевого?

В это время «кредитор» взял гитару и стул, сел прямо против Петыки и, побренчикивая, запел:

Мы тебе чуть-чуть, конечно, верим,
Но в чему плотину разрушать?
Шевельни-ка своим мозгом серым
И сумей без нас поразмыслить.

Почувствовав одиночное, Петыка скакала весь, ссутулился, едва сдерживая закипающую злость.

— А мы поднимись, поэт! Под-ни-мис!

— Петыка! — испуганно закричала Лютика Новосокольцева, но Петыка уже подняла за грудки «кредитора» и с такой силой ударила его в подбородок, что этот мешок повалился под стол. На мгновение все утихло, потом кто-то истощно закричал:

— Сережка! За отом беги! За отом!..

Петыка, готовый ко всему, крупными шагами пошел к выходу, у двери остановился и сказал:

— Не забудьте умыть придворного сочинителя!..

Уже на улице Петыка почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Они стекали по щекам и筠ли на переносицы. Петыка ссыпалась их, на улице было много прохожих, и он свернулся в первый попавшийся переулок, где можно потереть лицо снегом и, ни о чем не думая, смотреть в небо, где нет ни пруда, ни поселка, ни людей. Только облака да ветер, ветер да облака. И еще солнце. Всегда и во все времена. И дед Авдей в войну так же смотрел в небо и видел то же, что Петыка. Нет, дед Авдей видел еще воздушный бой и сбитый самолет с красными звездами на крыльях. Все же чертоски жалко, что не родился Петыка лет за двадцать до Отечественной войны...

Немного успокоившись, Петыка решил идти домой, но, вспомнив про деньги в кармане, повернулся к пивной. Около нее, особенно по выходным дням, толпились много подвыпивших мужиков. Петыка, глядя полуоткрытым ртом едкий прокуренный воздух и опасливо бегая глазами по спинам — нет ли отца в пивной, — с трудом протиснулся к прилавку. С кружкой пива Петыка забился в угол. «Шевельни мозгом, серым!..» Я тебе шевельни!.. Плятерочкини!..

Домой Петыка пришел, когда начало темнеть. Во дворе его встретила мать. Она была без пальто, с вязаной дрот на левой руке.

— Это ты, Петио! Что обедать не приходил?

— Я у друга... друга пообедал...

— Да ты никак выпил, Петио! — И мать с горестным всхлипом приникла головой к дровам.

— Ты чего, мам?..

— Занедужилось мне, — заплакала в голос. — Что ж мне теперь, обомим по утрам в постель воду носить!..

— Не надо, мам... Я же... так получилось!.. — Петыка тоскливо посмотрел на мать.

(Окончание следует)

Анна ДЕХТЬЯРЬ

26 лет. Искусствовед.
Научный сотрудник
Института востоковедения.
Член молодежного
объединения МОСХа.

СЕНЕЖ-75

Мы приехали в этот дом на берегу подмосковного озера Сенеж в самом начале сентября, когда только появились первые приметы осени. Мы — это 45 живописцев, 25 графиков и 3 искусствоведа со всех концов страны, вместе составляющие группу молодых художников. Большинство из нас здесь впервые, и, поначалу «Сенеж» представлялся нам просто одним из Домов творчества Художественного фонда СССР, где мы будем работать в течение двух месяцев.

Но уже в первые дни мы поняли, что «Сенеж» — еще и своеобразный творческий цех, в котором художники обединены, как в старину, не только трудом, но и бытом. Был этот, однако, особый. Есть сенежских будних отблеск праздничности, украшены они творческой свободой, близостью к природе и радостью человеческого общежития. Сенеж на два месяца срывает молодых художников с насиженных мест, освобождает их от засасывающей течушки, даже от забот о хлебе насущном, создает для творчества «перерывы постепенности».

Идея создания подобной группы подразумевает встречу, а порой и столкновение разных художественных индивидуальностей и темпераментов. Оттого работа здесь неотделима от бесконечных, поюю яростных споров об искусстве. Но Сенеж-talantov не нивелирует и не предлагает готовых рецептов мастерства. Руководители нашей группы известные московские художники И. П. Обросов и О. А. Вуколов стремятся каждого подопечного побудить к поискам, предсторегают от успокоенности. И действительно, здесь молодой живописец или график обнаруживает, что его путь в искусстве далеко не единственный. Он ежедневно наблюдает работу своих сверстников — коллег из Прибалтики, Средней Азии, Сибири, сравнивает, порой испытывает влияние, порой сам влияет на других. Так день за днем складывается стиль необходимый для всех нас художественной среды, которая регулирует вкус, вырабатывает критерий оценок, повышает общую уровень профессиональной культуры.

В нашей группе нет единого для всех рабочего ритма. Одни безвылазно сидят в мастерской, другой целыми днями бродят с этюдником по окрестностям. Новоявленные сенежцы еще решают, чем бы заняться, а старожилы «Сенежа», приехавшие со своими сложившимися замыслами, уже приступили к работе. Среди тех, чье творчество взрослое здесь — киргизский художник Джамбул Аджумбаев,

Творческая манера Джамбула глубоко национальна. В картине «Зной» нежная прелест девочек, окутанных дымкой мерцающих цветовых частичек, становятся символом разлитого вокруг нас красоты, воплощением вечной молодости мира.

Не первый год на Сенеже художник из Кишинева Михаил Статный. В этом году, несмотря на обилье непредвиденных хлопот (Миша был избран старостой живописцев), он завершил работу над рядом портретов. В одном из них, «Портрете Ольги», художнику удалось воссоздать сложный внутренний мир молодой женщины, показать человека в момент проявления сокровенных сторон его личности.

Современный жанр группового производственного портreta нашел неожиданное и свежее решение в полотне московского живописца Павла Малиновского «Девушки Трехгорки». Это произведение продолжает новый этап в его творчестве, который характеризуется использованием острых точных средств художественной выразительности, лаконизмом пластической формы.

Теме труда посвящена картина художника из Новосибирска Михаила Омбуш-Кузнецова «Артерия Нефтехима». Четкий ритм ее, образующийся сопоставлением гигантских труб и динамичных фигур рабочих, ощутимо передает грандиозные масштабы современного производства.

Совершенно иным настроением наполнено полотно тбилисца Джемала Гимрладзе «Любимая улица». С теплым юмором оно воспроизводит неповторимый колорит старого Тбилиси, рисует обжитой уютный мир, с детством знакомый художнику. А вот Виталия Бубенцова из Мурманска, автора картины «Романтика», больше привлекает неизданное, мотив дальнего плавания, воплощения юношеской мечты. Галия Степан, по собственной инициативе приехала на Сенеж из Саранска с просьбой принять ее в группу, когда работа уже была в разгаре. Опоздание не помешало ей успешно завершить «Портрет двух мордовок», где с любовью и подлинным знанием своего края представлены образы женщин из народа, вплетенные в скользкий мордовский пейзаж.

Широко разнообразие жанров, в которых работают художники на Сенеже. Здесь и многофигурные тематические композиции А. Ахалцева, В. Владыкина, М. Файдыша; живописный триптих Т. Цигаль; этюды с натуры А. Бирштейн; портреты карандашом В. Пономарева и многое другое.

Но «Сенеж» — это не только работа. Это новые знакомые и старые друзья. Это вечеринки скверки у сибиряков и крепкий чай в любое время суток в мастерской у туркменов. Здесь есть свои спортивные чемпионы, заправские танцоры, лучшие рассказчики и певицы. Это дни рождения, которые «всем миром» спрашивают счастливчикам, родившимся в сентябре и октябре. Удивителен был «Сенеж», по-минуту становящийся предметом искусства — в окрестных пейзажах, живущих на холстах; в многочисленных портретах, где художники и модель поочередно меняются ролями; в традиционном просьльном каталоге, испещренном картинками-автографами.

В день нашего отъезда озеро уже поддернулось льдом и рассталось перед глазами, словно белый лист бумаги. Но теперь Сенеж был для нас не просто географическим понятием, а символом нашей творческой и человеческой общности.

Валерий ДАШЕВСКИЙ

Валерию Дащевскому 23 года,
живет в Харькове.
Студент 5-го курса
Харьковского инженерно-
строительного института.
Печатается впервые.

ИНЦИДЕНТ

РАССКАЗ

Мы сидели в палатке, когда в нее прямо-таки ворвася наш старик.

— Только что,— объявил он нам,— мне звонил из города Вадим Петрович и сообщил, что Олег Задорожный будет до конца месяца тренироваться с нашей командой.

— Задорожный? — переспросил Витька. — Это тот Задорожный, который призер первенства Союза?

— Именно. Олег Задорожный. Теперь вам будет у кого поучиться.

Алексей Семенович оглядел палатку и сказал:

— Эти две кошки передвиньте сюда, а вот эту поставьте боком. Нужно принести тумбочку и кровать. Вы бы ходили на склад. А я пока выпишу ему талоны. Он должен приехать после завтрака.

— А как получилось, что Задорожный будет тренироваться с нашей командой? — спросил Витька.

— Его взяли работать на кафедру физкультуры. Ну и повезло же вам! Вадим Петрович сказал, что сейчас на Украине едва ли есть ему равных.

— А вы его когда-нибудь видели? — спросил Толик Сукач.

— Еще бы! И не однажды. — Алексей Семенович еще раз окунул взглядом палатку и вышел.

Солнце проникало в палатку прямыми лучами, в которых бурлила пыль.

— Дела, — сказал Витька.

Мы сидели молча.

— Вот это здорово! — сказал наконец Толик Сукач. — Лично я рад приезду Задорожного. Теперь у нас в команде будет свой мастер спорта. И какой мастер!

— А кто такой этот Задорожный? — спросил Сашка Маленький.

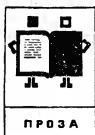
— Боксер, — сказал Витька.

— Еще какой боксер! — воскликнул Толик. — Чемпион Украины, призер первенства Союза прошлого года. Должен был работать с американцами, но передвин руку за неделю до матча.

Сашка Маленький вскочил.

— Придет Олег, а ничего не готово. Нужно все переставить, иначе его поселят с другими.

Рисунок
М. ФЕДОРОВА.

ПРОЗА

Мы с Витькой отправились на склад и получили все, что надо.

— Ты возьми спинки, — сказал Витька, — а я понес тумбочки. За секундой потом вернемся.

— Не повезло Саше Большому, — сказал я по дороге. — Задорожный ведь тоже весит семьдесят пять. Придется Саше с ним работать.

— Да.

— Старик наш, ты видел, прямо ног под собой не чуешь. Шутка ли, призер Союза будет у него тренироваться целый месяц!

За завтраком только и разговоров было, что о Задорожном. Потом мы всей командой вышли из столовой и расположились на скамейках у входа в лагерь. Мы ждали, пока к воротам лагеря подкатят автобус. Сашка Маленький то и дело выбегал за ворота. Мы все помсевались над Сашей Большим, гадая, как его отпугнут Задорожный на первую же тренировку, и над Толиком, который надел новую полосатую рубашку.

Но всех первенствовал наш старик. Он явился в костюме и при галстуке. На пиджаке были орденские планки. Брюки едва доходили до циклокоток, открывая зеленые носки и модные лет восемь назад остроносые туфли. Седой пух на его голове от возбуждения встал дыбом. Не обращая на нас внимания, он принялся прохаживаться по аллеи, то и дело вынимая отложенный носовой платок и промокая лоб и виски. Он был похож на кого хотите, только не на тренера по боксу.

А солнце между тем пекло вовсю. Сашка Маленький еще раз вышел за ворота и, бросившись назад, заржал:

— Глядите, едет!

Мы вскочили со скамеек. Алексей Семенович выхватил платок, быстро-быстро отер лицо и затопкал платок в карман.

Облупленный автобус остановился около ворот. Дверцы его открылись, и на утоптаный песок дороги спрыгнул парень. Он пожал руку шоферу и направился к нам, размахивая огромной синей сумкой с белыми буквами «Adidas». На нем была розовая рубашка, джинсы и вельветовые туфли на мягкой подошве. Оншел не к нам, а на нас, я почувствовал его мгновенный взгляд, которым он окинул всех, будто прикидывая, кого первым сбить с ног.

— Чего? Давно ждете? — спросил он, подойдя к нам вплотную.

Внезапно Алексей Семенович оказался между нами.

— Вот, ребята, — сказал он. — Это Олег Задорожный. Он будет с вами тренироваться.

И дальше наш старик заговорил о том, что все условия для тренировки боксеров в спортивлагере есть, водная станция дает лодки, режим несторгий, и со-блудение его никому не в тягость. Он говорил, пока минутно вытирая платком лицо и заглядывая в глаза Задорожному. Когда он сказал, какой тут воздух, Задорожный усмехнулся.

— ВЫ, конечно, подружитесь, — сказал Алексей Семенович. — Тебе отвели место в первой палатке. Если возникнут неудобства, обращайся ко мне...

Тут Задорожный жестом остановил нашего старика, повернулся к нам и неожиданно подмигнул. Или мне показалось, что подмигнул? Жара была адовая.

— Пойдемте, — сказал Задорожный. — Посмотрим на ваше гнездо.

Алексей Семенович шел впереди, указывая дорогу.

Мы оглядели нашу палатку и кровать, предназначенную для Олега Задорожного. Алексей Семенович

предложил показать ему, где находятся столовая и ринг, но Задорожный отказался.

— Не будем опережать событий, — сказал он. — Ребята покажут.

— Ну, правильно, — ответил Алексей Семенович. — Отдыхай.

Он повернулся и пошел прочь от палатки.

— Обиделся, — сказал Задорожный. Он поставил сумку в проход между кроватями и повалился на свою постель. — Эти старики, — сказал он нам, — ужасно вздорная публика.

Толик понимающе ухмыльнулся.

— Я его знаю, — продолжал Задорожный. — Я ведь начинал у вашего первого тренера, Прилуцкого. А старик — ходячий анекдот. Да сядьте, чего вы стоим?

Только теперь я хорошо рассмотрел Олега Задорожного. Он был загорелый, но не так, как люди загорают на отдыхе. Кожа у него была будто выдублена, золотистые волосы закручивались плотными, тугоими завитками, и лицо такое, что видно — как бы его ни ударить, он ни капеем не замкнулся. Зато, когда он улыбался, трудно было не улыбнуться в ответ.

— Правда, что ты должен был работать с американцами? — спросил Толик.

— Правда, — ответил Олег.

Сашка Маленький пристроился рядом с Толиком. Мы не сидели с Олегом глаз.

— Сломал палец на спарринге за неделью до матча, — сказал он. — Изменило бойцовское счастье. — Олег поднял руку, растопырил пальцы. Сустав большого пальца был увеличен, как от укуса осы. Мы все глядели на его руку. Потом он скат ее в кулак. — Теперь прошло, — сказал он. — А то совсем не мог ударить.

Некоторое время Олег лежал молча, и я было подумал, что он задремал.

— Ну, — сказал он наконец. — А у вас что слышно?

— Готовимся к Универсиаде, — сообщил Толик.

— А-а. Тренер вас не мучает?

— Почему он должен нас мучить? — осведомился Витька.

— Так. Вздорный старик. Главное, ни черта не смыслит в боксе. Ну, да ладно. Расскажу как-нибудь.

Он зевнул и потянулся так, что кровать застонала под его телом.

— Ты будешь работать у нас на кафедре физкультуры? — спросил Толик Сукач.

— Ага. Будете сдавать мне зачеты. А может, и тренироваться.

— Как так? — спросил Сашка Маленький.

— Возможно, я буду работать у Прилуцкого вторым тренером.

— Но у нас уже есть второй тренер, — сказал Саша Большой. — Алексей Семенович. Разве ты не знаешь?

— Вот-вот. Алексей Семенович. — Олег глубоко вздохнул и совсем зарылся в подушку. — Не выпадался, — сказал он едва слышно.

Толик Сукач поднялся и сделал нам знак, чтобы мы вышли из палатки. Уходя, я видел, как Олег Задорожный лежит ничком на заправленной нами постели. Мы вышли на запытую солнцем площадку между двумя рядами палаток и остановились у фонтанчика с питьевой водой.

— Ну вот, — сказал Толик Сукач. — Теперь у нас будет настоящий тренер.

— Понятно, — сказал Витька. — А чем тебе плох наш старик?

— Он не тренер. Он ничего не смыслит в боксе. Слыхал, что Олег говорит?

— Слыхал.— Витька сощурился.

— У боксера должен быть свой почерк, своя манера боя. Свой индивидуальный стиль. Наш же по-настоящему не имеет о таких тонкостях.

— Ну, тебе-то манера ни к чему. Прогибывать ноги в чулках можно и без манеры. Особенно, если бояться их так, как ты.

Толик стоял, склонившись над фонтанчиком. Он глядел на Витьку снизу вверх. На шее у него простили красные пятна.

— Вот именно,— сказал он с расстановкой.— Считай, что я хочу научиться не прогибаться новичкам. И уж лучше я буду брать уроки у Олега, чем у какого-то старого дурака!

Ну, ты!

Толик отскочил от фонтанчика и поднял кулаки к животу. Ему взяла Витька за руку. Саша Большой стал между ними.

— Хватит,— сказал он.— Кончили.

Витька резко вышибодил руки. Он все смотрел на Толика. Потом повернулся и пошел от нас по аллее.

Я догнал его у лодочной станции. Мы спустились к самому берегу, туда, где над водой росла осока. Витька остановился и поглядил ладонью темный ствол дерева.

— Не нравится мне, что Задорожный приехал,— сказал он, не обрашиваясь.

Я смотрел, как под нами в темной воде, среди сплетений водорослей снуют малыши. Солнечные зайчики, словно лужицы света, трепетали на самой поверхности.

— А на меня Задорожный произвел неплохое впечатление,— сказал я.— Сразу видно, что он человек дела.

Витька прижался щекой к стволу дерева и поглядел на меня.

— Поступай,— спросил он.— Ты никогда не слыхал о Толе Батыренко?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Так... Ты действительно не мог знать его. Ты ведь начал тренироваться год на два позже меня.

— А какое отношение к этому имеет Задорожный?

Хочешь, расскажу, как Олег Задорожный становился чемпионом Украины? Он дважды проигрывал Толе на областных соревнованиях. Из-за этого даже на первенство республики не мог попасть. В один прекрасный день являлся Задорожный в первую сборную и просит дати ему потренироваться. Наш Полуянов даже обрадовался, что Толе будет с кем постоять. Говорят: «Олег, только ты посторожи-жей, мы ведь послезавтра на первенство уезжаем». В общем, они начали боксировать, а Полуянов стоял за рингом и только остановил их, чтобы сделать замечание. Задорожный что было силы трахнул Толю после команды «Стоп!». Потом он извинился, сказал, что не услышал команды, и ушел. А Толю увезли «Скорая». Так Задорожный стал чемпионом.

— Не может быть! — сказал я.

Витькины глаза стали совсем маленькими.

— Говорят, такой же номер не прошел у него с Баевым. Рассказывают, что Баев вовремя уклонился на отборочных, а не то ехать бы Олегу первым номером на первенство Центрального совета.

— Ладно. А что стало с тем парнем, с Батыренко?

— Ему нельзя было боксировать по меньшей мере год, да и потом не следовало пропускать ударов, но только он никак не мог поверить, что все кончилилось. Не прошло и полгода, как он начал выступать. Его

нокаутировали на первенстве профсоюзов, потом еще раз, и тут уже он понял, что бокс не для него, но было поздно. Он начал терять зрение. Я встретил его за два дня перед отъездом сюда. Он узнал меня, лишь подойдя вплотную.

— Может, Олег все-таки случайно?

— Говорю тебе, это не единственный случай. А теперь прокажет сюда и берет в оборот нашего старика.

— Ну, его-то он не трахнет после команды «Стоп!»— Как знать,— сказал Витька.

Теперь он тоже смотрел на воду, в которой у самого берега сновали малыши.

Обед прошел, и мы вернулись в палатку. Олег Задорожный и не думал просыпаться. Он по-прежнему лежал на животе, обхватив руками подушку. Мы тихонько завернули полы палатки, чтобы было не так жарко, и тоже улеглись. Толик Сукач с нами не разговаривал. Он достал из тумбочки журнал «Вокруг света», устроился поудобней на постели и стал читать его с середины. Мы лежали и ждали, пока спадет жара. Потом около пяти собрались и пошли на тренировку.

Алексей Семенович уже поджидал нас у ринга. Он назначил Сашу Большого дежурным — заметьте, сосновые иглы, нападавшие за ночь на ринг. Мы повесили мешки на перекладине у ринга, укрепили пневматические груши на станках и пристали разминаться.

— А где же Задорожный? — поинтересовался наш старик.

— Олег еще не проснулся, — ответил за всех Толик.

— Он и обед проспал, — сказал Сашка Маленький.

— Ну, правильно. Пусть отдыхает.

Мы закончили разминку, и Алексей Семенович сказал:

— Вова и Саша Большой отрабатывают в ринге. Остальные — к мешкам. Сашка Маленький путь постучит по грушам... Тебе надо больше стоять на снарядах, — добавил он Сашке Маленькому.

У нашего старика это вышло точь-в-точь, как у Прилуцкого. Отвернувшись — и можно подумать, что это Вадим Петрович распорядился. Сашка на дух не переносил снарядов, а пневматическую грушу во все видеть не мог.

Потом наш старик дал команду, что кому отрабатывать. Задания были те же, что назначал Вадим Петрович.

Тренировка уже подходила к концу, когда в глубине аллеи показался Олег Задорожный. Он шел к площадке, держа в руках свернутое махровое полотенце.

— А, Боксеры! — сказал он, подойдя к рингу. — Что новенького в искусстве кулакного боя?

Да, если он кому улыбался, трудно было удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

Все прекратили боксировать. Только Сашка Маленький машинально продолжал удирать левой по грушам.

— Да вот, тренируемся, — сказал Алексей Семенович.

— А я надумал искупаться, — заявил Олег. — Здесь, конечно же, не Флорида, но какой-то пляж все-таки имеется?

Мы объяснили ему, как пройти на пляж.

— Комиссии все ясно, — сказал Олег. Внезапно он усмехнулся, шагнул к станку и легонько отстранил Сашку Маленького. Протянул Сашке полотенце: — Подержи-ка.

Потом, как был — в розовой полотняной рубашке и в джинсах, — подошел к пневматической груше,

остановил ее ладонью и мгновение смотрел на нее, будто собирался запомнить, как она висит. Затем встал в стойку, легонько повел рукой, словно примиряясь, и сейчас же груша исчезла, будто вся растворившись в ровном покачущем гуле, возникшем вместо нее. Что он с ней вытворял! Упрыгнув голову, он наносил удары из любых положений, все убыстряя немыслимый, наворотный, невбообразимый темп; звук ударов стал похож на перстук колес поезда, несущегося на полном ходу, а потом и вовсе слился в густую неразличимую дробь; когда он достиг апогея, Олег пробил три акцентированных страшных двойных ударов и остановил грушу ладонью, как бы материализовав ее из пустоты, и все кончились.

— Приехали, — сказал Олег. Он опять усмехнулся, взял у Сашки полотенце и забросил его за плечо. Дишан он едва ли чаще обычного. Потом повернулся, оглядел нас всех и спросил: — Так где, где говорите, пляж?..

...Наш старик заглянул в палатку попозже. Он оставил Задорожным талоны в столовую.

— Глядите, — сказал он нам уходя. — Завтра вам придется с ним боксировать. Так вы уж постараитесь использовать такой случай. Сами видите, у него есть чем поучиться.

Ужинали мы вместе. За столом только и разговаривали, что о боях. Олег говорил об этом скромно, и, хотя он не старался хвастать, выходило, что побил чертову уйму народа.

— А были такие, кому ты проигрывал? — подал голос Сашка Маленький.

— А как же!

— В нашем городе?

Олег на мгновение задумался.

— Только Батыренко, — сказал он. На миг лицо его стало жестким, будто бы он сидел на стуле не в столовой, а в углу ринга. — Хороший был боксер. — Он помолчал. Потом сказал: — Ну, ладно. Это дело прошлое.

Мы вернулись в палатку, зажгли свет и принялись собираться на танцы.

— Олег, что ты хотел рассказать насчет нашего старика? — спросил Вилька.

— Какого еще старика?

— Ну, Алексея Семеновича.

— А... — Олег Задорожный стал к Вильке спиной, присеваясь перед зеркалом, укрепленным на перекладине у входа. — Там довольно занятная история. — Он взял с тумбочки графин, выпил немного воды в ладони и смочил волосы сбоку и на затылке. Потом снова пригнулся, смотрясь в зеркальце. — Прилуцкий, ваш тренер, был до войны призером Сокоза, — сказал он, не оборачиваясь. — Потом, когда война началась, он угодил в разведгруппу к нашему, так сказать, старику. Тот был вообще кадровый воин. Ну, а потому с ним, с вашим стариком, что-то стряслось, и его уволили в запас за год до окончания войны.

Он замолчал, оглядел себя в зеркальце, дунул на расческу и спрятал ее в карман.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Дальше было то, — сказал Олег, переодеваясь, — что старик не умел ничего делать, кроме как ворховодить там, в армии. Естественно, выбыв из строя, он оказался не у дел. И вот Прилуцкий — как, я уж не знаю, — умудрился отыскать его, когда закончилась война. Мало того, он взял его к себе вторым тренером. Загвоздка этой истории в том, что старик в жизни не надевал перчатки. Стало быть, тренер из него никакой. Но манера лезть со своими замечаниями и командовать осталась у него еще со

сlijahby. Не могу взять в толк, как Прилуцкому не надеется делать работу за них обоих.

— То есть как? Он вовсе не был боксером? — спросил потрясенный Толик.

— Говорю вам, не был. Когда-то до армии он имел разряд по борьбе. Олег еще раз оглядел себя в зеркальце. — Да черт с ним, — сказал он. Потом повернулся к нам. — Ну, кто со мной на танцы?

Толик поднялся с постели и, присев на корточки, стал искать под кроватью туфли. На нас, на меня и на Вильку, он даже не глядел.

— Пойдем, — сказал ему Олег. — Покажешь мне какую-нибудь королеву Шантеклер.

— Слышишь? — сказал Вилька, когда Толик с Олегом Задорожным отошли достаточно далеко от палатки.

— Да, — сказал я. — Не по делу получается. Думаете, он не врет?

— Не знаю, — сказал Вилька. — Ни разу не интересовался.

— Спихнет он нашего старика. Выживет его отсюда как птица дать?

— Увидим, — сказал Вилька.

Утром Олег Задорожный ушел бегать кросс по лесу еще до того, как мы проснулись.

За завтраком разговаривали мало. Зато Алексей Семенович чувствовал себя именинником. Видели бы вы, чтотворилось с нашим стариком. То же самое было на тренировке. Пока мы разминались, он прохаживался вдоль помоста ринга, заложив руки за спину, и разглядывал нас с таким видом, будто тем, что сюда приехал Олег, мы обязаны ему, нашему старику.

Тем временем Олег разделился — снял новехонький шерстяной костюм и остался в форме: темно-синяя майка, голубые атласные трусы и высокие боксерки с торчащими языками. Он долго разминался, по-помимо забинтовал руки и, надев перчатки, вышел в ринг.

— Пойдем, — кинул он Саше Большому.

Мы обступили помост, чтобы лучше видеть, как наш Саша будет работать с Олегом Задорожным. Они были почти одного роста.

— Поработайте на одинаковые удары, — посоветовал Алексей Семенович.

Будешь работать левой. Когда пробью по печеням, отвечай справа. — Олег даже не посмотрел на нашего старика.

А наш старик вовсе не замечал этого. Или не хотел замечать, я уж не знаю.

— Глядите! — подталкивал он нас. — Сейчас они начнут отрабатывать. Олег будет бить левой снизу. А Саша должен не подставлять себя под удар.

Задорожный нетерпеливо глянул на него из ринга. Он уже вложил капу и ждал, пока наш старик перестанет трепаться и даст команду боксировать.

— Алексей Семенович, — сказал я. — А нам что делать? Может, мы пока постоим на мешках?

— Нет. Лучше поглядите на Олега. От этого будет больше пользы.

Мы так и остались стоять с надетыми перчатками.

Алексей Семенович поднял руку, будто давая старт забега.

— Время! — и включил секундомер.

Чтобы говорить, Олег, конечно, был на высоте. Даже когда был левой подготовительные удары, у Саши всякий раз откладывалась голова — настолько точно Олег их посыпал. Быстро, собраный, неутомимый, он не просто механически повторял отрабатываемый удар. Впечатление было такое, будто Саша в один миг разучился защищаться. Да, пожалуй, Олег боксировал лучше всех, кого мне самому доводилось видеть на ринге. Саша снова замешкался у ка-

натов, Олег мгновенно сократил дистанцию, нырнул, минуя встречный удар, и пробил левой по печени. Саша согнулся пополам.

— Класс! — сказал рядом со мной Толик Сукач. Наш старик совсем развернечился. Он вскочил со скамейки, на которой сидел, и крикнул Саше: — А ты не давай себя ударить! Он бьет, а ты не давай!

Потом опомнился, виновато посмотрел на Олега и опустился на скамейку.

— Придиорук, — пропыхтел Толик.

Наконец Саша отдохнулся, и они начали снова. Не прошло и полминуты, как он повернулся к Олегу спиной и пошел от него по рингу, прижимая перчатками правый бок, куда только что получил удар.

— Слушайте, — сказал я Алексею Семеновичу. — По-вашему, раунд вообще никогда не кончается?

Он посмотрел на меня так, будто я не Сашу, а его самого спас от неминуемого нокаута.

— Время! — выкрикнул он.

Они разошлись по углам. Алексей Семенович вскарабкался на помост и начал что-то втолковывать Саше. Сашине лицо было залито потом. Думаю, он и сам сообразил, что ему надо делать.

Во втором раунде Саша стал бить в место предполагаемого ухода. Когда он попал на Олегу, тот обозлился, под глазами у него заглянули красные пятна. Теперь он всего себя вкладывал в удары. А Саша Большой знал свое: для того, чтобы ударить с левой, Олегу надо выйти влевую сторону, туда Саша и бил.

Самое смешное, что со стороны казалось, будто они просто отрабатывают технику боя, только Олег сердится, что у него не выходит задуманный удар. Конечно же, наш старик решил, что так и надо и что благодаря его советам Саша удачно защищается. По-видимому, нашему старику здорово не терпелось высказаться. Верите ли, он да «время» гордо раньше, чем надо. Верны дводцать секунд до конца раунда.

Теперь он обошел помост и влез в угол, в котором отдыхал Задорожный. Олег стоял спокойно, облокотившись на канаты, но за версту было видно, что он зол как черт.

— Ты вот чего, Олежек, — сказал ему наш старик. — Ты не лезь направол. Если не знаешь, как быть — отступись, подумай. А то, видишь, и тебе начинает попадать.

Не зря Олег был призером первенства Союза. В жизни ни повер бы, что человек способен так молниеносно обернуться.

— Кстати отсюда, старый дуралей! — заорал он в лицо нашему старику. — Видели наставника? Я кому говорю, уйди от ринга!

От неожиданности Алексей Семенович подался назад и, не схватясь, он за верхний канат, точно упал бы с помоста. Лицо его дрогнуло, и я успел подумать: сейчас он заплачет. Он поднял руки к груди и медленно выпир ладони о старую рубаху. Оглядев нас всех, потом отвел глаза, будто никого не видел. Неловко взмахнув руками, он спрыгнул с помоста, повернулся и, подняв плечи, пошел прочь от площадки. Ветер шевелил седой пух на его голове.

— Наконец-то, — сказал Олег, глядя в удалящуюся спину Алексея Семеновича. — Жаль только, скундербунт унес. Ну, да ладно. Эй, гвардия, у кого есть часы?

— У меня! — крикнул Толик Сукач. Он мгновенно перчатки, порылся в сложенной на скамейке одежде и, найдя часы, поднял их над головой.

Мы глядели, как наш старик идет обратно в лагерь. Оншел не по аллее, а напрямик.. Шел, как

незрячий, огибая деревья лишь приближившись к ним вплотную. Старый, выцветший его костюм мелькал всплескением солнечных пятен.

— Годится, — сказал Олег Толику. — Будешь давать «время». Ты еще можешь работать? — обратился он к Саше Большому. — Если нет, то отыхай. Кто хочет работает вместо него?

— Я, — сказал Витька.

Прежде чем мы успели опомниться, он вскочил в помост, стремительно нырнул под канат и вошел в ринг.

— Ты пока отдохни, — сказал он Саше, придержал ему канат, потом повернулся к Олегу.

— Я хочу с тобой поработать, — повторил он.

— Ладно. Что будем отрабатывать?

— Свободный бой, — сказал Витька.

— Свободный бой?! Ты хочешь отрабатывать свободный бой?! — изумился Олег.

— Ага, — сказал Витька.

— Что ж. Можно... Три раунда по три минуты.

Олег все смотрел на Витьку. Потом спросил:

— Ты еще не передумал?

— Когда передумая, я дам тебе знать.

— А, — сказал Задорожный. — Ладно.

Мы молча стояли у помоста.

— Оставь его! — не выдержал Сашка Маленький. — Он же тебя убьет!

Витька даже не посмотрел в его сторону.

— Время! — выкрикнул Толик Сукач.

Они сошлись в центре ринга. Задорожный — огромный и вместе с тем легкий, как берегуны или футбольист, словно стремительность, заключенная в нем, предназначалась вовсе не для того, чтобы увертываться от чужих ударов и тем более скручивать самому. И Витька — хрупкий, в аккуратной стойке, будто позиция могла его убечь. Да, Витька показал, на что способен. Дважды Олег пробовал подойти к нему без удара, и оба раза Витька был навстречу. Когда Витька со второго раза попал по нему, Олег только головой тряхнул. С этой минуты он взялся за Витьку всерьез. Низко пригнувшись, он перемещался по рингу, с каждым движением подбираясь к Витьке все ближе и ближе, и, когда ворвалась в ближний бой, Витька попробовал сделать на кладку, да только это было совершенно бесполезно, Задорожный разорвал дистанцию, послал Витьке в голову длиннейший правый прямой и в миг, когда Витька подставил перчатку, пробил левый сбоку. Витькина голова мотнулась в сторону, и медленно, будто сядьши мимо стула, Витька опустился на пол.

— Раз! — крикнул Толик.

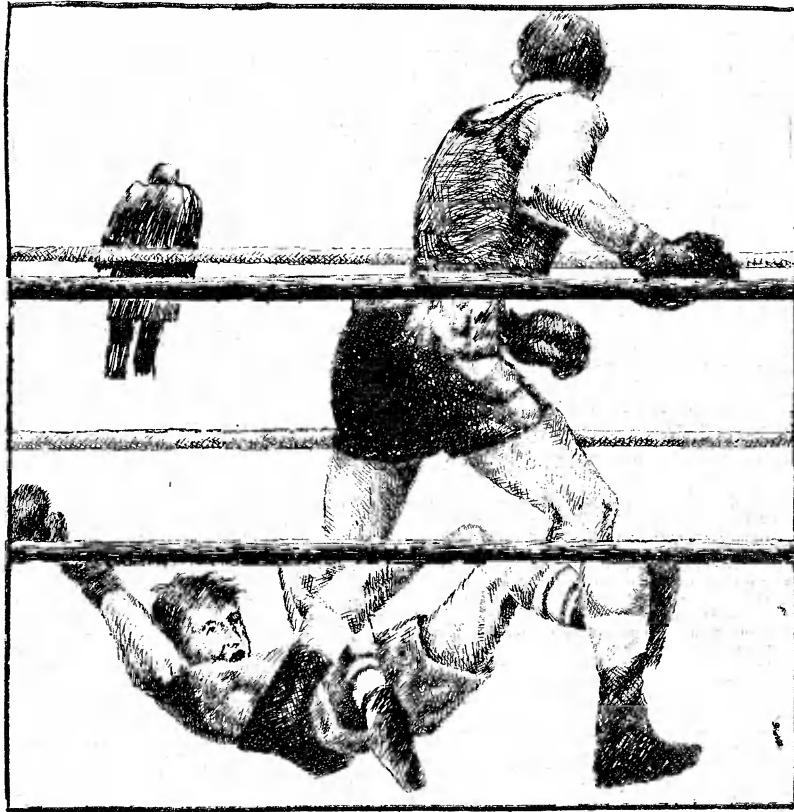
Витька лежал на брезентовом полу ринга, запрокинув голову. Задорожный оглядел его, потом вынул перчаткой капу из рта и пошел в дальний угол.

С трудом мы вывели Витьку из ринга и усадили на скамейку в тени. Сашка Маленький накомил два полотенца. Одно мы приложили Витьке к сердцу, другое — к затылку. Саша Большой сел рядом с Витькой, обняв его за плечи и придерживая полотенца. Белесая Витькина голова запрокинулась назад.

— Наверное, сотрясение, — шепнул мне Сашка Маленький. — Если начнет тошнить — надо доктора.

Внезапно я увидел, как Олег смотрит на нас с помоста.

Он стоял, расслабившись, облокотившись на стойку ринга, и глядел, как мы возимся в Витьке. Лицо у него было, точно у мальчишки, разглядывающего разорванный муравейник. Верно, так же он смотрел, когда пытались привести в себя Толю Батыренко, которого я уже никогда не увижу на ринге. Солнце светило между деревьями у Олега за спиной.

Нельзя было не залюбоваться Олегом, поверьте моему слову.

И только тут я заметил, что все еще не снял перчатки.

Я взобрался на помост и, пригнувшись под канатом, вошел в ринг.

— Поработай со мной,—сказал я Олегу.

— Номер второй! — провозгласил Толик.

От восторга, что сейчас Олег Задорожный еще и меня собирает с ног, он готов был петь.

— Послушай, паренек,— мягко сказал мне Олег.— Лучше присмотримся к своим приятелем. Целее будешь.

— Нет, мы с тобой поработаем.

— Ты и впрямь настроился поддаться, а?

— Да,—сказал я.

— Что ж,—сказал Олег.— Тогда не будем откладывать.

Он вложил капу и кивнул Толику.

— Время! — выкрикнул Толик.

Олег пошел на меня из угла, я что было силы трахнул его в голову со скакча и, конечно же, промахнулся. Он оттолкнул меня и снова стал приближаться, вызывая на удар. И тут я понял, что чукастюкал Витька несколько минут назад и почему Саша Большой боксируя с Олегом, производил впечатление человека, впервые надевшего перчатки. Я понял, что он нокаутирует меня, когда ему вздумается: захочет — сейчас, захочет — через минуту. Я совсем не видел его, знаете, это бывает на ринге. Потом Олег начал бить. Я лишь защищался. Я только и мог — ударить его справа, если он пойдет на меня. Когда Олег вошел в дистанцию удара, я послал ему правый в голову. Он ударил вразрез, и подбородок у меня будто замерз. Я метнулся к нему, увернулся от встречного удара, пробил левый сбоку и пустил правый в голову. Я увидел, как лицо его отклонилось и удар прошел мимо, и тут меня ударила в лицо тя-

желая, обжигающая волна. Я протянул руку, нащупал канат и взялся за него, стараясь обхвачить равновесие. Под полом ринга словно проложили доску, и мне почудилось, что я упаду, если сойду с нее, а немного погодя я испытал дурноту, будто целый день курил. Потом все кончилось, и только тогда я почувствовал, как что-то горячее течет у меня по щеке.

— Что и требовалось доказать! — услыхал я торжествующий голос Толика. — Номер второй — рассечение!

Я вытер перчаткой лицо и открыл глаза. Точнее, один глаз. Другим я все равно ничего бы не увидел. Окружающее повернулось передо мной, как бы собираясь опрокинуться, потом все стало на свои места: Сашка Маленький, протягивающий мне из-за каната полотенце, его перчатка, круглая и блестящая, а дальше, за них — плотная стена напряженных лиц и разноцветных маек — наши ребята, обступившие помост. Я взял полотенце, приложил его к лицу. На нем было полно кровянистых пятен.

И тут Сашка Маленький выскоцил на ринг.

Олег Задорожный стоял в дальнем углу, с виду безразличный, и с первого взгляда можно было подумать, что ему все нипочем, но я-то чувствовал, что ему не по себе.

— Боксируй со мной! — крикнул Сашка Маленький и поднял перчатки подбородку.

Толик Сукач засмеялся.

— Еще один самбукайца, — сказал он.

Боксируй со мной! — крикнул Сашка Маленький, подступая к Олегу.

— Вы что? — спросил тот холодно. — С ума посходили?

— Будешь ты драться или нет?

Теперь они стояли друг против друга, и Сашка Маленький едва доставал ему головой до локтя. Неожиданно Олег шагнул вперед и, обойдя Сашку, пошел по рингу, развязывая зубами шнурков на перчатках. Там, видно, был завязан хороший узел. Олег спрыгнул с помоста и протянул перчатки кому-то из ребят.

— Развяжи!

Парень смотрел мимо него.

Олег шагнул к другому. Тот тоже отвел глаза.

— Ладно, — сказал Задорожный.

«Ой подошел к скамейке, на которой сидели Витя и Саша Большой, взял в охапку свой новехонький шерстяной kostюм и, как был — в форме и боксерках — направился в палатку».

Он шел тем же путем, которым уходил отсюда наш старик.

Толик Сукач схватил свои вещи и бросился догонять Олега Задорожного.

Мы отвели Витяку к врачу, тот осмотрел его и сказал, что надо делать. Потом замазал мне бровь мастикой, дал нам синевицкой промежки и мазь. Он сказал, что Витя лучше не боксировала полгода, а то и больше. Он сказал это мне и Саше Большому.

Когда мы вернулись в палатку, ни Олега Задорожного, ни его вещей там уже не было. Толик, по-видимому, провожал его до ворот.

— А все-таки какой боксер! — сказал Сашка Маленький.

— Да, — сказал Витяка. — Боксер он классный, ничего не скажешь.

— Мастер есть мастер. Но каков Толик!.. — засмеялся Саша Большой. Лицо его было опухшим, особенно губы.

Едва я лег, в палатку вошел Толик Сукач.

— Умнычи, — сказал он. Он оглядел нас по очереди и ухмыльнулся. — Выжили Олега и думаете, это

вам сойдет. Вас вышвырнут из команды в ту минуту, как Вадим Петрович узнает о вашей самостоятельности. А вот когда Олег станет у нас вторым тренером и преподавателем физкультуры, я хочу увидеть ваши рожи. Старик вас не спасет, не надейтесь.

Он засмеялся и сделал нам «козу».

Саша Большой подмигнул мне, и я спустил ноги с кровати. Голова болела, и, когда я сел, перед глазами у меня поплыли радужные пятна.

— Давай, — сказал Сашка Маленький.

Саша Большой взял постель Толика и свернул матрац так, что простыни, одеяло и подушка оказались внутри. Я достал из-под кровати чешомад Толика и запихнул в него содерхимое его тумбочки.

— Что вы делаете? — зароптал Толик.

Сашка Маленький снял со спины кровати его по-сплатую рубашку и толкнул Толика в выходу.

— Проваливай, — сказал он.

Мы подвели Толика к забору неподалеку от ворот. Саша Большой перекинул матрас по ту сторону забора, потом рубашку и чешомад.

— Мы обьявим, что ты уехал, — сказал Саша Большой. — Если ты вернешься, получится, что мы сорвали. Ты ведь не допустишь, чтобы о нас так думали.

Алексей Семенович зашел нам в палатку спустя часы. Он оглядел пустые кровати Толика и Олега и тяжело сел.

— Болит голова? — спросил он Витяку.

— Нет, — сказал Витяка. — Пока не особенно.

— А ты как?

— В порядке, — сказал я ему.

Видно было, что нашему старику здорово неловко. — Может, сейчас не время говорить, — он откашлялся. — Но посмотрите, что получается. Олег уехал, Толик жалуется, что вы не даете ему жить в палатке...

— И не дадим, — сказал Сашка Маленький. — Будьте уверены!

— Вот видите. Врач сказал, что Витя не сумеет боксировать полгода. У Вовы рассечение. Что я скажу Вадиму Петровичу? В каком виде я представлю команду?

Похоже было, что наш старики здорово струхнул.

Витяка слушал его, закрыв глаза. Неожиданно он сел на кровати и поморщился от боли.

— Неужели вы испугались, Алексей Семенович? — спросил он нашего старика. — Если да, то скажите. — Он помогал. Потом сказал: — Вы ведь воевали. Как же вы испугались сейчас?

Видели бы вы, как наш старики побагровел.

— Никого я не боюсь, — буркнул он. — И сейчас не война.

— Правильно, — сказал Витяка. — Тогда скажите Вадиму Петровичу, что мы выжили Олега и выгнали Толика. И объясните, почему.

— Расскажите Вадиму Петровичу все, как было, — сказал Саша Большой.

— Вы наш тренер, и не о чем вам беспокоиться. Мы же вас любим, — сказал Сашка Маленький. Он улыбнулся.

Витяка снова поморщился и лег на постель. Наш старики смотрел на нас, сидя на кровати. Потом взял его и остановился на Витяке, лицо стало совсем старческим.

— Здорово тебе досталось, а? — спросил он Витяку.

— Нет, — ответил Витяка. — Это пустяки.

г. Харьков.

Марина КНЯЗЕВА

Марина Князева
учится на факультете
журналистики МГУ.
Ей 23 года.
Статья в «Юности» —
первая критическая
публикация Мариной.

С ЧЕМ ПРИХОДЯТ В СТРАНУ ПОЭЗИЮ

(По страницам
поэтической серии
«Молодые голоса»)

Сложные процессы происходят в наше время с человеком в юности: биологическая зрелость обгоняет социальную. Еще более сложно эти расхождения отражаются на литературе. Сейчас изменяются темпы самого литературного процесса: если смена поколений прозаиков «начинает все заметнее обгонять смену поколений в общепринятом значении этих слов», как было отмечено критикой, то, наоборот, смена поэтических поколений начинает все больше «отставать». В самом деле, в течение шестидесятых годов появились и «умы в классики» поколения Ч. Айтматова и Ю. Бондарева, затем В. Шукшина, В. Быкова, потом — Г. Матвеева, Е. Распутиной и других. В поэзии, которая искони считалась привилегией юности, как «молодые» запомнились те, кто и был таковыми... в середине пятидесятых годов.

Понятие «молодой поэт» ныне так же расплывчально, как общепринятое обращение «девушка». Возрастные рамки дебюта растягиваются от 14—15 до 40 лет, так что на первый сборник интересно посмотреть не только как на заявку, но и как на капитал, с которым человек приходит в страну Поззии.

Единый облик молодой поэзии середины семидесятых годов еще не сформировался, скорее можно говорить о диапазоне наклонностей, о тенденциях. Изменившееся общее звучание поэзии не нашло еще заключенного выражения. С одной стороны, постоянная тяга к достижению общего смысла жизни, а с другой — поэтизация ее деталей, часто бытовых. В эти пределы умещаются и удача и просчеты современной молодой поэзии. Стремление к глубине зачастую обращается черезсчур общим, а следовательно, размытым и невыразительным изображением. Поэтизация конкретности нередко приводит к легковесным зарисовкам. За ошибками первого рода укрепилось название «книжность», вторые говорят о бытовизме.

Тоненькие книжечки с рубрикой «Молодые голоса» (издательство «Молодая гвардия») тут могут быть красоречивой иллюстрацией. Зачастую голоса молодых поэтов звучат ученически-неопределенном или ученически-прямолинейно. Но есть и такие, которые несут в себе дыхание настоящей поэзии, и, читая их, испытываешь то чувство просветления, которое пробуждает встречу с подлинным творчеством.

«Березы за стрельбицем» Виктора Сычева — один из самых выразительных сборников в серии. Поззия Сычева (что вообще характерно для «Молодых голосов») автобиографична.

Долгое время он служил в рядах Советской Армии, и это во многом определило для его героя «дней связующую нить». Молодой человек служит в армии в мирное время, но его творческий мир начинается с грозной ноты...

Рассвет вставал,
ночным дождем промытый,
но показалось —
грожнула гроза.
Сказал посредник:
— Вы, сержант, убиты.
— Командуйте! —
Кому-то он сказал.

Командуйте...
Растерянно смотрели
мои ребята молча на меня.

А я — убит.
Разорван ли, застрелен,
но нет меня с сегодняшнего дня.

Острота гибели! Погибшие, павшие... Как много открывают эти слова для нас, сегодняшнего поколения, во многом начинающего понимать свою историю с постижениями Великой Отечественной войны. Для нас земля — не только поле и вечное первоначало человека — она оставила землю, ее спасли. А окружающие — не просто живые. Они — и есть мы.

Смотря на свою и общую жизнь как бы из Вечности, поэт ищет самое важное, ответственное, болевое в мире, чтоб туда себя — живущего — направить. Максимализм? Возможно! Но в его позиции чувствуеться такое достоверное, человеческое, а главное — такое честное стремление к самоотдаче, такую силу нравственных идеалов, что и самому хочется жить по законам максимализма. Вершиной, что искрени, выпущены стихи в сборнике «Березы» за стрельбищем и что такие стихи, такие позиции необходимы, и не только для В. Сычева.

Иногда даже кажется, что, чем больше мы удаляемся от войны, тем обостреннее и осознаннее чувствуем ее. Плотность, контрастность, обнаженность военного бытия, наложенные на нынешние события, словно помогают четко и фундаментальное выделить в них систему этических и эстетических ценностей.

Осмысливать войну не как прочувствованное чужое прошлое, а как бы заново, непосредственно, принять ее в свою жизнь, в свой опыт — к этому стремятся сегодняшние молодые поэты. И это единство прошлого и настоящего не замкнуто. В него врывается мысль о будущем. И ее В. Сычев преломляет по-своему: трагично и ответственно. Где-то на натовских полигонах его ровесники целятся в него.

Где-то на натовских полигонах
его ровесник целятся в него.
Как веяят армейские уставы,
под борзы мицени,
не дыша,
не дрогая,
одиноко машутку вправо,
где предполагается душа...

Не смотря, что парни без рогатий,
что мицени без борзы не видят.
Это я — расщепленный кружами,
с яблонком-декаткой посередине.

Весь свечусь я от сквозных пробоин,
зубы стиснулся,
и ни шагу вспять...

Тема минувшей войны так или иначе, более или менее явной нотой звучит в многих дебютантов «Молодых голосов», у одних обнаженно и усиленно, другие же находят ее пересечения с иными, новыми темами.

Именно так воспринимаются стихи Станислава Золотцева из книги «Зимнина радуга». Он знает, что «небо... всегда параллельно земле», что «дыханье городов, которые под тобою живут», зависит от наших общих усилий... Все, с чем встречается его герой в мире, воспринимается им в движении, взято в детальном, остром моменте преодоления. «Вражда с дремотой и покоям» составляет для Золотцева как бы сквозной нерв жизни. Образы сборника динамичны и напряженны.

Посмотрите на эту ель, когда она,
отряхнув свои пружинистые крылья,
острой маковкой в зенит устремлена,
вырастает под осевший снежный пылью.
Из брешащих хрустя снегом,
чья-то перенесенная судьба, крутоу, —
как проискано: она вправе в час заря
на холмах и столетним будущим старуга.

Все в этом стихотворении подчинено единой волевой интонации:

А в изгibaх деревянного ковша —
облик лебедя, и это не придуха:
это в дереве старается душа
воспарить над назначением посуды.

Воспарить! Преодолеть утилитарное, осилить промежуточное, достичь звенящей высоты. Не случайно слово это в книжке, логично воплощает оно в себе представление о цели и смысле общего порыва. Вот эта сквозная связь движения в сборнике:

Не обманывайся внешностью вещей:
это — дерево, а это — самолет.
Но у дерева в глубине его ветвей
тигла к несу нераскрыта живет.

Золотцуеву найти достоверный и неожиданный подход к изображению сегодняшней жизни в какой-то мере помогла судьба, реальная биография. Но к этой же цели ведут и другие пути, означенные другими характерами, другими интонациями.

Нужно сказать, что для молодых поэтов сегодняшние трудовые ритмы оказалось передать гораздо сложнее, чем военные. Здесь нередко дебютанты, не умея волгнуть огромность нового, переходят на простейший, рекламно-лозунговый стиль. Начинающий поэт сегодня — это, как правило, человек интересной биографии, судьба которого складывалась в стремлении многое повидать и попробовать, а главное — приобщиться к разным профессиям. Сегодня дебютанты склонны показать себя в своем творчестве не столько как поэтов «в чистом виде» (такие заявки в серии почти не встречаются), сколько утвердить свои широкие жизненные связи, свою чисто рабочую принадлежность и нужность этому миру. Отсюда в их поэзии проявляются неизбежные черты документализма. В орбиту поэтического изображения попадают обычные житейские моменты: спуск в шахту, изготовление детали, рабочий перекур. В этом новом материале — и сила и слабость серии.

Есть в серии книги, о поэтическом качестве которых абсолютно ничего сказать: слишком много здесь случаев, воплощающих против самой грамотности — не то что версификации, или идеиного смысла. В одной книжке, о которой в предисловии сказано, что молодой автор «обладает определенной культурой письма» и имеет в учителях своих Баратынского и Заболоцкого, уже первая строка безграмотна: «Знаю дело — и дел величайшее нет».

У другого начинающего читаем: «но явилось к земле тяготение, коли материю стала сама»; у третьего: «море стучало о землю»; у четвертого: «расшибляйте ремешки, кто поесть здоровый!», у пятого: «губы трижды встрепенулись в поне-зяух бабушки»; у шестого: «и, словно души замыла (?)», и словно большие так нелзя(?), мы напи субботини, намечаем. Идем на фабрику, на стан, идем на трактор и на кран...»; у седьмого: «На людях боргостный с виду, приумыл один на траву. И буду вами ниже (?) клоняться над вами на воле стений...» Несуразицы, нелепости.

И если я не называла фамилии молодых поэтов, то уж имена их редакторов и рекомендателей называть обязаны — Б. Лозовой, Вад. Кузнецова, С. Соловьевым.

В современном поэтическом мире очень высок эстетический центр. Чужеродно и наивно звучат строки, в которых бодячески, да и еще не совсем

грамотно перечислены трудовые операции или просто показаны смена жизненных впечатлений.

Поэтому истинными и свежими кажутся голоса тех поэтов, кто идет по другому пути — ищет собственное видение окружающей жизни, дает волю фантазии, чувству, образно, а не «отражательски» видит мир. Тут можно назвать книгу Лады Одинцовой.

Удивление — начало начал творчества, сила, вы являющая звук там, где, казалось, раньше была пустота, ничто. Л. Одинцова воспринимает мир не просто удивленно — потрясенно. Она, такой близкий, переполнен тысячью жизней и в силу этого громен, часто гиперболически персонифицирован: «Смеянье и размахивая руками, по городу ходят улицы...».

А потрясенность порождает трансформацию привычного. Весом и знаменем каждый день, потому что он — «день из бесконечности». В таком контексте, в таком общем звучании каждый миг и эпизод, даже рядовой, вырастает в выразительную укрупненную картину.

То был карьер гончарной красной глины.
В нем стрелы длинные оставили
дождь июльский.
Как будто здесь побоище свершилось.
Кровавая вода со дна светилась..

Не панцы, а тоненные свечи
Колеблют вечношь пламенем волос.
С прощально-изумрудными глазами
Бреши они к остынему карьеру.

У каждого сквозь теремок ладони
Прощевалась ящерка живая.
И все бреши протяжно панцы —
То был карьер гончарной красной глины.

Странное свойство преувеличения! Казалось бы, будничная зарисовка — гурба мальчишек, идущих к заброшенному глиняному карьеру. Но, отстраненный замедленной архаичной ритмикой и лексикой, построенный на протяжных интонациях, стих дает мгновению иной ракурс — некоей загадочности, воззвщенности.

Путя первоосмысливших будничного, поэтизации проявленного, когда на первый план выступают перевиражения, сопутствующие будничной жизни, постижение которых требует повседневных же усилий души, определила примечательность поэтических сборников двух москвичей: Татьяны Бек и Николая Зиновьева. Проблема для Н. Зиновьева — в попытке слить два начала нашей жизни: «сверхкоростей», делающих неустойчивым, как бы «проходящим» наш быт, глубины подлинных, нерасторжимых связей. Соединения, нерасторжимости ищет и жаждет поэт в мире. Вот почему одна из светильных фигур в его сборнике — Паромщик, соединяющий берега, и в противовес ему то и дело возникает мотив расставания, прощания. Сборник Н. Зиновьева «Столкновение» драматичен, трепетен, тревожен.

Как соединить «проливную жизнь» и вечные ценности? Может быть, поэтому почти в каждом стихотворении «Столкновения» присутствует мотив Памяти, переносящий нас в другую плоскость — внутреннее пространство человека, где действуют иные громкости, иные ритмы...

А Русь узнаешь по росе
еще с обрыза,
когда вся рожь и кони все
в росе по гризу...

И хлеб тяжелый от росы,
и все особы...
С двух до пяти, в ее часы,
сплыл хлеборобы.

Внутреннее пространство человека. Именно о нем больше всего размышляет Татьяна Бек. Ее сборник «Скорбевчики» привлекает прежде всего тонкостью восприятия, а также ощущением достоверной связи между творчеством и жизнью поэтессы. Стихи как бы вправду ведут в ее жизнь. Т. Бек не пытается озворотить себя и представить более заключенной и вывалой (с чем зачастую встречается у дебютантов). Ее книга полна юных, прозрачно-весенних мироощущений. Она прислушивается к миру и к себе, пытается найти целостность, согласование внутренней и внешней действительности. Создать себя, построить свой внутренний мир так, чтобы он в конце концов содержал в себе обиды начала жизни, а потому был нужен другим — вот какое направление поиска избрала поэтесса.

Мой внешний мир
с орной читальней,
троллейбусом и телефоном,
занесдал дороге дальний,
лесам глухим, полям бездонным!
Не знала я, что суть не в этом,
что дух...
Невысказанный, пленный,
И был бескрайним белым светом,
огромной маленькой вселенной.

Бек стремится не к эффектности, а к подлинности. Поэтому ее сборники звучат живо и как бы с той неровностью, какая бывает во внутренней речи или диалоге. Стихи естественны и даже, я бы сказала, умудренны настолько, насколько это возможно в творчестве молодого поэта.

Одна из важнейших постоянных сил в творчестве — стремление к гармонии. Но понимание ее может быть разное.

Для одних она означает динамически-напряженное, волевое противостояние многих сил, для других — снятие конфликта, благополучие.

Способность воспринимать повседневную жизнь напряженной — один из главных компонентов того, что я называла бы « капиталом» дебютанта.

В диапазоне между напряженным, глубоким миром-столкновением и спокойно-поверхностным миром-пребыванием можно расположить звучание «Молодых голосов».

«Теперь речь пойдет о поэзии другого рода. И названия тут иные. Сборник Сергея Чухина — «Дни покоя».

Исчезла поэтическая публистика. Пропали остросюжетные стихи. Нет больших контрастов, пародоксов, срывов интонаций, поэтической живописи пазуз и многоточий. Ровные блоки обкатанного «классического» стиха.

Поэзия С. Чухина означена двумя именами: А. Яшина и Н. Рубцова. С первым был знаком, а с провозвестником «тихой» лирики дружил. И в одном из последних стихов сборника, посвященном Н. Рубцову, С. Чухин определяет свою роль в поэзии так: «художник за последние грибами — за первыми ходили и мы без нас».

Сбор последних даров направления, открытого в шестидесятых годах Н. Рубцовым, выход «на промысел» на закате, на исходе сезона — вот какой видим и мы его судьбу.

Благословлены дни покоя,
Мини, белобочны, блинчи
И эти лодки на приколе,
И веселки мягкие реки.

Музыкальность, напевность. Стихи звучат замедленно, он должен завораживать, обернуть звучание магией. Легкое касание звуков.

Перед вами — панорамы. Пейзаж за пейзажем. Медленно движется камера. Замерла, затихла природа. Есть странная привлекательность в этих чуть элегичных, лирических взлетах и падениях интонаций сборника. Начинают возникать какие-то ассоциации — далекие, детские... Пока не прозвучит вневременное, внутреннее «стоп!». Что же это за идеал так последовательно разрабатывает поэт, в чем суть избранныго им жизненного стиля? Чем живут «Дни покоя»?

И вот тут видишь другое в сборнике — то, что называется устаревшим словом «благость». Благоление. Утешенность.

Как ясно, как чисто, как строго
Под соснами на ветерке!
Еще погуляем немножко
От дома невдалеке?

Успеем к вечернему чаю...

Тихое, неторопливое, безоблачное существование. Дни погоды, леса простодушны, все мирно, округло, просто. Жизнь людей вообще жизнь до этого замкнутого в самом себе, обтекаемого мира долегает слабым эхом, ненужным, отдаленным. Легонько. Пряято.

И постепенно вырисовывается идеал этакой милой патриархальности. Это приятное существование обнаруживается не открытием природы и человеческих корней в мире, как то было у Н. Рубцова, а... благодушiem.

Оно же неизбежно влечет за собой укрупнение мелочей существования, наслаждение рыбальчками, прогулочками. Вот уже и маниловские интонации появляются: «Мой добрый друг, он счастлив, как дитя, что я не нахвалился его мстами».

В то же время должна же быть какие-то тревоги у современного молодого человека, и вкраливаются в сборник туманные намеки на «затлеченность наших отношений», и такие «траги-плач» по «великим» поводам:

Подносили наше лето, ах, под самый иоренок,
Показались красно солнечны, позолотило рожь...
И начмыны выстывают в речке камень да песок...
Что, кузнецкий, что ты плачешь? Плачем лета
не вернешь.

Вот такие переживания.

Судьбы этого обладающего, по всей видимости, не плохими задатками поэта отразила процессы, происходящие со многими добросовестными последователями «тихой» лирики. Изображение «финикса природы», взятого вне жизней, требующих разрешения проблем, становится рисованием тех мелочных картинок, в которое превратился сборник «Дни покоя».

Увы, голос С. Чухина в серии не одинок. Близок по звучанию к «дням покоя» и сборник другого дебютанта «Молодых голосов», Александра Ревенко, «Степная грамота».

Лирико-пейзажная повесть, в центре которой — бесконечные блуждания полного неопределенной «горести» лирического героя, превращается в развернутую, монотонную проповедь безвольного, анимичного пребывания на лоне природы. Его стени переполнены родничками, цветочкиами, овражками.

А закрываясь сборником, представляя себе, что в ней, стени, царствует туманская хмаря и пундуне осенне увидание деревьев, и сама она «выливается» в росы. Но на самом деле в стени особая, резкая, континентально-гребоватая осень. Утром и днем сухо и жарко, ночью — холодно, но, как и знойный летом, как и всегда, как и типично для степи, сухо.

А. Ревенко рисует не степь, а абстрактный, условный пейзажный антураж для своего героя-дачника, у которого на душе постоянно «грустно и тепло». И степь его подобна миражу, и сам он — более мираж, чем живой, воспринимающий мир человек.

Я по траве бродил не раз
И провожал родную стаю...
Тепло под крыльышком у вас
Моей любви к степному краю.

Лучшие стихи «Степной грамоты»: «Я медлял с выстрелом...», «Крестьянка», «Матерь», «Волк» — написаны сдержанно, с чувством меры и достоинства, но эти остроты подлинной поэзии буквально тонут в расплывчатых туманностях, сентиментальной красотости. Говоря словами самого автора: «загнанных мест не распознать...»

И вот — закономерность поэзии — вслед за анимичным мелодраматизмом идут мелодраматизм или красоты. Ярчайшее подтверждение этому — «Черемуха» Татьяны Батуриной. Ее сборник некогда представили бы романтические девицы в виде маленько спектакля. В центре действия, конечно, Она, которая казалась «не в меру веселой». Но вот «вызигала ликующую радость встыдливой доселе кроини». Она просит некоего Его, чтоб он открыл «золотые мне клады своей поташенной любви». Но он — человек ненадежный, каверзный, и поэтому «помахивая вербами...» чтоб «подготовить» (?) этим «вероломство свое». А ее лицо дрожит в его зрачках, «как вербный лист на зябком водяной глади» — наверно, он еще и слезами, ведь в зрачках все дрожит, как правило, от влаги слез. Но, как водится:

Не удержать моих гусей,
Зазывной рошко сосновой,
И не с того ль в груди моей
Процальное созрело слово?

То есть он покидает ее.

Она страдает. Тут и «стынившей моей осины неприкаянной дрюжь», и «ловиликовые» слова, и «изпогаенная сирень», бескокичевые слезы, сны, «тяжкие прибуждения», бесплотное имя на губах.

Читая сборник, подчас думаешь, что заглянул в альбом проинципиальной девицы прошлого века.

Но чем же кончается пьеса? Да тем, что и кончается пьесы подобного рода: героиня «ушла от зловой беды», уединилась, и теперь она считает, что «за молодыми да ранними только следи да следи», потому что «всякое в жизни случается, долго ли тут до греха»!

Вот она, эволюция славского, псевдоромантического подхода к жизни: от эффектно обставленного «серыва» к житейски-блоской осторожности, тому, что называется «общденностью».

Конечно, эти разные дебюты, разные поэтические миры мы воспринимаем по-разному. Но в любом случае важно, из чего исходит поэт, из философской меры жизни или из житейской нормы. К чему стремится — к объемному воспроизведению мира в его динамике и сложности или к самоупокойственному рисованию мильых и эффективных картинок. Вот та грань, что издавна поделила стихи на два противостоящих лагеря — литературу и литературу.

Был, достойный серьезного рассмотрения, — или безделица. Долг жизни, молодости — или гражданско-е изживечество.

необходимые дополнения

Дебют критика — явление серьезное. В литературе все серьезно, но суждение о произведении искусства, по-видимому, все же дело ума зреющего, плод известного жизненного опыта, возможно, имеющего больший вес именно для этого многосложного рода литературной деятельности. Талант, мастерство, знание предмета в критике, мне кажется, особенно неподы, если они опираются на широкую объективность «взгляда» — объективность не в смысле справедливости и принципиальности суждений — это «элементарно», а как учет всесторонний и диалектический многих и многих слагаемых, которых приходится брать в расчет, говоря о произведении, анализируя его.

Слов нет, молодой критик подкупает нас порой именно отсутствием «глубокости» — за этим ощущаются максимализм требований, желание избежать соблазна за «диалектикой» потерять направление, цель, определенность вывода. (Что греха таинь, такими качествами «объективности», которые не заметно сплюзают в «лавутирование», — как называли, грубость, болезнь говорить правду Валентин Овечкин, — мы, увы, тоже болели.) Но речь не о том. Молодой критик в процессе своего идеиного и профессионального роста должен вырабатывать умение идти труднейшим, но и единственным достоянием путем: доказывать свое, отстаивать свое, не гнуться и не приспособливаться к обстоятельствам, но... выводя это «свое» из объективного анализа многих и многих фактов жизни и литературы, иными словами, бесстрашно позеряя прочность своих построений общественным опытом.

Нам всем кажется, что мы достаточно терпимы и справедливы. На деле же нет ничего труднее, как пожелать ознакомиться с чужими доводами, поставить внутреннюю логику оппонента, а потом уже, с высоты действительного понимания, можно и отвергнуть этот опыт.

Принципиальность, как итог упорного труда и знания, — вот

это принципиальность! Тут не просто убеждение. Тут — убеждение на фундаменте проверки фактами, утверждения своей правоты итогом анализа, отвержение других типов ради этой, своей проверенной и только потому победившей.

Вот к чему мы зовем молодых критиков.

Хорошо, что Марина Князева, чей дебют сегодня состоялся на наших страницах, человек принципиальный, убежденный в том, что она пишет. Сейчас я не говорю о правильности или, наоборот, ошибочности положений ее статьи. Об этом ниже. Хочу подчеркнуть главное: нравственную позицию молодого критика. Случай беспричинного поведения начинаяющих авторов дела — не резкого осуждения.

Другое дело — неопытность молодого критика. И тут при всех добрых качествах Марины Князевой, при верной направленности ее статьи, принципиальной требовательности к позиции — а она представляется ею делом не только чувства, но и ума, долга, гражданской активности — есть в рассуждениях молодого критика и просчеты. О них я и хочу сказать, чтобы, с одной стороны, помочь М. Князевой в ее дальнейшей работе критика, а с другой стороны, придать ее статье в «Юности» недостающие «объем», «Юность» и впредь не будет чураться метода «комментариев» к произведениям дебютантов.

Это при царе Горюхе выезжали для битвы два рыцаря иились на глазах двух станов. Тогда и двух героев было достаточно для определения победы. М. Князева понимает, что смешно иные даже для определения приоритета «тихой» или «полутромкой» позиции выводить в чисто поле критических полемик два противоборствующих имени. Но хотел ли критик этого или нет, а объективно В. Сытев резко противостоял С. Чухину, как антипод, где первый только поддержан, а второй только покрещен.

М. Князева вполне справедливо заметила, что сегодня время не

имен, а «наклонностей», «тенденций». Но тенденции познаются в изучении немалого числа вариантов, проб, сопоставлений. И далее ко не всегда за именем одного стихотворца стоит направление. Чаще, как в нашем случае, мысль критика, наступившего некие главные линии анализа, обнимает разные стороны разных индивидуальностей.

Жаль также, что критик ограничив разговор только русскими поэтами. Между тем среди переводной поэзии есть стихи весьма показательные.

Один из мотивов серии — автор-биографизм, приход в литературу от жизни, профессии. Это тоже отметил наш критик. «Капитан», с каким стихотворец приходит к дебюту, или включается, или не включается в его стихи. Тут нет автоматизма. Опыт может оставаться на уровне любопытной, свежей детали, но не вносить нового качества в искусство. В духовной сфере важнее духовный же опыт — общественный и психологический. Важна культура чувств. Кругозор.

М. Князева обеспокоена: взволнованно предупреждает она, что в мире высоких страстей и глубочайших противоречий века поэзия молодых нередко отстает от блестящих идеалов трусилового немецкого шельфельда, под модными названиями «тихой» лирики, «философской линии Фета» и т. п. Все явственные выраживаются идеал обломовской, говоря современным языком, ижадиевской, а не трудовой жизни, куцей эстетики жестокого романса, ачиненного и безвольного стиха. И ее опасения имеют под собой основания. Это на поверхности.

Мне ни холодно
ни жарко.
Продувает ветром.

Но вот незадача! Никто ведь не выносит эти слова в эпиграф И., выписывая иные цитаты, мало что доказывает. Дело в преимущественном внимании к определенному типу героя, типу отношения к жизни. М. Князева, верно, почувствовала опасность, но именно почувствовала, а не доказала бесспорно для возможных своих оппонентов.

А в одном случае, в анализе стихов Сергея Чухина, ей явно изменила чуткость критика. «Все мирно, округло, просто», жизнь «до этого замкнутого в самом себе, обтекаемого мира» дололетает слабым эхом, ненужным, отдаленным... Правильно, если подходить к этой поэзии с требованиями другой поэзии. Если забыть, что и в стихах С. Чухина — тоже жизнь...

(Я не очень согласен с Биктором Коротаевым, что позиция С. Чухина «человечней и понятней» той, которую автор хорощего вступительного слова к сборнику С. Чухина называет «ходячей» позицией «напускного актизма» — ведь существует и истинно активная позиция в жизни, активный, современный стих с более широкими интересами, и широта эта не в ущерб глубине и истинности поэзии! Думаю, что утверждение В. Коротаева идет от издержек внутренней полемики о «стихий» поэзии, полемики, которая уже подна遁ившей в силу своей бесполезности обеим сторонам спорящих.)

Но вернемся к С. Чухину. За «простотой» позиции его героя стоит — да, простота, но от этого не менее сложная — жизнь и обманчиво «мирная» духовная сфера ее. Для того, чтобы читателю было яснее, обратимся к стихотворению о плаче кузнеца и «таких переживаниях», как иронически говорит М. Князева. Дело тут не в кузнецнике. Начну цитату немного ранее, нежели это сделала М. Князева, а закончу чуть позже:

Колокольчики, романчики, дикий
степер луговой,
Все скосили, прорубили и
поставили в стога.
У кузнецика хромого
с треугольной ногой
Не шумят над головою
разноцветная тайга.

Вот уже и настелилась новая мера вещей: «разноцветная тайга» — намеком, а дана сознательность человечества, с забытой не кузнецкой, а нашей, людской тоскою о природе и мертвоте, не склоненной к засущенной...

...Посажу тебя, пожалуй, не в
карман, а в коробок,
Поживи на теплой печи, духом
аблог подыши.
Тихой радостью осенней
запасаться надо впрок,
Свежим сеном и листьево
устыдливо дно души.

И далее лишь по недостатку места не цитирую хорошие строчки о том, что, когда настанет служа, напомнит кузнец «мой зеленый человек», «тиши, луга, ржаное поле» — «полупустой прикроем двери да расстопим нашу печь, и погреемся немножко у веселого огня. Ах, кузнец, я не в силах это лепто уберечь, как товарищи по нестолько понимашь ты меня!» Не «мелочными картишками» здесь — чувство очень чистое, человеческое и, я бы сказал, дальновидное... Да, не раз обеспокоится эта музя «покоя» непокоем серьезным, глубо-

ким — о «смерть в воде» реки, например, «как в страшной сказке» («Покрыты сплавом берега реки...»), а всего-то и делов, кажется, что рыбаки испорчены... Так, в другом стихотворении на удачу «маниловской интонации» («Мой добрый друг, он счастлив, как дитя, что я не наказал его местами...») снова попадалась М. Князева, усмотревшая «прогулочку» в стихотворении о том, что счастье и радость — общее наше достояние и делить его с людьми — не высшее ли благо? («Человина вокруг играет выюга, и, тоная средь млеющего луга, мы радуемся радости друг друга, как радуемся солнцу и реке»). Вообще «безоблачное существование» героя стихов С. Чухина, о котором говорит молодой критик, часто мимо. Превосходном, на мой взгляд, стихотворении «Шуршат сухие инвики...» определение осенней природы с постоянным рефреном «спокойной» реки, облаков и лодочек на водопое исподволь готовы ощущения назревающей службы забот, тревоги: «Приходит матушка домой и, прислонясь к печи спиной, подолгу говорит со мной, что винят за деревенской склони и, знать, зима недалека... Стояла спокойно облака, спокойна тихая река, и только люди и еспокойны» (разгадка моя — В. О.).

Да, в молодой поэзии нашей есть и недостатки... Но, борясь с равнодушiem к социальности, откликом от волевого начала, мелкотравчатостью, — не утерять бы и крупицы ценного, утверждающегося по праву — реализм обстоятельств, несуетность, неблизость выглядят самим собой...

Умение распознать в скромном рисунке стиха существенное содержание — тоже мастерство. Оно приходит с разумом.

Тут важнейшее мерило — чутье таланта. Многие стихи, о которых говорят в своем обзоре М. Князева, просто плохие стихи, а не ошибочные позиции, заблуждения.

Однако и тут требуется уточнение.

От первой книги начинающего вряд ли уместно требовать безусловного качества. Тут достаточно, я думаю, ощущения дарования автора. Разве все так уж гладко и бесспорно, скажем, в стихах А. Коркиной, С. Мнацаканина, В. Забаштанского, А. Мишиной? Но блеснула строка, проглянула серебристость интонации... И тебя обманута нельзя: способный человек, видит по-своему, пытается и сказать свое... Одно стихотворение «Суд» — свидетельство ува-

жительного отношения к жизни А. Мишицы, а его «Теща», «Уже не первый снег на крыше...»? Я бы даже сказал, что Т. Батурина, хотя и досталась ей крепко (и поделом!) от М. Князевой, вовсе не случайный гость серии — да, мешает ей этот несовременный антураж: все эти кокоснички, приоротные зелья, «огонь недешевий», «примоловленная» жизнь, «притихший голубок любви»... Пряничное, риженое, заемное одеяние... Но рекомендующий Ф. Сухов, поэт самобытный, полагаю, не ошибся — есть в Т. Батуриной иное, идущее от чувства непримиримости с обывательностью, пошлостью. Только слова, видимо, нужные, единственные еще не пришли.

Вот я и хочу сказать, что, вовсе не амнистия тенденцию превратить серию «Молодые голоса» в почтовый ящик, откуда каждый желающий может попасть в стихотворцы, я тем не менее склонен разграничить требования к качеству этого типа издания и издания зрелых поэтов. Не законченности и бесспорности формы требуем мы от «Молодых голосов», а одаренности, заявки на осуществление надежды.

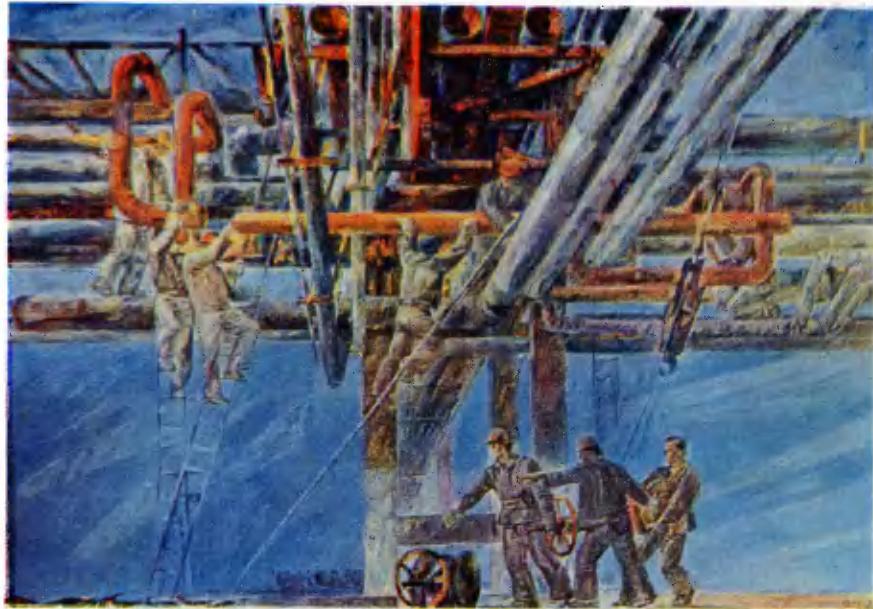
Дело огромной важности, начавшее несколько лет назад издательством «Молодая гвардия», требует безусловной поддержки. Легкие книжечки стихов современных молодых поэтов наших республик, как правило, распускаются в тираже 20—35 тысяч экземпляров, установленных издательством.

Стоят, безусловно, стоит поддержать издательство, но и посоветовать в дальнейшей работе сделать упор на поиск талантливых имен и на качество, качество в первую очередь, чтобы ставшие потом известными молодые поэты 70-х — 80-х годов могли связать свои дебюты с книжечками в готстрипанных обложках массовой серии.

Время летит быстро. Не так давно кажется, читал я первые стихи поэтов, которые сегодня — гордость нашей советской поэзии.

Хорошо бы в будущих книжках серии «Молодые голоса» не пройти мимо и вовремя заметить дарования такого масштаба. А то, что они есть и будут, таланты, мы не сомневаемся. Поэтому с заинтересованностью и ждем новых книг этой серии.

Владимир ОГНЕВ

М. ОМБЫШ-КУЗНЕЦОВ
(Новосибирск).
Артерии Нефтехима.

М. СТАТНЫЙ
(Кишинев).
Ольга.

ИЗ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ.
СЕНЕЖ-75.

Г. СТЭПАН (Саранск).

Мордовские девушки.

Д. ГВИМРАДЗЕ (Тбилиси).
Любимая улица.

В. БУБЕНЦОВ (Мурманск).
Романтика.

Д. ДЖУМАБАЕВ (Фрунзе).

Зной.

С тот двухтомник в синем переплете (Константин Ваншенкин. «Избранные стихотворения в двух томах», «Художественная литература», 1975) открывается коротким авторским введением, озаглавленным «О себе». Сдерганные слова автобиографии поэта неожиданно удивили меня, читателя поколения пятидесятых, послевоенных годов: да ведь это же словно о моем отце написано! Константина Ваншенкин, как и мой отец, родился в двадцать пятом году; как и он, семнадцать лет ушел на фронт; и тот и другой воевали на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Это, разумеется, случайное совпадение, но оно заставило меня подумать: значит, в известной мере эти два тома не только «лирический дневник» поэта, но и летопись жизни, духовного становления и мукания всего поколения, к которому принадлежит и сам Константин Ваншенкин, и мой отец, и еще тысячи и тысячи тогдашних мальчиков и девочек, чьи семнадцати—двадцатилетние жизни вступили в свою железную voronku войны. Они вышли из войны, что-то утратив,—может быть, из-за того, что так страшно и внезапно прервалось их отчество, юность, но гораздо больше приобретя. Они созрели и возмужали слишком быстро, но раз и навсегда поняли цель и смысл жизни и свое место в ней. Они с опозданием начинали институты, работали, встречались с учелевшими товарищами, вспоминали потерянных. Они стали нашими родителями...

Двухтомник на то и двухтомник, чтобы возможно более полно представить читателю всю судьбу поэта, все многообразие жизни, его мысли и сердца. В этом сборнике мы найдем и первые, в приемом смысле этого слова, «юношеские» стихи двадцатилетнего автора, в которых только еще возникает завязь будущего мастерства, будущего поэтического характера Ваншенкина — любящего мир и склонного к раздумью.

Мне бы хотелось сказать об одной только стороне творческой личности его — об удивительно остром, обнаженном ощущении минуты, мига, об особенно каком-то ярком и резком восприятии всего, чем богата эта минута, что она несет с собой. Вот пример (собственно, любая строка, открытая наугад, могла бы подтвердить это):

Лиши порой взлетает ворон
круто,
потревожив царственную ель,
и бушует целую минуту
маленькая тихая метель.

нам, не знаявшим войны...

Глубокое понимание неповторимой ценности каждой минуты — природенная черта характера, часть души, часть личности поэта; но война усугубила это свойство мировосприятия, развила именно эту сторону характера. Близость смерти и любви к жизни — в две эти краски был окрашен весь мир, лежащий перед глазами юноши, вступившего в войну.

Да, мир был окрашен в две краски. И только на расстоянии, сквозь призму лет начинаешь понимать, что в этих двух цветах — белом и черном, живом и мертвом — все богатство спектра; между рождением и смертью, в противоборстве бытия и небытия — вся жизнь с ее полнотой, с ее радостью и бесконечным удивлением, которое она дарит человеку.

И пока не станет перед взором
Вдруг темно.
Вдаль смотреть счастливыми
глазами
Нам дано.

Или:

И единственной мыслью
беспечной
Каждый душу залечивать рад, —
Что лежит еще день —
бесконечный
Между вами, восход и закат.

Это стущенное чувство своего существования на земле, напряженное стремление жить отдаивают поэта умением сказать о жизни так просто и тепло, что его слова становятся близкими тысячам людей. Может быть, поэтому так часто кладутся на музыку стихи Ваншенкина. Через весь сборник пунктиром проходят тексты песен: «Я люблю тебя, Жизнь», «За окношко свету майлов», «Я спешу, извините меня».

О внимании Ваншенкина к повседневности, к ощущениям и мыслям каждого говорят строки, посвященные человеку, «последовавшему первый год» начинаящему залечивать раны родной земли. Человек просто-напросто сажает картошку, думает о том, как все заселеняет и занянет в июне; казалось бы, сцена самая что ни на есть прозаическая. Но Ваншенкину и тут не изменяет его драгоценное свойство ощущать всю полноту минуты, понимать и предвидеть все то, что она несет с собой,— словом, свойство видеть большое в малом.

Отмена карточек не скоро,
О ней не слышно ничего.
Еще вскопать придется горы
Лопатке старенькой его.

Стоят серьезный, рабочий,
В пальто, покрошенном снегом,
И с дужкой веялки, торчащей
Из-за его воротника.

Константин Ваншенкин умеет видеть, умеет любить людей, умеет говорить о жизни внимательно и добро. Думается, что это качества, вынесенные из железной бури всем военным поколением. Поэтому не воспоминанием — наказом, обращенным и к нам, молодым, не знающим войны, звучат строки поэта:

Как здорово эпоха нас лепила,
Как у нее наложеши был поток!
А после окунуть еще любила
То в ледяное нас, то в кипяток.

Т. ПИСКУНОВА
Таня Пискунова 16 лет. Она
ученица 10-го класса 152-й
школы г. Москвы.

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Дорогая редакция! Через несколько месяцев многие читатели вашего журнала, как и я, окончат школу и будут искать свой путь в жизни.

Поэтому я прошу рассказать на страницах «Юности» о профессиях, которые особенно нужны и овладеять которыми можно за сравнительно небольшие сроки.

Для поступающих в высшие учебные заведения и техникумы есть справочник, есть программы вступительных экзаменов. Но не все готовы сразу после школы брежкать конкурсные экзамены, не все выбрали себе специальность, есть и такие, кто, подобно мне, по самым разным соображениям не может пройти обучение еще на пять лет. Мне, как и многим моим товарищам, хотелось бы получить специальность, заруботок, а значит, и самостоятельность как можно скорее.

Не буду писать о причинах, но они у меня есть, и вполне уважительные. В «Юности» мы хотели бы прочитать не справочную таблицу «Куда пойти учиться», а рассказы о своей работе людей разных специальностей, ветеранов труда и молодых, рано начавших работать.

Мне кажется, это будет многим полезно.

Фамилию свою я не указываю не из скромности — не хочу, чтобы меня родные порицали и знакомые угроживали и осуждали, если вы вдруг решите письмо мое опубликовать.

Подпишите просто.

Михаил К.

г. Москва.

Просьба Михаила К. вполне естественна: прежде чем выбрать профессию, быть может, на всю жизнь, выпускник школы хочет получить исчерпывающую информацию о том деле, которому собирается себя посвятить. Понятно и желание Михаила в многих его ровесников прочитать на страницах «Юности» не «справочную таблицу», а познакомиться с рассказами людей разных специальностей, узнать их оценку той или иной профессии, почувствовать «атмосферу» заводского цеха, строительной площадки, научной лаборатории или торгового зала.

На страницах нашего журнала в минувшем году под рубрикой «Рассказы о профессиях» выступили токарь, прядильщица и шофер такси. В этом номере рубрика продолжается публикацией очерка Виталия Шарик «Мастер и мастерок», где молодой человек рассказывает о профессии каменщика. В ближайших номерах выступят молодой врач и сельский механизатор.

Кроме того, мы предлагаем читателю несколько писем, авторы которых рассказывают о радостях и сложностях своей работы.

ПЕСЧИНКА ПОД КЛАПАНОМ

Дорогая «Юность»! Ты просяишь рассказать твоим читателям о рабочих профессиях. Охотно откликаюсь на эту просьбу. Я слесарь по гидравлике, пневматике и смазке на большом металлургическом комбинате. Это не значит, что моя специальность есть только в металлургии, — она все больше и больше используется во всех видах техники. И у нас на комбинате много гидравлики. Я работаю по этой специальности двадцать лет. До этого испробовал многие рабочие профессии. Все они по-своему хороши, но нынешняя мне особенно нравится. В этой специальности есть что-то свое, неповторимое, здесь можно проверить свою смекалку, свою чуткость к работе каждого механизма, инженерный расчет, а по еле уловимым толчкам в трубах определить, какая появилась в механизме неисправность. Я могу привести много примеров.

Однажды оператор автоматической линии упаковки пачек металла пожаловался на неправильную работу подъемника. Кажется, мелочь, но эта мелочь отняла у рабочего 8 часов рабочего времени. Разбирали золотники управления, пилоты, даже сам подъемник, а причина оказалась в маленькой пылинке, которая попала под шаровой клапан, и на устранение этой неисправности потребовалось лишь минуту. Этим примером я хочу отметить сложность и тонкость своей специальности.

Мне приятно смотреть, когда 45-тонный рулон металла плавко и спокойно благодаря гидравлике занимает свое место на прокатном стане, а за плавность и правильность работ механизмов я отвечаю как хозяин. Да, вот в этой работе я каждый день нахожу для себя новое. Иногда каким-то шестым чувством удивляешься грозящую аварию и устраиваешь ее. Однажды не было запасных лопастных гидронасосов, — по паспорту завод-изготовителя эти насосы не подлежат реставрации. Слишком точной подготовки требуют лопасти ротора к статору. Но мы поломали мнение завода-изготовителя и из нескольких старых насосов собрали один новый, и он работает.

Многое я мог бы рассказать о своей специальности, но это было бы очень длинно — очень уж она разносторонняя. Вот где можно проявить все качества, которые присущи человеку!

А. ГЛУШКОВ,
слесарь

г. Темиртау.

МОЯ ПЕРВАЯ «МАРИОН»

Mне скоро стукнет шестьдесят лет. Работаю преподавателем ГПТУ-30 г. Кыштыма, Челябинской области. Готовим слесарей и токарей.

Рос я без отца. Одно время воспитывался в Московском доме беспризорников. Затем вышел в люди (спасли нашей партии!), стал токарем, кончил вечернюю рабфак, служил подводником на подводной лодке «Ленинец-10», участники боев на озере Хасын. Великой Отечественной войны, ныне подполковник запаса, преподаватель ПТУ. Это я пишу потому, что я горжусь своим рабочим происхождением и высоко ценю рабочий класс.

Приведу малевык пример из собственной жизни. 30 апреля 1933 года на нашем Бакальском руднике (Челябинской области) случилась авария — выпал из строя мощный экскаватор, сломался главный вал. Нужно было в праздничные дни выточить новый вал с тем, чтобы добить железнодороги не прекращалась. Были сделаны срочные заявки на изготовление вала в города Златоуст в Челябинск. Там заявок на такие сроки не привили. Тогда решили изготовить вал в своих мастерских. В конце рабочего дня были всех токарей механических мастерских нашего рудника. Среди токарей были и пожилые, высококвалифицированные специалисты, и мы, тогда молодые ребята, недавно окончившие ФЗУ. Не знаю почему, но никто не решался браться за изготовление вала. Видимо, боялись сложности. Экскаватор был только что привезен из США. Назывался он «Марион», в честь дочери хозяина фирмы. Вал этой машины был длинной пять метров, несколько ступеней, широк с высокой точностью. И что вы думаете? Я, семнадцатилетний парнишка, вчерашний ученик, решился точить новый вал! Первого и второго мая сорок восемь часов я не отходил от станка. От усталости у меня слипались глаза, но я продолжал работать. Мастер смачивал посыпкой платок холодной водой и прикладывал мне на лицо, солидность на времена проходила. Утром 3 мая у моего станка собирались все работающие на руднике. Тут были и директор и главный механик рудника. Ровно в семь утра я установил станок. Еще горячий, блестящий новый вал сняли и повезли на рудник. В часы ожидания я пережил больше, чем за две суток работы. А вдруг не подойдет? А вдруг «запорол»? Но, к моему счастью и счастью всего коллектива рабочих, а может, и всего рудника, вал встал на место, и машина заработала. Руда продолжала поступать в домы.

Бот такую радость хотел бы я пожелать пережить каждому молодому человеку — создать своими руками что-то необходимое, важное, нужное всему народу. Больше радости нет.

Преподаватель ПТУ
М. СИДЯКИН

г. Кыштым, Челябинская область.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВОСЬМЕРКА

II После окончания десяти классов в 1957 году мой друг Леонид Башук поступил в финансово-экономический институт, а я — в Ленинградское техническое училище № 14, где стал учиться по специальности столяра-краснодеревщика.

Профессию эту выбрал потому, что мой дед Афанасий Ильич и отец Никита Афанасьевич были хоро-

шими столярами. Они мне и привили с самого раннего детства любовь к старинному ремеслу краснодеревщика. Но не пришло это отцу, ни деду увидеть третьего в семье столяра-краснодеревщика. Оба погибли на фронтах Великой Отечественной войны: дедушка в 1942-м, а отец в 1943 году. Я тогда был ребенком.

Состалась мы одни — я, мать, сестра и бабушка. Жилось нелегко, и мать была очень довольна, что я сразу после школы поступил в техническое училище, так как это был более быстрый путь к получению зарплаты.

Семья очень интересовалась моими делами. И я с большой радостью рассказывала, как осваиваю свою профессию. К учебе и работе моей все относились с уважением, и это было мне дорого, заставляло смотреть на себя серьезнее.

Почему я говорю, что к учебе и к работе, не оговорился ли я? Нет. Из двух лет, что мы учились, первый год мы работали на заводе, второе, проходили практику. Причем проходили ее и в деревообделочном цехе и на судах, где нам впоследствии и предстояло работать. И мы уже во время практики получали 30% заработанных денег да плюс стипендия — это была уже помощь для семьи.

Из моего выпуска осталось на заводе имени Жданова восемь человек. Каждый из нас проработал здесь до 16 с лишним лет, а все вместе — 128 лет, цифра впечатляет.

В «великолепной восьмёрке», как нас называли, есть и столяры, и мастера, и начальник ОТК, и инженер. У нас всегда есть о чем поговорить, посоветоваться друг с другом. Наша общая цель — строить суда.

Были ли у нас радости раньше и теперь? О, сколько угодно!

В день окончания училища было торжественное посвящение в рабочий класс, принесшее много радости.

А какая была радость — первая получка! Ведь это большой день в жизни человека. Я помню, когда починил свой первый заработок, который ждал с нетерпением, пополз сразу же в магазин покупать подарки матери, сестре и бабушке.

Спуск корабля на воду — праздник, сдача корабля морскому флоту — уже двойной праздник. А ведь за это время, начиная с 1959 года, наш завод построил много судов.

И вот сколько построено кораблей, столько и профессиональных праздников было у нас, столько же было и радостей и волнений.

Прошли годы с тех пор. Многие из нас успели окончить институты и техникумы, но до сих пор мы с благодарностью вспоминаем и своих учителей, и нашу бригаду, и свою первую рабочую профессию.

Федор ШАПОВАЛОВ.
инженер.

г. Ленинград.

**Виталий
ШАРИЙ**

Автору 23 года.
После окончания факультета журналистики Белорусского Государственного Университета был радиожурналистом в Минске. Сейчас живет и работает в Абхазии.

МАСТЕР И МАСТЕРОК

РАССКАЗЫ
ПРОФЕССИЯХ

Тихим зимним утром я спешу на стройку. Улицы еще погружены в предрасветную мглу, но по крепкому морозу чувствуется, что денек будет отличный: ясный, безоблачный.

Невольно замедлил шаги, когда впереди замаячило недостроенное здание — будущий 9-этажный жилой дом. Сейчас я войду в ворота строительной площадки, увижу бригадира Павла Афанасьевича Брея, увижу своих будущих товарищей по работе...

Было совсем темно, но работа уже началась. Побродил вокруг здания и никого не встретив, я поднялся на рабочую площадку. Красивы были стройка в эти предрасветные минуты. В густо-синем небе вилетались белоснежные полоски досок, сбитых в леса и опалубки. Проекторы ярко высвечивали подметы. Сложеные в большом деревянном ящике электроды покрылись за ночь инеем и серебрились в лучах прожекторов. Город, погруженный в темноту, казалось, еще спал, а стройка уже входила в ритм трудового дня: затокали топоры плотников, замигали спирохи электросварки.

Я ходил по площадке, исца мастера Олега Харитонова, чтобы предъявить свое направление, и задохнулся на рабочую площадку. Красивы были стройка в эти предрасветные минуты. Небо вилетались белоснежные полоски досок, сбитых в леса и опалубки. Проекторы ярко высвечивали подметы. Сложеные в большом деревянном ящике электроды покрылись за ночь инеем и серебрились в лучах прожекторов. Город, погруженный в темноту, казалось, еще спал, а стройка уже входила в ритм трудового дня: затокали топоры плотников, замигали спирохи электросварки.

Я ходил по площадке, исца мастера Олега Харитонова, чтобы предъявить свое направление, и задохнулся на рабочую площадку. Красивы были стройка в эти предрасветные минуты. Небо вилетались белоснежные полоски досок, сбитых в леса и опалубки. Проекторы ярко высвечивали подметы. Сложеные в большом деревянном ящике электроды покрылись за ночь инеем и серебрились в лучах прожекторов. Город, погруженный в темноту, казалось, еще спал, а стройка уже входила в ритм трудового дня: затокали топоры плотников, замигали спирохи электросварки.

Харитонова я так и не нашел — он в тот день был вызван в управление. Оставилось искать самого Брея.

— Слушай, парень, а где же бригадир ваш, Брея? — обратился я к высокому худощавому рабочему, который рылся в ящике с инструментом.

Рабочий повернул голову, и я невольно смущился: судя по лицу, ему было лет сорок.

— Ну, я Брея. А чего надо?

Окончательно растерявшись, я протянул ему свою бумагу. Пока Павел Афанасьевич читал направление отдела кадров, я успел хорошенько рассмотреть его лицо. Было оно сухощаво, обветрено, с резкими чертами, а ватный подлеменик, плотно облегавший голову, придавал Брею сходство со старым, многоопытным рыбаком с какой-нибудь рыболовецкой шхуной.

— Ладно. Каменщики нам нужны. — Он сунул бумагу в карман ватника. — Ну, так давай, рассказывай о себе: где родился, где учился... В армии служил?.. На стройке никогда не работал?..

По правде сказать, мое первое впечатление о нем было не слишком благоприятным. Справившись он отрывисто, сухо, даже как будто сурово, причем, как мне показалось, почти не прислушиваясь к ответам.

— Значит, так, первым делом — как ты знаешь технику безопасности? Без этого тебе даже нельзя было вообще-то сюда залезать.

Он положил передо мной толстую книгу и отмечил пальцем «от сих до сих».

— Через час приду и буду спрашивать.

Брея появился ровно через час и, открыв книгу, кивнул:

— Ну, расскажи, что запомнил.

Примерно минуту я строчил как из пулемета, а Брея, подняв бровь, недоуменно наблюдал за мной.

— Это ты... все как в книжке? Как скворец... — не выдержав, расхохотался он. — Как скворец, вызубрил.

Бывает такое: встретился тебе где-нибудь в купе вагона неразговорчивый попутчик. И ты уже почти окончательно решил для себя: сухарь какой-то, не-

людям. А он вдруг взял и засмеялся или улыбнулся так открыто и распахающее, что у тебя сразу улуччалось плохое настроение.

Так и Брель своим заразительным смехом как-то изменил мое отношение к нему. Сразу исчезли неловкость, скованность.

— Ну, ладно,— посырьезнел вдруг он.— Давай, что там дальше.

Тут-то и начались мои страдания. Отвечая на пятые на деское, Брель мрачнел, крутил головой и наконец захлопнул книжку.

— Почтят еще полчаса и приходи к бытовке, спечку выдашь.

Можно было бы больше и не читать, тем более что параграфы эти надолго мне уже до чертиков, а устраивать новую проверку Брель, вроде бы и не собирался. Но доверие, убежденность в том, что человек не подведет, действуют порой гораздо сильней, чем грозные предупреждения: еще полчаса я добровольно усваивал технику безопасности.

И вот наконец я получил в бытовке каскету, ватник, полукомбинезон и рукавицы. Полукомбинезон был новенький, чистый, а ватник старый, в пятнах засохшего раствора, так что в нем я уже ничем не выделялся среди строителей.

Мы поднялись на площадку, и Брель дал мне первое задание — забивать в незастывшую бетонную стяну электроды.

Дело для зимней стройки обычное: чтобы бетон остывал постепенно, не скватывался, не набрасывал прочности, «напикивают» в теле бетона электроды, замыкают цепь электропроводов и ведут подогрев.

Каждый, кто хоть немножко знаком со строительным делом, næверное, улыбнется: это же самая легкая работа, какую только можно придумать.

Ничего сложного она действительно не представляет, но является, как мне кажется, неизложимым испытанием для новичка, потому что требует определенной спортивной и глазомерной. Я покричала душой, если скажу, что выдержала это испытание на «отлично».

Брель подробно объяснил мне, как и что делать, и сам забил в цели между досок опалубки несколько первых электродов. Затем он передал мне молоток-кирку, но я медлила. Сказать по правде, я очень боялась промазать во время самого первого удара и показаться неумехой. И Брель, будто почувствовав мое состояние, заспешил куда-то по делам.

Я начал забивать электроды, но рука быстро затекла и стала ватной. Длинный железный прут — электрод уперился, не хотел лезть в стяну или начинал вдруг так выбиривать, что по нему совсем уже невозможно было попасть. К счастью, рядом со мной никто не работал, хотя вдаль возились плотники, и, когда они поглядывали в мою сторону, я чувствовала себя под их взглядами очень неуютно. Правда, на следующей стяне дело пошло полегче. Бетон здесь еще не застыл, и я привычливо не забивать электроды, а просто втыкать их, используя при этом для упора ручку молотка.

Рабочий день уже подходил к концу, и я боялся, что не успею закончить третью, только что зализнутую стяну. Однако тут подоспели другие рабочие, и мы живо расправились с ней. Я немного задержалась, втыкая последние электроды, и, смертельно уставший, плеснув в бытовку позади всех. В бытовке было шумно. Я потихоньку вошел и остановился у окна, окликнула, пока освободится место и можно будет пересесть. Вскоре я поняла, что разговор идет обо мне.

— Ну и работничек... губы надули и не знает уже, как электрод в стяжку забить,— сердито гудел какой-

то толстяк, видно, из плотников. Он сидел ко мне спиной и, соня, перебубнился.

Я предчувствовала эти слова, но обида всегда кажется неожиданной и несправедливой. «Почему же глупы надули?» Как будто я не старалась — сразу запели в голове мысли. — И разве он не понимает, что это только первый мой день?» Как я ненавидел в ту минуту эту толстую красную шею, эту спину в клетчатой рубашке!

— Ну ладно, Михаил, что ты хочешь от человека в первый день? — будто прочитав мои мысли, хлопнув его по плечу Брель.

Я притиснулась к шкафчику одного из строителей, в котором оставил утром свои вещи — свободных мест в бытовке тогда не оказалось. Кто-то о чём-то спорил меня, а кто-то, кивнув в сторону шкафчика, неоднозначно замкнула:

— За всецелое полагалось бы плашку поставить.

Я постаралась сделать вид, что не слышала этих слов. Нет, я вовсе была не против того, чтобы вымыть с ребятами за знакомство, но когда все это делается в такой директивной форме, сразу проходит всяческое желание. В общем, домой я шла совершенно разбитый и физически и морально, словно бегут после тяжелейшей марафонской дистанции, пршедший к финишну последним. Единственным желанием было добиться до кровати и забыться.

Вскоре Брель сказал мне:

— Ну, пора, видно, тебе уже на кладке попробовать. Я там из дома книжку принес, «Каменные работы» называется. Напомни, чтобы после работы отдать тебе ее забыть. Практика — оно, конечно, хорошо, но без теории не обойтись. А пока бери кельму — и иди.

Моей первой напарницей оказалась Галина Артемовна Родионова. Гали, как звали ее в бригаде, — каменица третьего разряда. Почему именно она, а не ребята с четвертым разрядом, которых в бригаде было немало?

Впоследствии Брель объяснил мне, что за многие годы бригадирства он выработал свою «беспроньшную» систему обучения новичков. Главный упор в ней делается на созидание индивидуальных особенностей учеников и их старших напарников. Все каменищицы, считает Брель, делятся на две группы. Первые из них — асы своего дела: простенки, углы — все, что захочешь, кладут, как боги, а вот объяснять на словах, как это у них получается, не могут. Вторые не так, может быть, понаторяли в работе и кладку ведут медленней, но зато уж все объяснят. Так же делятся ученики: на тех, которым надо показать, — и их руки сами начнут подражать движениям мастера, и тех, которым надо рассказать, — и они запомнят все это, чтобы потом применить на практике. Меня Брель отнес ко второй категории.

Вначале он сам продемонстрировал мне простейшие элементы кладки. Показал стороны кирпича — тычковую, ложковую, рассказал, какие существуют способы перевязки швов. Уходя, посоветовал:

— В первые дни лучше побольше смотреть. Лучше запомнить, как уложен один отличный ряд кладки, чем самому уложить десять абы каких. Раньше времени все равно мастером не становишь. Даже если через пару месяцев разрада получаешь — все равно это еще не мастер, считай, а так... — он шутливо взмахнул своим инструментом, — ...мастером.

Мы остались вдвоем с Галией. Галия — приветливая, улыбающаяся, круглощадная — была из тех людей, которые моментально располагают к себе. Смеялась

ее губы, смеялись щеки, смеялись глаза. Пока я укладывала один кирпич, она успевала уложить десять, и ни на минуту не смолкали ее шутки-прибаутки.

— Ай, Брель, ну, Брель! Вот так кирпич дает — чуду целую! — скорчилась она, яростно тыча молотком в ледяную корку подмерзшего за ночь кирпича.

— Ну, а как вообще у вас бригадир, ничего?

— Хороший мужик,— помочив, кивнула Гаяля.— Над душой никогда не стоит, если не получается, а помочь — всегда поможет. Вот даже смотри: как он тебе сегодня все объяснял. Нас-то раньше так не учили... Помни, как я сама начинала. На «Спутнике» это было. Магазин знаешь? Мастером у нас тогда Зарецкий был. «Клада», — говорит. Взяла я мастерок в руки — и пошла спешать. Сложила стенку — слышу, все смеются. Отшла — мамочки, квирки и вкось! Так Зарецкий взял тогда меня за ширворот и носом, носом в эту кладку. И стыдно, и нос болит, но зато уж на следующий день, помни, раза три посмотрю со всех сторон, прежде чем кирпич положить...

На кладке мне очень понравилось. Увлекло то, что я стою, как заправский каменщик. Увлекла сам процесс превращения груды кирпичей в ровную, гладкую, красивую стену. Не все, конечно, получалось. Не раз Гаяля поправляла уложененные мной кирпичи, но делала это всякий раз спокойно, не ворчала, не сетяла на то, что в этот день будет мало выработки. А когда появлялся Брель, она, явно преувеличивая мои успехи, докладывала ему: «Парень что надо, так все в руках и горит».

Надо ли говорить, что после работы настроение у меня было веселое и приподнятое. В бытовке Брель подозвал меня к себе и дал книгу, о которой говорил утром, — «Каменные работы».

Конечно, это уже были не скучные параграфы техники безопасности, а теория кладки, с которой мне сегодня пришлось столкнуться на практике. Сравнивать то, что я увидел и услыхал днем, с тем, что написано этой книгой, было довольно интересно, и я засиделся над ней до поздней ночи.

На следующий день Брель поставил меня на кладку с Володей Свиридовым и Валером Миньковым. Возможно, он решил поближе познакомить меня со всеми членами бригады, а заодно и показать иной темп работы.

У этих ребят сразу установилось ко мне дружеское, хотя и немного снисходительное отношение: учись, мол, друг, пока мы живы. Поначалу я только мешал раствор да сбивал ледяную корку с кирпичем. Потом они начали оставлять мне забетону — пространство между внешним и внутренним рядами кладки, которое обычно заполняют нецементным, бытым кирпичом. Наконец, однажды, уложив за считанные секунды внешний ряд простенка, Валера — невысокий худощавый паренек — протянул мне кельму:

— Ну-ка, попробуй рядок...

Сам он кирпич, прикуривая, спичкой и стал, облокотившись о штабели кирпича, чтобы удобней было наблюдать за моей работой. Вскоре к нему, закончив свою стенку, присоединился и Свиридов — плотный ржавый паренек. Они тихо переговаривались, время от времени подавая мне советы, а когда я с трехком пополам закончил ряд, Миньков протянул мне спичку.

После обычных расспросов, кто такой да откуда, Свиридов спросил меня:

— А чего тебя на стройку потянуло? Можно ведь было и на завод какой устроиться. На «Лавсан», например, чем плохо? Все работа починце.

— Ну, а сама-то вы чего?

— Ми? Так мы давно уже привыкли...

— Но когда-то вы тоже в первый раз пришли!

Пожали плечами...

Кстати, откуда у меня возникла зантересованность этим делом? Ведь ни каменщиков, ни вообще строителей в нашем роду не было. Интерес к этой профессии разился у меня сам собой, заочно.

Пытаясь разобраться в этом. Просто, наверное, ремесло каменщика всегда казалось мне самым древним и самым основательным из всех строительных ремесел. Действительно: не было еще на земле ни маляров, ни штукатуров, ни плотников, не говоря уже о монтажниках или строальщиках, а первобытные строители давно складывали из камня свои примитивные жилища.

Недавно смотрел и художественный фильм, действие которого происходит в средние века. Все так бесконечно далеко от нашей жизни: рыцари, закованые в железные латы, костиры, на которых сжигают еретиков, монахи под сумрачными сводами храмов, и вдруг — кирпичная стена. И я тут же невольно вспомнил уроки Бреля: однопорядная перевязка, многогрядная,толщина стены в два кирпича, в два с половиной. И чём-то знакомым повсюду на меня из глубины веков.

«Что за профессия такая — каменщик? — рассуждал однажды Брель, когда после работы мы шли вместе с ним до автобусной остановки. — Ведь как оно повелось здесь: «Каменщик? Ну, значит, уж такой недотепа, что не мог ни в каком другом месте устроиться». Так ведь и в школе говорят: «Будем плохо учиться — пойдешь на стройку работать». Вот и получается: в аттестате у него одна тройка, и ничего ему, как говорится, не светит, а от кельмы и от бады с раствором он все равно нос воротит: что вы, что вы, уж он найдет себе работу «понителекультурнее» — бумаги где-нибудь с места на место перекладывать. Или в крайнем случае на завод пойдет. А я вот, скажу тебе по секрету, я до стройки на заводе в Ленинграде работал. Поработал пару лет, а потом вижу: нет, не мое все-таки это дело. Может, кому-то и правится в машинах этих, в деталях промасленных возиться, а мне невмоготу стало. А каменщиком пошел — совсем другой перелепят».

Что ж, подумалось мне, так оно и должно быть. Одни, склонившись над кульманом, находят истинное позицию в строгих линиях чертежа, другой, у которого уже от вида этих линий начинается зевота, идет продавцом, потому что ему интересно работать с живыми людьми. И каждый из них по-своему прав.

Я вспомнил столовую в одном южном городке и парничку-грузина в белом поварском колпаке, стоявшего на разделке. Уж какое тут, казалось бы, призвание, какое творческое отношение к труду — ведь это даже не официант: налил первое, положил второе — вот, как говорится, и вся любовь. Но посмотрели бы вы на него! С какой лихостью, с каким беспшибанным изяществом пес он на подносе одной левой рукой огромные тарелки, наполненные супом харчо, те самые тарелки, которые посетители臺灣了 потом к своим столикам, дерка обеими руками и семени, чтобы, не дай бог, не расплескать их — нес по дуге, наклонив под углом градусов в тридцать, и с размахом ставил на стойку — так, что, помнится, дамочка, стоявшая в очереди рядом со мной, даже покинулась от испуга. Глядя на него, я почувствовал: он получает от своей работы удовольствие.

Такое же чувство возникло у меня, когда я смотрел на Минькова. Вот он вошел в азарт и ведет кладку, будто играючи: подбросит кирпич, взглянет, с какой стороны его положить, тут же перехватит на лету, и вот уже кирпич плотно уложен в «постель»

из раствора. В такие минуты он казался мне жонглером, который упивается ловкостью своих движений, а кирпичи в его руках казались невесомыми.

Свиридов работал по-другому: не спеша, но-мужицки основательно. Но этот, если уж взял кельму, не выпустит из рук, пока есть работа. Одно слово, мастера. А я, конечно, еще мастерок. Но уже кое-что понимаю. «Учусь, присматриваюсь» — вспомнились слова Бреля — не суетясь. Раньше времени мастером не становишься. Умение, оно само придет. Главное, сердцем полюбить нашу работу».

Ну и кашу заварил в тот день ветер: в холодную, колючую мглу с размаху сыпал градом крупные и закрутил, закрутил, с каждой минутой расходясь все сильнее. Руки немели на этом ветру, промозглая сырость сковывала движения.

Ясно, что работа у нас не кленлась. Даже неутомимый Володя Свиридов чертыхалась и все чаще бегал греться в кантрику. Да тут еще постоянные задержки с кирпичом и раствором: в таком ветер — а на высоте он еще крепче — крановщик очень трудно точно опустить груз, все на него кричат, ругаются, а он просто не в состоянии успеть все доставить. Нам уже надоело кричать ему о своем растворе, и перекуры у нас стали длиться по полчаса.

В один из таких перекусов видим: лежет в нам наверх Брель. Ну, думаем, будет сейчас разнос: времято к обеду близится, а мы втроем не больше пяти-сот кирпичей уложили. Но Брель начал весело, как ни в чем не бывало:

— Ну что, орлы, крылья опустили? Я сейчас только что с небесной канцелярией по телефону разговаривал: после обеда обещают погоду люкс. Так что давайте-ка поднахмек все вместе. Предлагают соревнование: я и Биталин на этом простенке кладем, мы — на том. У вас какие разряды? Третий и четвертый — в сумме, значит, семь получается. У меня пятый, у тебя, — обернулся он ко мне, — никакого еще пока, но ничего, экзамен скоро сдашь — второй получишь; будем считать, что в сумме тоже семь. Силы равны? Тогда начали.

Мастерики так и замелькали в воздухе. Я еле успевал подавать Брелю кирпичи и разравнивать серую, похожую на грядку «постель». Но Володя с Валерой старались изо всех сил: уж очень им хотелось обогнать своего бригадира. Мало-помалу они начали выходить вперед, и наконец выбившийся из сил Брель кинул мастерок:

— Все, загали, черти.. Хотя особо не радуйтесь: сбросить бы мне десяток гиков, и цицада бы ввы как котята. Ладно, постараитесь к обеду эту площадку закончить, а я пойду посмотрю, чего там плотники ругаются.

Короче говоря, площадку мы закончили за 20 минут до обеденного перерыва.

Больше, что складывается неправильное представление о Бреле как о каком-то добрячке и балагуре, толстом Карлсоне, который прилегает, чтобы время от времени развеселиться и приподнять нас. Нет, иногда он бывал очень суров, и под его взглядом приходилось буквально ежиться. Помню, как однажды он расплакал меня за плохо уложенный ряд кирпичей.

— Мы же не на годы, а на десятки лет строим, помните это. Тебя уже на свете не будет, а в этом доме люди еще будут жить. А когда на этом вот месте трещина образуется, знаешь, что они скажут: ну и халтуришки раньше дома строили.. А поплатят плечами и папан в песочинце умеет, а ты вот настоящие живые строить научись.

Обеденный перерыв. Как есть, в ватниках и касках, идем с ребятами в столовую. Шагать недалеко, метров триста. Но по дороге надо пересечь людную улицу. Мне уютно в старенском ватнике, да и каска успела подстрапаться. Попробуй отлиши от запасного строителя!

Навстречу — девушка. Мы знакомы всего несколько недель. Она студентка пединститута, милая, восхаженное существо, обожающее все голубое и пушистое. Боготворят Баха. Удивленно вздернула брови, окинув быстрым взглядом мою залыпанную раствором робу, потом скользнула взглядом по долговязой фигуре Бреля, кирзовым сапогам Свиридова. Как-то отрывисто поздоровалась и помчалась дальше, кутаясь в пушистый воротник. Я не придал ей иронического взгляда никакого значения, но скоро выяснилось, что все обстоит гораздо серьезнее. «Голубые и пушистые» существо перестало мне звонить, да и на мой звонки к телефону подходили родители. Всякий раз оказывалось, что моей знакомой «нет дома».

Да, между престижностью профессии на словах и на деле существует определенная разница. Как ни красиво звучит слово «строитель», не ступи умою находитесь охотником иди в каменщики, плотники, штукатуры. И не только иди, но даже дружит с таким человеком кое-кто считает зазорным. Думаю, что дело тут не столько в малозначительном виде рабочей одежды, сколько в некоем «образовательном цензее», которым некоторые студенты выпускники вузов отчаливают, отделяют себя от прочих. Работа же строителя — как ошибочно считают многие — требует даже минимум знаний..

После обеда мастер Олег Харитонов, молодой, пышущий здоровьем парень, слухнулся с двумя плотниками. Те неизменно сделали какой-то замер, и работа почти целого дня пошла наスマрку. «Где ты раньше был? Самому смотреть нужно было», — возражали ему плотники, — тем более тут в проекте изменения. А теперь переделывать будем — кто нам за это заплатит? Но Харитонов ругался и требовал немедленной переделки без всякой оплаты.

Брель появился как раз в тот момент, когда перебранка грозила перерости в настоящий скандал.

— Ладно, мужики, стоят ли первы трепать, — сказал он. — Давайте переделаем вместе.

И он быстро организовал всех плотников, сам взялся за топор, и через час работа была закончена.

Когда мы шли домой, я, пристроившись сзади, слышал, как он втолковывал Харитонову:

— Так, брат, нельзя. Ты ведь не хозяйчик, а та-же рабочий человек. Плотники эти заслуженные, к грубому обращению не привыкли. Вот ты Васильчу халтурщиком обозвал, а для него это, может, самое большое в жизни оскорблениe. Нет, паря, так с людьми никогда не стокнуешься.

Харитонов слушал его, вздыхая и кивая головой. Дома я вновь сел за «Каменные работы». Интересная все-таки книга. Наверное, потому, что работа мне нравится. Интересно с ребятами, с Брелем. Мне нравится наша девятнадцатка. Я листаю страницы, а в голове стоят слова бригадира: «Когда укладывешь кирпич, ты его попатываешь. Для чего? Чтобы плотнее ложился, чтобы свободного пространства не оставалось. Трехчетвертьку на угол нужно кладь из лучшего кирпича, без трещин. А этот — в забутку пойдет. Вот так — раз-раз, и в дело его. Так-то, мастерок».

Галина Букалова

Галина Букалова —
ленинградка.
Окончила мехмат МГУ.
Она инженер
в исследовательском отделе
Института
Проектавтоматики.

Камчатка — Ленинград

Предлагают садиться.
И сперва самолет
Провожающих лица
У меня отберет.

А потом будет синий,
Непонятный чертеж,
Что далекостью линий
Лишил на карту похож.

Черный кратер вулкана,
Белый ладожский лед
Завязал без обмана
Узелком самолет.

И нескоро, нескоро
Я задерну окно,—
Ибо чудо простора
Для раздумья дано,

Радость гордой свободы
Мне недаром дана:
Вместо близких — народы,
Вместо дома — страна.

Жизнь спрессована прочно
И со мною плынет.
...Видишь, черная точка?
Это мой самолет.

Баллада о моей фотографии

Ни подарка, ни письмеца,
Переводы — и вся-то весть!
Говорили, мол, нет отца.
Отвечала: а вот и есть!

Просто я не девчонка — бес.
Руки в цыпках, шумна, резка.
Ну, какой ему интерес
Слать мне письма издалека?

На уме — одна беготня.
За душой — одно озорство.
Тройки в четверти у меня,
Что и ждать-то мне от него!

Пиши потом, в восемнадцать лет,
Сделав стрижку, надев кольцо,
Я фотографу «на портрет»
Заказала свое лицо.

И коричневый гладкий тон
Так солидно меня облок,
Чтобы вздрогнул отец, чтоб он
Загрустил и стал одинок.

Чтоб восхликал: «Вот это дочь!
Не какое-нибудь дитя!
Как положено все, точь-в-точь,
И перчаточки до покты!»

Так отправила я отцу
Независимый, взрослый взор,
Поручив своему лицу
Без меня начать разговор.

...Ни открытки, ни письмеца
До сих пор не пришло в ответ.
Говорю я, что нет отца.
Что ж поделаешь, если нет...

Баллада о синей чашке

Полюбила ты сперва
Чашку синью мою.
Ты вошла еще едва —
Сразу чашку подая.

Так тверда и так скромна,
Так надежна ты была,
Что в руках твоих она
Пуще прежнего цветла.

Полюбила ты потом
Все, что было, весь мой дом.
Полюбила Ты его,
Не оставив ничего.

Дом мой стал теперь твоим.
Я в трубу ушла, как дым.
Так живи в моем тепле,
В синей чашке на столе!

Только, знаешь, не забудь —
Все на свете может быть.
Вдруг полюбят кто-нибудь
Приходить, из чашки пить —

Я хочу, чтоб ты смогла
О другой сказать тогда,
Что она была светла,
И надежна, и тверда.

Николай Пономарев

Николай Пономарев живет в Москве, работает шофером в Управлении теплоэнергобизнеса.

Роба

Распластая на пирсе робу,
И водой окочу из ведра,
И повешу сушить,
как воблу.
Пусть звенит на ветру до утра.

А назавтра
к подъему флага
Выйду — роба на мне свежа.
Встану третьим
с правого фланга
И на миг замру не дыша.

Флаг
разглядит свое полотнище,
Открывая начало дня.
А на мне моя роба попошется,
Ветер странствий зовет меня.

Голубятник

Вспорхнула,
захрипела стая
Отборных белых голубей.
Малыш на крышу горностаем
Скользнул —
там воздух голубей.

Он, запрокинув в небо голову,
Смотрел
на трепетанье крыл.
Он по коньку
прошелся гоголем,
В ладоши весело забил.

Летали голуби кругами...
Он был
как маршал на смотру.
Гремела крыша под ногами,
Кружили птицы на ветру.

Потом он вниз сошел солидно
И сел,
как взрослый, не спеша,
А по глазам-то было видно,
Где в этот миг его душа.

Пастуший рожок

Звучал в тиши пастуший наигрыш,
И я проснулся в сеннике.
А звук
то поднимался на гору,
То шел низиной вдалеке.

И он прошел
по всей деревне.
А я лежу не шевелись.
Еще мое все тело дремлет,
Сознанье не вступая в связь.

Вот я услышал скрип калитки,
Подойника веселый звон.
И что ж?
Я на манер улитки
Свернулся, погрузился в сон.

Когда ж я встал,
передо мною,
Смеясь, стоял стоптанный дед.
— Ну, брат, у нас не слыт так много,
Ведь, почтый, теперь обед.

А я-то думал,
только-только
Рожок играющий возник.
Он навевал мне тонко-тонко
И чисто-чисто, как родник.

Волна морская зелена,
И жизнь ее в дыханье ветра.
Вот на берег взбежит она,
Проделав сотни километров,

И брызгами обдаст песок,
На камни упадет с размаха,
И будет шум ее высок,
Напомнит он орган и Баха.

Над пенной кипенью, легка,
Метнется чайка за покивой,
И серебристого малька
Она подхватит клювом живо.

Сергей Александров
родом из с. Гнилянovo,
на Одесчине.
После десятилетия служил
в Советской Армии.
Потом работал коченчиком,
грузчиком, рабочим сцены,
директором Дома культуры,
ассистентом режиссера
на киностудии.
Затем окончил
университет.
Работает в Одесском бюро
путешествий и экскурсий.

Сергей Александров

Забывши тишину, из боя в бой
Мы мчались по дорогам революций,
Так наклонившись, будто бы рукой
К грядущему хотели дотянуться,

Отяженев от горя и свинца,
Мы занимали города и годы,
И вовсе не для красного слова
Нас называли красными в народе.

Мы красные, как знамя у виска,
Как трудная дорога до Победы.
Мы красные, как красная строка
В нелегкой биографии планеты.

Рябит тельняшкой полосатой
под белой форменкой сад.
Здесь шли бои, и здесь когда-то
Морской был высажен десант.

За двести метров от залива,
Под корни виноградных лоз
Все полегли. Но над могилой
Один за всех стоит матрос.

Погибших слава не сотрела,
А на ветру тугом звена,
До чистой бронзы загорел он
От света вечного огня.

Тягучая осенняя нега.
Кузнецик стучится в висок.
Но первью весточкой снега
Упало перо на песок.

Ему уже в небо не взвиться
За стаей ушедшей воспел.
Но, может быть, дело не в птицах —
А землю покинул поэт!

Даниил Чекония

Вспоминание

Там утро начиналось с поездов,
В ущелье узком гулко грохотавших.
С двух ласточек, укромное гнездо
Перед рассветом самым покидавших,

Неслась ручая прозрачная вода,
И высота была на вкус холодной,
И отступали горечь и беда,
Душа была, как ласточка, свободной.

А что тебе ночью приснится?
— В мелкании ярких огней
Грохочет, летит колесница,
Дноносится топот коней...

А может, леса и озера,
Видения северных стран!
И звуки могучего хора,
Гремящие, как океан!

Я знаю, что пройдет и это,
Но дай мне силы пережить.
Клочек чердачного просвета
Не перестал со мной дружить.
Сверчок прохладного подвала
По струнам водит свой смычок:
— Такого разве не бывало!
— Бывало, милый мой сверчок.

Даниил Чониания
в 1970 году окончил
Литературный институт
имени А. М. Горького.
До этого
работал слесарем
на «Азовстале»,
старшим пионервожатым
в школе.
Сейчас живет в Тбилиси,
литконсультант
Совета по культуре Грузии.
Был участником
VI Всесоюзного совещания
молодых литераторов
и фестиваля поззии
в Ашхабаде.

Оне Балюконите
работает в литовском
журнале
«Мокслейвис»
«Школьник».
Принимал участие
во Всесоюзных
совещаниях
и фестивалях поэзии.

Ночной поезд

Вагон стучит вагону вслед,
И ждешь, и ждешь — когда ударит
Проекторов сквозящий свет —
И ты увидишь замок Джвари.

Он выплыивает над землей,
Подсвеченный мерцающим снега,
Над затянувшимся мгной —
Подобье белого ковчега.

Сплошная снега полоса
Ложится при дрожащем свете
На храм, глядящий в небеса,
На облака и на столетья.

Домик перевозчика

У застраивающей воды
Остановилась осень,
И чьи-то темные следы
Заносит снег, заносит.

И смотрит медленно река
На берега пустые —
Сопротивляется скелка
И стынет, стынет, стынет.

Ей чудится: она хрюпит
Прощальное словечко...
Не время — перевозчик спит,
Постлав тулуп за печкой.

Фин Балюконите

И вдруг создать Вселенную. И там
такую долгой солнечной ночью
жить будут двое. Птицы забормочут
на стенах, в рамках. И цветы цветат

в ней будет странно. Но цветены будут.
Раздвоенная молнией сосна
взметнется ввысь, и расцветет она,
и камень расцветет, и дождь, и люди.
Два любашки... Два сердца-одиночки,
создавшие из ничего судьбу...
Шиповник оплакает городью,
безмолвен, словно крик последней строчки.

Цирк

Вместо меня пусть тебе приснится
поле, и солнце, и клевер кругом.
Пусть цирковой горластый фургон
Нас понесет — замелькают спицы —
снова свой труд совершают всегдаший
к шумной, веселом и жаждой толпе.
Пусть над толпой будет тебе,
словно ребенку, светлая и бесстрашно.
Словно на крыльях взлетаешь ввысь,
выше улыбок, цветов и ахов,
выше восторгов и выше страхов,
выше шепота: «Поберегись...»
Вдруг скользнет в этот радостный круг
тихая песня любви и печали...
Пусть за меня тебе снятся ночами
поле, и солнце, и клевер вокруг.

Веселых подсолнухов нету давно,
осталось лишь черное, мокре поле.
Я слышу, как время течет, и оно
меня от стыда очищает и боли...

Смывает с души осеннюю грязь,
и завтра я буду, как снег, первозданна,
и веток безлистых свободную вязь
я так благодарно разглядывать стану.

Мой ветер, мой север, повязка моя
на ране, оставшейся с этого лета,
когда, весь свой мрак до поры затая,
играла Вселенная волнами света,

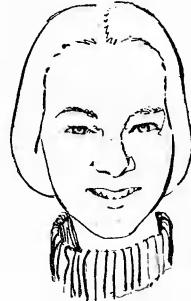
подсолнухов, бабочек, алых цветов.
О время меж завязью и созреванием,
любовью и смертью цветов и плодов,
меж радостью горькой и сладким
страданьем ..

Перевел с литовского
Б. ХРАМОВ.

КАК
ДВАДЦАТИ-
ЛЕТНИХ

ДЕВУШКИ МИРА И МИР ДЕВУШЕК

Студентка факультета философии и филологии Ленского университета (отделение истории) Доминик КАРПАНТЬЕ — член коммунистической организации молодежи Бельгии. Необыкновенно тонкая (так хватит сказать — хрупкая), она в своих суждениях не по-девичьи категорична.

В этом номере «Юности» мы открываем «Клуб двадцатилетних». В первом заседании клуба участвуют только девушки, представительницы разных стран и континготов.

В октябре прошлого года эти девушки приехали в Москву на Всемирную встречу. Они знакомились с жизнью своих советских сверстниц, присматривались, сравнивали. Они много спорили, высказывали интересные мнения и единодушно осуждали войны, произвол, всякое насилие над человеческой личностью. Тогда, в дни Всемирной встречи, мы подумали, что право открыть наш клуб должно принадлежать им. Во-первых, клуб открылся в Год женщин. Во-вторых, наши собеседницы ориентировано мыслили, их разговоры были злободневны. Немаловажно было и то, что девушки скоро уезжали — когда еще удобнее с ними встретиться?

А вообще на идею создания клуба нас натолкнула наша читательница.

Мы получаем много писем, в которых двадцатилетние интересуются мнением и своих сверстников и старших по самым разным вопросам — образования, моды, выбора профессии, взаимоотношений между юношей и девушкой, развития музыкальной культуры и т. д. В письмах содержатся и спорные суждения. А что, если вынести спор на страницы журнала?

Так родилась идея клуба.

Мы предполагаем устраивать заочные (по письмам) и очные (непосредственно в редакции) заседания клуба. Темы подсказываются вами, дорогие наши читатели. Ведущими в спорах и дискуссиях будут и ваши ровесники и самые авторитетные и знающие старшие ваши товарищи.

Итак, первое заседание «Клуба двадцатилетних». Его ведет журналистка Татьяна Любецкая, мастер спорта, экс-чемпионка мира по фехтованию. Татьяна побывала во многих странах. Ей знакомы многие проблемы молодых за рубежом.

Мои собеседницы — девушки из Перу, США, Франции, Бельгии, Англии, Советского Союза, Польши и Японии. Первый вопрос, который я задаю им, считается традиционно женским, однако отвечают, что девушки понимают его гораздо шире.

— Считаете ли вы современ-

ными мнения, что слабость украшают женщины?

БЫОЛАETA ТЕЛЬО (Перу): Я думаю, современная женщина должна во всем идти на равных с мужчиной. Нет такой сферы деятельности, которая была бы ей недоступна.

ДИАНА СТЕНТОН (США): Безусловно, тяжелые физические работы по-прежнему не для женщины. Что же касается остального, я считаю — женщина должна участвовать во всем.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ (Франция): Думаю, женщина должна пол-

Диана СТЕНТОН — член Коммунистической партии США, состоит в молодежной рабочей организации «Учиться в комитете», но окончила его на «смоготе», привыкнув зарабатывать на жизнь, работая секретарем одной из строительных контор (г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут).

Франсуаз КРОНЬЕ — студентка юридического факультета парижского университета (Университет Париж X), член социалистической партии. В беседе предпочитает подольше подумать, нежели ответить неточно.

Английская комсомолка Джин КАЗИНС — активистка Национального совета защиты гражданских свобод. По профессии Джин переводчик, филолог с дипломом Кембриджского университета.

ностью освободиться от своих слабых сторон. Круг ее интересов вполне может быть таким, как у мужчины. Но поскольку женская натура отличается от мужской чисто физиологически, то это и определяет ту границу, которая все же существует. Например, тяжелые ручные работы, безусловно, противопоказаны женщине. А в остальном... имея такие же умственные способности, как мужчина, женщина в состоянии быть на любой работе, на любом посту, со всеми вытекающими отсюда интересами и увлечениями.

ДЖИН КАЗИНС (Англия): Здесь трудно ответить и «да» и «нет». Но если иметь в виду сферу деятельности современной женщины, то, думаю, она может заниматься решительно всем. Ну, разумеется, исключая те виды работы, которые могут отрицательно сказать на развитии будущего ребенка.

ЕКО ХОСОИ (Япония): Я не считаю, что женщина слаб. Вопрос в том, чтобы ей дали возможность проявить свои способности и силу. Если коротко, то я считаю предварительным условием равноправия — охрану функций материальства. И в связи с этим, конечно, не

все занятия годятся для женщины. То есть с физиологической точки зрения она не может во всем равняться с мужчиной. Но создать для женщины условия, равные с мужчиною, необходимо, чтобы она имела возможность хотя бы попытаться заняться тем или иным делом.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ (Бельгия): Я считаю, что женщина должна освободиться от всех слабостей. Помимо тяжелых физических работ, я могу заниматься и увлекаться всем, чем увлекается мужчина. Политика — хороший тому пример, у нас женщины всерьез занимаются политикой. С другой стороны, мужчины могут заниматься домашним хозяйством, хотя, как правило, они считают, что это не для них. Все же, думаю, им можно это доверить. Они, безусловно, должны делать с нами домашние обязанности.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК (Польша): Конечно, эти слова не устареют! Никогда! Я говорю так на основе собственного опыта. В моей работе часто бывало так, что мне удавалось уладить дела, с которыми мужчина, я уверена, ни-

когда бы не справился. Женскую мягкость, чисто внешнюю беспомощность не заменит никакая сила, и порой они могут действовать совершенно неожиданно.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ (СССР): Если говорить о современной женщине вообще, подразумевая ее положение в обществе, работу, спорт и т. д., то, конечно, эти слова уже совсем не звучат. Но если иметь в виду личную жизнь, семью, то, по-моему, они остаются в силе. Я вожу машину, хожу в горы, занимаюсь общественной деятельностью. Но... думаю, женщина все же должна оставаться женщиной. Есть вещи, доступные только ей. И если она будет делать все бровены с мужчиною, у нее не останется сил, времени на чисто женскую сферу. Детям ничего не заменит женскую ласку, заботу... И этот быт, которого я немного боюсь, тоже требует времени. С другой стороны, допускаю, что мужчина может проникнуть в исконно женскую сферу и быть полезен, скажем, в домашних делах, на кухне... Что касается меня, то я не люблю, когда мужчина «работает» на кухне, потому что я еще не встречала такого, который делал бы это, как

Работница библиотеки Тонииско-го университета Еюко ХОСОИ с огромной энергией участвует в деятельности Лиги социалистической молодежи Японии. Удивительно скромна. Но и удивительно принципиальна.

Виолета ТЕЛЬО — студентка факультета управления и администрации Университета в Лиме (Перу). Работает в книжном магазине. Виолета — член организации «Перуанская коммунистическая молодежь». Эта смуглая большеглазая девушка всегда серьезна.

Малгожата ДОМИНИЧАК — студентка 5-го курса медицинского института в Щецине. В своем вузе она руководит организацией Социалистического союза польских студентов. Малгожата легко и искренне общается, сопровождая свои слова широкой улыбкой.

Я. Я говорю только о кухне. Если говорить о проникновении мужчин в сферу женских дел, то речь, вероятно, может идти лишь о домашних делах. Что еще они могут делать?.. Вяжу, по-моему, только английские!.. Во всяком случае, у нас я не встречала вяжущих этих мужчин.

Вяжущий мужчина? Это звучит любопытно. Намного любопытней, чем, скажем, женщина — общественный деятель. И это говорит, вероятно, о том, что женщина более решительно занимается исконно женские позиции, чем мужчины — женские.

И все же до сих пор существует мнение, что удел женщины — дом, семья, дети и ничего другого ей не нужно.

— Скажите, пожалуйста, что лично вам дает ваша общественная работа?

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Для меня это способ образования, самовыражения. Я могу высказываться, спорить о многих вещах, которые потом, возможно, помогут улучшить мою жизнь и жизнь других людей. Общественная деятельность помогает мне лучше разбираться в современных проблемах и, что особенно важно,

позволяет занять определенное место в обществе.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я думаю, что женщина, которая занимается только кухней, детьми, своим мужем и собой, является женской-вещью. Это как раз то, против чего мы боремся. Я верю, что своим каждодневным участием в общественной жизни приношу пользу.

ДЖИН КАЗИНС: Общественная работа? Для меня это путь к справедливости, к более полному пониманию людей разных слоев и возрастов. И, кроме того, я прошлю приобретаю дружбу людей, с которыми работаю в союзе.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Действительно, широко распространено мнение, что общественная деятельность — не для женщин. А у нас, в Перу, участие в общественной жизни иногда просто опасно. Однажды я была арестована. Это случилось во время университетских выборов, когда местные маоисты организовали провокацию. Мы пытались их утихомирить, но из этого ничего не получилось. И дело кончилось столкновением. В результате нас всех арестовали и выпустили только через два дня.

Мои родные осуждают меня за вступление в организацию «Перуанская коммунистическая молодежь», но я... я чувствую себя счастливой.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Для меня общественная работа — это школа общения... Я имею возможность встречаться со многими людьми, говорить, спорить о разных вещах, о проблемах современности... это помогает мне расти, находить себя... Для меня это еще и способ раскрепощения: я от природы застенчива.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Мне кажется, общественная деятельность помогает человеку в самовоспитании. Я многому научилась, познакомилась с хорошими, умными людьми... Я нахожусь в центре жизни своего вуза, своей страны... Но это еще не все. Общественная работа — всегда школа общения. Я хочу стать врачом. И мне очень важно уметь общаться с людьми, чтобы лучше понять их и уметь помочь.

Обсудив первые два вопроса, мы выяснили, что круг интересов, дел и увлечений современной молодой женщины широк и разнообразен. Вы работаете, учитесь,

Будущий инженер-экономист Виолета СТУКАЙТЕ — член бюро ЦК ЛКСМ Литвы. В своем Каунасском политическом институте она учились под руководством штатной комсомольской активистов.

занимаетесь спортом, участвуете в общественной жизни...

Остается ли у вас время на личную жизнь? Есть у вас друг (любимый человек)? Соответствует ли он вашему идеалу мужчин? Как вы относитесь к понятиям «семья», «дети», «домашний очаг»?

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Очень трудались выкропить время на личную жизнь, даже в воскресенье я работаю в организации «Перуанская коммунистическая молодежь». Я не замужем, и у меня нет возлюбленного... Если я выйду замуж, то только за человека, который будет разделять мои убеждения. У меня будет четверо или пятеро детей. Я должна быть хорошей матерью. И нужно будет найти время для создания домашнего очага. И уверен, что мои дети не будут получать меньше ласки оттого, что я работаю занимаясь общественной деятельностью. Я не знаю, как я буду делять время между работой и семьей, но уверена, что сумею это сделать. Когда я была маленькая, родители часто оставляли меня без присмотра, и я на своем опыте знаю, как горько быть одной.

ДИАНА СТЕНТОН: К сожалению, остается очень мало времени для себя... С моим мужем мы познакомились еще в школе. Что нас объединяет? Общие взгляды на жизнь, любовь к различениям — театр, кино. Мы очень любим танцевать. Красивый? О да! Вероятно, его можно считать моим идеалом, потому что я знакома с ним с 15 лет и никого другого себе не представляю... Очень не люблю противопоставлять семью всему остальному, но все же семью, пожалуй, самое важное.

Собственно говоря, все, что я делаю (моя работа, общественная деятельность), я делаю в конечном итоге ради семьи, ради дочери... Я бы хотела иметь трехчетырех детей, но, вероятно, не смогу себе этого позволить.

ЭКО ХОСОИ: Я уже замужем, муж также состоит в Лиге социалистической молодежи. Мы познакомились на национальном фестивале мира и дружбы. Тогда он мне показался человеком оригинальным, с очень широким кругозором и... забытым. Он и сейчас очень забытый. Прежде всего нас объединяет борьба за наши общие цели... Хотя понятия «домашний очаг», «семья» я считаю очень важными. Но сейчас мне трудно говорить об этом — у меня нет семьи в общепринятом смысле... Я редко бываю дома, мы с мужем мало видимся, нам не хватает интимных, задушевных бесед. Но я бы очень хотела иметь настоящий домашний очаг, семью, детей.

ДЖИН КАЗИНС: На личную жизнь у меня, конечно, остается время, если только это можно назвать временем. Человек, которого я люблю, тоже занимается политикой, и иногда мы видимся едва ли пять минут в день. Но это все же лучше, чем ничего.

Об идеалах мне говорить трудно. Нас объединяет более или менее сходные политические взгляды, одинаковые вкусы в музыке, любовь природе. Я не могу сказать, чтобы мы во всем сходились. У нас есть свои проблемы... Поженимся? Сомневаюсь. Он принципиально против женитьбы. А я? Я все же попытавшись его перевоспитать... Да, я очень хочу, чтобы у меня были дети. И как можно скорее. Один или два... Я даже готова на некоторое время оставить работу, чтобы довести детей до определенного возраста.

ФРАНСУАЗ КРОНЫ: Любовь? О да, я считаю, что современная женщина должна все успеть. У меня даже остается время на ка-

рато и гимнастику. У меня есть парень, которого я люблю, но это ведь не вечно. Красивый? Нет, не очень. Я еще не замужем, но мне кажется, что очень здорово жить в хорошей, сплоченной семье... Я бы хотела иметь двух-трех детей, не больше. В противном случае в нашем обществе не будет возможности их воспитать и дать им образование.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: У меня есть парень. Мы познакомились в горах, катались на лыжах... Он живет в другом городе, поэтому мы очень редко видимся, примерно раз в месяц. Но зато тогда накапливается много новостей... нам есть о чем рассказать друг другу... Домашний очаг, семья были бы моим самым счастливым местом в мире. Хочу иметь двух детей: мальчика и девочку.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Вообще-то для устройства семьи времена маловато, но я, конечно, стараюсь его находить... Нет, мой друг не очень красивый, но симпатичный. Мы познакомились в Союзе коммунистической молодежи, когда он был куратором нашей группы, и теперь вместе ведем политическую борьбу. Он преподаватель истории, это как раз то, чем я собираюсь вскоре заниматься после окончания университета. Так что и тут у нас много общего... Пожалуй, он мог бы быть моим идеалом, если бы мне не нравились высокие блондинки, а он не был бы брюнетом невысокого роста... Но я люблю его... Я, конечно, хочу создать свою семью, иметь детей, но не сразу. Я еще слишком молода... Думаю, прежде чем выйти замуж, нужно как следует друг друга узнать, чтобы не наделать ошибок...

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Я действительно очень занята. Но, на верное, нужно уметь откладывать... А кроме того, мой любовь — всегда со мной... Скоро я собираюсь выйти замуж... Я знаю его три года. Когда мы познакомились, он был президентом интерклуба в нашем институте, а я училась на первом курсе. Он понравился мне, как только я его увидела, а когда заговорил о жизни, о главной своей цели — создать счастливый мир — у меня появилось такое чувство, что я нашла свою судьбу и что мы останемся вместе... Я думала, у судьи от отношения, чувства меняются со временем. И, как во всем, люди и в любви могут идти дальше, выше, снова влюбляться... И ведущая роль в этом, мне кажется,

должна принадлежать женщине, но так, чтобы мужчина думал, что это его заслуга... От улыбки женщины многое зависит... Я уверена, что при всей занятости науди силы для семьи, воспитания детей. Я бы хотела иметь двух или трех детей... Думаю, что для женщины самая ее первая... — как бы это сказать? — «должность» семья. Мы ответственные за поколение, и каким оно будет — это в большой степени зависит от матери.

По-моему, Виолета очень хорошо сказала насчет первой «должности». Но ведь при всем том женщина должна оставаться красивой и обаятельной.

Что думаете вы по этому поводу? Влияют ли на ваше мнение в этом вопросе ТВ, кино, журналы мод? Считаете ли вы, что обаяние, привлекательность требуют каких-то специальных усилий (выражения, диета, косметика и т. д.) или в вашем возрасте это достигается само собой?

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Женщина постоянно должна выглядеть красивой, отдохнувшей, быть хорошо одета. К сожалению, мне это не всегда удается, но я стараюсь... У меня очень мало времени, чтобы думать об этом... Конечно, и кино, и ТВ, и журналы — все в какой-то степени влияет на мои вкусы, но я никогда не копирую написанное, нарисованное. Стараюсь выбрать то, что подходит моему типу. Я, например, не худенькая, поэтому не хожу в брюках. Думаю, это было бы не ладно для меня; по той же причине я не ношу коротких юбок... И еще я думаю, женщина должна как можно больше улыбаться, быть приятной, воспитанной и... оставаться собой.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Я не считаю физическую красоту женщины, ее обаяние чем-то значительным. К глубокому сожалению, капиталистическое общество требует от нас соблюдения определенных условий в этом плане. Например? Модны широкие брюки, и я вынуждена носить широкие брюки. Надеть узкие я уже не могу — не продаются. Вообще же все это меня очень мало интересует. Я думаю, чем проще ведет себя женщина, тем меньше ухищрений, тем лучше.

ЭКО ХОСОИ: Я не считаю те образцы женственности и красоты, которые нам преподносят ТВ, кино, журналы, настоящими. Они искусственные. А если смотреть глубже, все это направлено на то, чтобы отвлечь женщину от серь-

езных проблем. Я, конечно, слежу за модой, но не в той степени, в какой хотя бы нас заставляет многочисленные средства информации. Такая пропаганда на руку капиталистам, они на этом зарабатывают...

ДИАНА СТЕНТОН: На журнальные и кинозвезд я обращаю мало внимания и в основном следую интуиции. Когда я выбираю платье, я не имею в виду никого, кроме себя. Но если бы все же для меня существовал эталон, то это была бы Анжела Дэвис. Не только потому, что она красива, но — и это в первую очередь — потому, ком ей она является. В женщина я ценою прежде всего аккуратность, доброту и ее взгляды.

ДЖИН КАЗИНС: Я думаю, стремление к красоте должно идти от желания выглядеть здоровой и быть здоровой. Например, если женщина съедает диету для стройности — это хорошо и для здоровья. Ухаживает за кожей? Прекрасно, от этого кожа будет здоровой, а значит, и красивой. Если женщина нравится косметика и украшения — в этом тоже нет ничего плохого. Я даже не осуждаю мужчин с подобными вкусами. У нас в Лондоне есть молодые люди, щедро употребляющие косметику. Ну, если им нравится...

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я против журналов мод... Их так много и они отвращают женщину от более серьезных проблем. Думаю, нет необходимости быть самой красивой, вполне достаточно — только приятной. Мне кажется, среди огромного количества способов сделаться искусственно красивой важно не лишиться чувства меры, не потерять себя.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Главное — найти и сохранить индивидуальность. Впрочем, если в моде я могу найти то, что соответствует моему вкусу, я с удовольствием это приму, лишь бы не жертвовать своей индивидуальностью. Я пользовалась косметикой, делаю прическу, но больше всего стараюсь, чтобы была видна изюминка.

Итак, большинство моих собеседниц не придают решающего значения женской красоте в общепринятом смысле. Во всяком случае, материнство, общественные обязанности, работа — вот что составляет содержание их жизни.

Кстати, какие, на ваш взгляд, профессии, сферы деятельности наиболее престижны для современной молодой женщины?

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Думаю, что это те профессии, в которых женщина не уступает мужчине в интеллекте. На мой взгляд, привлекательность современной женщины идет не столько от душевности, мягкости, но в большой степени от интеллекта. Этим я объясняю выбор своей профессии. Я хочу учиться и дальше, изучать социальную психиатрию.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Мне нравится профессия медсестры.

ЭКО ХОСОИ: Затрудняюсь назвать какую-нибудь определенную профессию, но думаю, что скорее всего она будет связана с техникой.

ДЖИН КАЗИНС: Сейчас все больше женщин занимаются юриспруденцией. Существует множество законов, дискриминирующих женщин. И чем больше женщин будет заниматься юриспруденцией, тем быстрее мы сможем изменить эти законы.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я хочу стать адвокатом, и эта профессия кажется мне наиболее престижной.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Каждая хорошо работающая женщина, я думаю, считает свою профессию престижной. Меня интересует работа историка.

ДИАНА СТЕНТОН: Все профессии, все, что бы ни захотела делать женщина, должны быть ей доступны. В нашей стране женщина не имеет такой возможности. Но я считаю, что она должна ее иметь. А если конкретно, то женщина-судья... конечно же, женщина-президент. Я — президент? Почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Хотя, возможно, у мужчины на этот счет другое мнение. Но поговорим о менее спорных вещах, например, о таких, как комфорт, вещи, материальное благополучие.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: За все это надо дорого платить. И мне, студентке, с трудом зарабатывающей себе на жизнь, нелегко говорить об удобствах. Собственно, сейчас мне все это не нужно. Однако, если бы я в силах иметь возможность получить комфорт, материальное благополучие, то я бы тоже не отказалась. Я считаю: жить с комфортом — это хорошо.

ЭКО ХОСОИ: Я считаю, комфорт нужен для нормальной жизни людей, хотя трудающиеся Японии лишены такой возможности.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Для меня комфорт, в общем, не имеет значения. Но такие вещи, как, скажем, автомобиль, телефон,— они необходимы, и я не вижу в этом особого комфорта. Если, к примеру, мы открываем кампанию по расклейыванию листовок, автомобиль—просто незаменимая вещь. Телефон, мягкая мебель, хорошее освещение—все это даст мне возможность удобно заниматься и отдохнуть—потому что мне и не прийти этого?

ДИАНА СТЕНТОН: Комфорт? По-моему, это хорошо. То есть то, что необходимо для нормального существования. Роскошества мне не нужны. Необходимы дом, машина, хорошая еда и хотя бы немногие деньги на развлечения.

ДЖИН КАЗИНС: У меня нет никаких особых желаний, например, купить телевизор или машину. Мне нужно место, где жить, деньги на еду (я люблю вкусно поесть, бифштекс, например), проигрыватель, чтобы слушать музыку, и немногие одежды, чтобы иметь возможность делать разумные комбинации. Много денег? Если бы у меня появились деньги, я истратила бы их на путешествия и книги.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Комфорт, благополучие—это хорошо. Но... я очень люблю путешествия, маркируты по горам, выставки. После этого комфорта, вещи как-то теряют цену.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Рассумеется, никто не хочет жить в нищете. Мои желания не простираются до роскошных замков с уникальной мебелью. Но я не откажусь от хороших условий. Вообще-то я из обеспеченной семьи, но сейчас, в силу обстоятельств—я живу с другом,—обитаю в комнате без горячей воды. Почему бы мне не жалеть горячей воды? Если бы у меня появилось много денег, я все равно пользовалась бы минимальными удобствами, а деньги отдавала движению коммунистической молодежи.

Как далеко вы решаетесь заглянуть в будущее? Можете ли вы представить себя, например, пятидесятилетними? Как относитесь к людям, которым сейчас пятьдесят?

ЕКО ХОСОИ: Пожалуй, не могу представить, какой буду через тридцать лет. Люди, которым сейчас пятьдесят, испытывали войну, и мне хочется больше услышать от них об ужасах и бедствиях войны. Мы должны все это знать.

ДИАНА СТЕНТОН: Нет, не представляю себя пятидесятилетней... К людям, которым сейчас 50 лет, отношусь с почтением. В моей организации (я имею в виду коммунистическую партию) есть женщины, которых 72 года, но она так же активна, как и я.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Да, могу. Хотя мне вовсе не нравится стареть. Но я допускаю, что жизнь может быть интересна и в пятьдесят. У людей в этом возрасте больше жизненного опыта, и они в состоянии столь же активно участвовать в решении жизненных проблем, как и мы.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Пятидесятилетней? Мне даже трудно представить, что я в будущем году буду инженером. Впрочем... Я думаю, что в пятьдесят внешние я изменюсь, но, надеюсь, внутренне останусь такой же, разве что опыта будет больше. К людям, которым сейчас пятьдесят лет, я отношусь с большим уважением, они мои друзья. Возможно, в их возрасте я сумею достичь большего...

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Люди, которым пятьдесят... Для нас, поляков, очень важно, что они пережили войну, боролись за свободу, они рассказывают нам о том времени, и их рассказы мы должны запомнить... Я отношусь к ним с уважением. Но, с другой стороны, они должны понять молодых, уступать молодым, продолжавшим их дело.

ДЖИН КАЗИНС: Не могу представить себя пятидесятилетней... Я отношусь с большим почтением к старшим, стараюсь перенять их опыт, и мне очень жаль, что часто к пятидесяти годам люди настолько устают от жизни, что практически сдаются. Но те, кто продолжает борьбу, их действительно можно уважать.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Да, могу. Надеюсь, к этому времени я сумею многое сделать и у меня будет четверо или пятеро детей. Людей, которым сейчас пятьдесят, я очень уважаю, но... в основном им непонятны современные проблемы, потому что они выросли в капиталистическом обществе и уже не могут перестроить свой образ мышления.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я живу настоящим... Люди, которым сейчас пятьдесят... Не могу не согласиться с тем, что они отстали. Но это естественно, потому что они получили образование и воспитание тридцать лет назад.

Мы очень много говорили об обязанностях, о долге современ-

ной молодой женщины... Но представьте, вам выпала совершенно свободная от обычных дел неделя. Как бы вы ее провели?

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Уехала бы куда-нибудь путешествовать.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Постаралась бы уехать куда-нибудь дальше от Лимы... Если бы у меня был парень—то вместе с ним.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Я бы забралась в деревню и рисовала. И непременно со своим другом. Но концу недели я бы устала отдыхать. Я привыкла к активной жизни.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Я бы поехала в Ленинград, в Эрмитаж... Наверное, одна.

ДИАНА СТЕНТОН: Может быть, я провела бы эту неделю на пляже, в лесу, где-нибудь, где очень тихо и красиво. Одна... Но, возможно, что через три дня я почувствовала бы себя одинокой и захотела вернуться.

ДЖИН КАЗИНС: Я бы поехала за город с друзьями. Я не люблю быть одна. Скорей всего, я бы поехала с друзьями, у которых маленькие дети.

Закрывающая заседание клуба, я задала девушкам последний вопрос: *«ваша самая большая мечта?*

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Найти счастье в работе и в семье.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Я хотела быт балериной, как Майя Плисенская. И если бы не несчастный случай... А теперь я хочу стать хорошим борцом за дело, в которое верю.

ДЖИН КАЗИНС: Быть счастливой в личной жизни. И помочь осуществлению свободного социалистического мира для всех.

ЕКО ХОСОИ: Моя самая большая мечта—чтобы Япония стала социалистической страной.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Чтобы весь перуанский народ стал по-настоящему счастливым и все народы тоже.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я хотела бы достичь очевидных результатов в своей борьбе за социализм и прогресс в положении женщин. Но надо, чтобы еще многие осознали смысл нашей борьбы.

ДИАНА СТЕНТОН: Я хотела бы, чтобы мое поколение в Соединенных Штатах увидело социализм. И не только в Штатах, но и во всем мире.

Hука на рубеже наук... Понятие, еще недавно столь необычное, теперь уже прочно укоренилось в психике и в быту исследователей. Но когда по этой тревожной границе соприкасаются сразу три научные держаны и, по сути, в одной точке сходятся интересы трех весьма беспокойных и быстро растущих соседей, тогда «границничкам» покоя нет.

Биология... География... Геология...

У каждой системы наук свой свод законов, свой устоявшийся уклад жизни, свои автономные области. Уலживание взаимоотношений между ними уже само по себе профессия, и притом довольно хлопотная. А здесь еще новая забота — палеонтологиия, географическое детя, с юных лет заявившее о своей независимости и, что самое главное, подтверждившее свои права на существование внедрением экспериментально-теоретических открытий в практику. А от роду этому чаду всего не сколько десятков лет...

В нашей стране сейчас около двухсот палеонтологических лабораторий. Нет ни одного значительного научного центра, университета, производственного геологического объединения, где бы не работала специалистка этого нового направления. За рубежом крупные промышленные корпорации — такие, например, как «Стандард ойл» (а они весьма далеки от бескорыстного научного меценатства!), — привлекают к сотрудничеству многих палеонтологов, создают крупные отделы и лаборатории, оснащают их самым современным и дорогостоящим оборудованием.

У колыбели этого дитя стоят такое с виду идеалическое занятие, как наблюдение за пыльцой и спорами современных растений, изучение микроскопических зерен — носителей жизни будущих поколений флоры.

Весенний животворный вихрь разносит эти мельчайшие одноклеточные частицы по белу свету. Сколько раз, пазерно, от ванших прикосновений к цветам, ветвям, листьям вспархивали облака пыльцы и спор. А может быть, вы склонны к созерцанию и поэтому, не задумываясь о первопричинах, просто наслаждаетесь прекрасным зрелищем — золотистым налетом на поверхности озер и рек...

«Пылько» — по-гречески рассеивать, разбросывать. И великий сейтель Природа делает это щедро. К примеру, с одной сережки

Людмила
ПОРТНЯГИНА

Людмила Александровна Портнягина — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Украинского научно-исследовательского геологического института (УкрНИГРИ) г. Львове. В литературном журнале печатается впервые.

СПОРЫ ВОКРУГ СПОР

Рисунок
Е. МАЦЕЕВСКОГО

опрешика таких пылинок слетает более четырех миллионов...

Без палеонтологии — родительницы науки, о которой мы поведем речь, — уже сейчас не могут обойтись такие прикладные отрасли, как, скажем, пчеловодство (по пыльце в меде устанавливается, настоящий ли он и откуда он взят) и криминалистика (споры и пыльца, обнаруженные на обуви и одежде, могут определить местность, где был подозреваемый, и доказать таким неожиданным образом его причастность или непричастность к преступлению).

Но все-таки только с приставкой «палео» («древнее») новая наука — палеопалеонтология — обрела мониторных размах и поистине стремительный темп развития.

Геологи уже давно обнаружили ископаемые остатки растений в горных породах. Сейчас, пожалуй, уже все знают, что уголь — это спрессованный в пластах древний лес, что окаменевшие деревья когда-то были живыми и их корни шумели над землей, когда еще и намека не было на разумное человеческое существование. Но многие годы никому и в голову не приходило, что в горных породах с долой и сложной геологической биографией могли уделеть мелкие и на первый взгляд такие нежные образования, как споры и пыльца.

Поэтому иначе, как сенсационным, не назовешь обнаружение этих микроостатков растений в земных слоях, насчитывающих по возрасту многие миллионы лет. Можно представить, с каким волнением первооткрыватели следили в микроскоп за этими мельчайшими свидетелями жизни архидревних эпох. У спор и пыльцы вскоре выяснился ряд достоинств и преимуществ перед другими палеонтологическими окаменелостями, позволяющими определять возраст геологических наслойний. Оказалось, что хрупкость и нежность оболочки пылинок и спор только кажущаяся; что на самом деле их скорлупа значительно более живучая и устойчивая, чем крепкие панцири, различные скелеты и раковины ископаемых организмов.

Полностью исчезали с лица земли, разрушались, растирались грандиозные стволы, листья, стебли и плоды растений, а мельчайшие зерна спор и пыльцы сопротивлялись и активному бактериальному воздействию, и сильным перегревам, и колоссальным сжатию в толщах горных пород, погруженных на большие глубины.

Если многие растительные и

животные сообщества прошлого захоронялись на месте своего существования (и это затруднило сопоставление различных геологических слоев, возникших в разной физико-географической обстановке), то споры и пыльца разносились на многие десятки, а то и сотни километров, проникали и в донные осадки различных акваторий (от малых озер до океанов) и в различные породы материального, континентального происхождения. Это обстоятельство открывает совершенно новый аспект в палеогеографии, дает возможность восстанавливать и изучать климат ландшафта очень далекого прошлого, причем в глобальном масштабе...

Геологии знают, какая это беда — «немая» толща. Сотни, а то и тысячи метров пластов горных пород лишены всяких остатков органической жизни; они безмолвны, «немы», молчат о своем происхождении, и, что самое плохое, возраст их подчас установить почти невозможно. А без датировки толщи заходят в тупик многие геологические исследования, в том числе и наиболее насущные для человечества — поиски полезных ископаемых. Но палинологи даже в самой безнадежной серии пород могут обнаружить невидимые простым глазом зернышки истины...

...И сколько таких искр познания засияло в темных и беспросветных толщах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Памира!

Я палинолог и пропути читателя сделать поправку на мой заинтересованный взгляд на свое дело «изнутри», а не «снаружи» и на мои возможные субъективные заблуждения. Но мне кажется, что энтузиазм и поисковая смелость, необходимые в любой, особенно в новой «пограничной», области являются в палинологии тем воздухом, без которого нельзя сделать ни одного самостоятельного шага...

Откуда бы ни приходил специалист в науку отрасль — из геологии, географии или ботаники, — ему приходится сталкиваться с недоумением коллег по недавнему ремеслу. Обычны сенсации такого рода: «Был геолог (биолог, географ) как геолог (биолог, географ), а теперь? Ни то ни се!»

Когда же я по образованию геолог-поисковик, пришла в палеопалинологию более 15 лет назад, то еще добавляли: «Да и дело-то какое-то сомнительное!» А юристы еще каламбурили: «Брось, это занятие. Вокруг пыльцы и спор одни споры!»

Шутки шутками, но каждому из нас фактически приходилось приобретать и полностью осваивать еще одну профессию: ботаником — геолого-географическую, геологом и географом — ботаническую. Сейчас, оглядываясь назад, видишь, что уже эти первые препятствия и трудности отсеяли многих начинающих.

В нашей отечественной палинологии большинство палинологов — женщины. Среди них такие выдающиеся ученые с мировым именем, как Л. А. Кунярова из Ботанического института АН СССР, пледя «гинновцев» (сотрудников Геологического института АН СССР), пионер исследований самыи древних — палеогорской и докембрийской — флор С. Н. Наумова и крупнейший специалист по кайнозойту¹ профессор Е. Д. Заклинская.

Перечень имен можно было бы и продолжать, но я не случайно остановилась на Елене Дмитриевне Заклинской. Ее я знаю лучше других. И если уж писать портрет современного палинолога, то лучшего образа не найдешь. Она относится к тем людям, с которыми, как принято сейчас говорить, «не соскучишься».

¹ Кайнозойт — наиболее молодая эра развития растений.

В ней самой и в ее окружении мысль пульсирует непрерывно. Своим беспокойством она может заразить кого угодно. А сколько работоспособности в этой хрупкой и изящной женщине! Сколько в ней бесконечно-рыстого фанатизма, всегда какого-то своего, веселого и жизнестойкого! Сколько веры!

По-моему, ее бесчисленные идеи никогда бы не могли возникнуть без высокой общей культуры, без жажды интереса ко всему, что происходит в мире: к литературе (она сама пишет стихи), к музыке (только случайность помешала ей стать профессиональной пианисткой), к живописи (она великолепно рисует). Она неутомимый геолог-полевик в прошлом: Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Сахалин — далеко не полная география ее многолетних маршрутов. В самые недавние дни она могла поразить своих товарищей по плаванию на «Витязе» пытанием с аквалангом за донными пробами.

Ее портрет далеко не икона. Она живой человек в живой и любимой профессии.

Почему же женщины? Вероятно, то терпение, которым мы обладаем, та скрупулезность и упрямство, та вера в успех дела, которое многим кажется безнадежным, не всегда по плечу сильному полу.

И в то же время палеопалинология — вполне мужское дело, требующее, кроме кропотливого эмпирического труда, еще и широты обобщения, строгой логики. Тому свидетельство — труды фундатиров этой отрасли, первые работы в этом направлении 30—40-х годов К. К. Маркова, В. П. Гричука и других.

Как бы там ни было, а факт остается фактом: большинство ведущих палинологов за рубежом — мужчины. Нередко в наших крупных лабораториях можно наблюдать их — американцев, немцев, болгар, румын и других — на стажировке у наших женщин-корифеев. Как ядко ловят они мудрые слова своих маститых наставниц, усваивающих их рекомендации и, что скрывать, покорно спускают издалека не всегда ангельский характер.

А да и как тут останешься ангелом, когда маловеров и скептиков — особенно в смежных трех науках — не занимать, когда все, что ни делаешь, все ново, а новому всегда приходится последок.

У меня даже самых миролюбивых соратниц изнова вырабатывается воинственная защитная реакция. Отстаивать свои новые положения многим приходится в настоящих научных баталиях.

Я по своему характеру и поведению отнюдь, как говорят, к «робкому десятку». Но дружи до сих пор с удовольствием рассказывают (и хохочут во все горло, вспомнив) эпизод на моей защите кандидатской диссертации. Сама подзащитная плохо это помнила по той простой причине, что соискатель перед лицом грозного научного совета, под напором оппонентов передко впадает в состояние, близкое к самимбульевскому. Примерно то же самое произошло и со мной, когда я с указкой в руках начала наступать на одного из главных геологических академиков (кстати, выше меня ростом на две с половиною головы). Злыя языки уверяют, что эта сцена напоминала сеанс фехтования. Скажу вам честно, что за меловым кругом науки «в мир» таким поступком бы был для меня попросту немыслим...

Было бы неверно думать, что если к нам постоянно обращаются за помощью при изучении материала из самых глубоких и сверхглубоких скважин, если, по сути, ни одна нефтегазонесущая провинция (в особенности открытые недавно) не обходится без палинологических определений, то вся наша наука сделана к чисто прикладной, утилитарной деятельности.

Отнюдь. Даже наоборот, никакого практического проку от нас бы не было, если бы палеонтологи постоянно и успешно занимались экспериментальными и теоретическими изысканиями.

Палеонтолог не тужда всем новым веяниям научно-технической революции и быстро берет на вооружение последние достижения современной техники. В электронных микроскопах с их громадными увеличениями пыльца и споры открывают неведомый доселе феерический рисунок своих оболочек. Широко применяются люминесцентная микроскопия, точнящие геохимические методы усиливают связь палеонтологов с цитологией, эмбриологией и биохимией.

Как же выглядели растения прошлого, каков был облик юрьевых великолепных чащ периодов расцвета флоры и во что превращались эти грандиозные леса во времена резкого иссушения климата или его общеземного похолодания? Ответить на этот вопрос оказалось далеко не просто. Что делать с теми страницами геологической летописи, где уделены лишь отдельные буквы — споры и пыльца, а целые слова и строки — стебли, деревесина, листья, корни, плоды — отсутствуют полностью, вычеркнуты начисто разрушительными силами? Ответ на этот вопрос без палеопалеонтологов дать нельзя.

Путь один: детальнейшие сопоставления, постепенное и непрерывное движение от известной нам флоры и ее спорово-пыльцевых продуктов к реконструкции загадочной древней растительности по ископаемым спорам и пыльце, поиски всех соединительных звеньев в этом длиннейшем эволюционном ряду. Осилали эту терпичную дорогу идущий, и, так уж вышло, он должен быть палеонтологом.

В разрешении проблемы происхождения океанов — одной из самых животрепещущих проблем юрщеского естествознания — палеонтологам тоже надлежит не последнее место. Поразившие всех находки спор и пыльцы в донных отложениях самых глубоководных впадин и на океаническом ложе еще раз подтвердили правомерность наследопалеонтологического метода сопоставления морских и континентальных отложений, позволили более уверенно говорить о возрасте и происхождении осадков в холодных и темных пучинах Мирового океана.

А проблема миграции нефти — это крови современного промышленного организма! Путь возникновения и движения ее по различным таинственным подземным каналам непрерывно волнуют нефтяную

науку и промышленность. Под микроскопом в этой маслянистой жидкости были также обнаружены споры и пыльца, причем из пластов и глубин, весьма удаленных от месторождения. Благодаря палеонтологам возникло новое, и быть может, одно из самых действенных средств изучения миграции из нефтегазовых источников в те резервуары, откуда многочисленные скважины качают черные соки нефти.

Вклад палеонтологов в промышленные достижения последних пятилеток невозможno выразить в цифрах и процентах, но за многими из осуществленных и выполненных планов стоит их труд. В еще более широких масштабах поиски будут продолжены в стартующей десятой пятилетке. Невозможно себе представить изучение таких нефтепромышленных регионов страны, как Северо-Тяньменский, Средне-Обский, Тимано-Печорский, Манычшакский и другие, без применения спорово-пыльцевого анализа. Здесь не только прогнозирование больших территорий, но и собственно поиски и разведка конкретных нефтяных ловушек. Это нефть. А угля, бокситы и многое другое?

Долгое время геологические процессы давностью в миллиарды лет считались азойскими, то есть безживотными, лишенными органики в любом ее виде. Благодаря работам наших и зарубежных палеонтологов в докембрийских комплексах Земли были обнаружены спороподобные организмы, а в самых раннейших кристаллических породах были найдены аморфные нерастворимые органические вещества, содержащие спорополленин.

Значит, зарождение жизни на Земле могло начаться в условиях очень высоких температур и совершенно, казалось бы, невыносимых давлений. Этот начальный период в становлении земной коры сейчас многими учеными сопоставляется с термодинамическим режимом других планет, «недозревших» до Земли — скажем, таких, как Венера. Значит, нельзя исключать, что возможности спорово-пыльцевого метода не ограничиваются только земным применением и, что уж совершенно точно, при исследовании первых инопланетных космических проб не обойтись без палеонтологов.

Это потому... А пока прав поэт: «Земля — наш прекрасный удел! — и здесь нам и забот и волнений хватает... И споров, конечно, — какая же без них может быть истин!»

г. ЛЬВОВ.

Наталья ТОДОРОВА

Ей 22 года.

Живет в Курске, работает в редакции газеты «Курскская правда» и журнала «Молодежь». Учится на отделении журналистики филологического факультета Воронежского университета. В центральной прессе публикуется впервые.

одна среди мальчишек

У нас в роду все неравнодушны к автомобилям. Как-то, копаясь в семейном альбоме, я наткнулась на фотографию: за рулем старого «Делониз-Бельвиля» — чернобровый лхой парень. На боку машины лозунг: «На ней мы штурмовали Зимний дворец, сейчас на нее мы готовим кадры для социалистического строительства».

— А это кто? — спросила я у деда.

— А это я, — ответил он, — на праздничном параде в Ленинграде в двадцать седьмом году.

— А откуда такой допотопный автомобиль?

Тут дед рассказал мне, что на этом самом «допотопном» автомобиле ездил еще Григорий Распутин. Дед даже хранит архивный документ, в котором указано, что автомобиль «выделен из царского гаража в распоряжение Г. Распутина». После революции «Делониз-Бельвиль» перекочевал в гараж Ленинградского института инженеров путей сообщения и оказался в распоряжении моего деда, который преподавал студентам практическое вождение.

Деду было тринадцать лет, когда он уже ездил на «Фиате», а в девятнадцать он получил первый класс. Женившись, он научил водить машину мою будущую бабушку, а когда у них родился сын, мой отец, дед как раз написал книжку «Как управлять автомобилем».

Когда в сорок пятом году дед возвратился с фронта, он привез с собой трофеенный мотоцикл «ДКВ-250». Это был первый мотоцикл моего отца. Позднее, всерьез занявшись мотоспортом, отец купил себе «Ягу». И родилась я.

Когда мне исполнилось девять лет, отец собрал микромотоцикл «Блоху». Однажды он подвел меня к нему и спросил: «Хочешь попробовать?» Пробовать мне не очень хотелось. Тем более, что накануне я видела, как на этой самой «Блохе» один папин знакомый получил легкое сотрясение мозга. Но, чтобы утерпеть нас соседским мальчишкам, я села на мотоцикл и через минуту уже мчалась по дорожкам детского парка. Однако я забыла о страхе, где находится тормоз. Мой бедный папа бежал позади и

кричал, как нужно останавливаться. Когда я выбиралась из-под мотоцикла с ссадинами на локтях и коленях, я еще не знала, что это только начало, что я стану гонщицей. Стану картингисткой.

Картингом женщины почти не занимается. Оговариваются: «почти». В разных странах в соревнованиях по картингу на равных правах с мужчинами выступают, пожалуй, не более десяти женщин! А одна из них, итальянка Сюзанна Роганелли, в 1966 году в возрасте двадцати двух лет выиграла чемпионат мира, победив сорок мужчин.

Как выглядят карты? Представьте обычный миниатюрный автомобиль. Максимум снимите с него кузов. Двигатель находится с правой стороны от сиденья водителя, жесткая рама — без какой-либо подвески колес, рулевое управление — как у обычной машины.

Рассказывают, что после окончания войны на одном из американских аэродромов, чтобы не скучать в свободное от полетов время, летчики придумали такую забаву. Они взяли тележки, которых на каждом аэродроме полно было, поставили на них двигатели от газонокосилок и стали гоняться наперегонки. А уже в начале пятидесятых годов швейцарская газета «Автомобиль ревю», описывая совместное распространение в Европе нового вида автомобилей — небольших гонок на так называемых го-картах, то есть карликовых автомобилях, писала: «Подобно азиатскому гонцу, накатился на Европу волна нового спортивного увлечения. Она идет из Америки, захватила сначала Англию и спорадически распространяется сейчас на континенте, достигнув Скандинавии».

Первые официальные соревнования по картингу назывались «Гран при» на газонокосилках». Они состоялись 17 мая 1958 года в студенческом городке университета Пурдью в Соединенных Штатах. Студенты установили на карты полутораскоростные моторы от газонокосилок, форсированные до 3,5 л. с. Победитель первого «Гран при» пропел восемьдесятимильную трассу за 2 часа 40 минут (средняя скорость 30 миль в час).

В нашей стране первые соревнования на самодельных картах были проведены в мае 1961 года на велотреке латышского города Вентспилса. На старт выплыли пятнадцать гонщиков — больше машин тогда в стране не было.

В то же самое время первый карт был построен и в экспериментальной лаборатории микроАВТОМобилей курского Дворца пионеров. Руководителем этой лаборатории Алью Кононову суждено будет стать основоположником советского картинга.

Еще в студенческие годы в Харькове Кононов познакомился со знаменитым конструктором гоночных автомобилей — рекордсменом страны Владимиром Никитиным. В лаборатории Никитина Кононов участвует в создании автомобиля «ХАДИ-1» и устанавливает на нем два республиканских рекорда скорости на дистанциях один и пять километров.

По окончании института Кононов возвращается домой, в Курск, работает главным инженером автозавода, но однажды оставляет эту солидную должность ради того, чтобы руководить во Дворце пионеров экспериментальной лабораторией микроАВТОМобилей (ЭЛАМ) — лабораторией, которой тогда еще не было, которую ему предстояло создать.

Вскоре журнал «За рулем» рассказал о картинге, и юные конструкторы из ЭЛАМ решили немедленно строить такие машины. Но в то время карты делались только для взрослых. Поэтому курские школьники решили сконструировать карты, на которых могли бы ездить сами. В апреле 1961 года энтузиасты уже испытывали свой первый карт.

И в 1963 году, на первых всесоюзных соревнованиях среди школьников, гонщики из курского Дворца пионеров были первыми (Владимир Лыткин в классе машин с объемом двигателя до 50 куб. см., Слава Кузнецов в классе машин с объемом двигателя до 125 куб. см.). Через год семнадцатилетний Лыткин уже победил в чемпионате страны среди взрослых, а еще трое воспитанников Кононова вошли в сборную страны.

В шестьдесят пятом году, когда я училась в шестом классе, я впервые увидела гонки на картах. Мальчишки, чуть старше меня и мои ровесники, так лихо управляли этими маленькими автомобилями, что я тут же захотела сама ездить на них. Я проバラлась в предстартовую зону, подошла к одному из гонщиков — он был ржавый, и тем мне понравился — и вежливо спросила:

— Мальчик, скажи, пожалуйста, где находится ваша секция?

— А тебе зачем?

— Тоже ездить хочу.

Изменила меня надменным взглядом, он гордо нашел шлем и прошел сквозь зубы:

— Иди играй в «дочки-матери». Баб нам еще не хватало!

На следующий день, едва дождавшись звонка с последнего урока, я помчалась во Дворец пионеров, в ЭЛАМ. Ребята рассматривали меня с интересом. Потом я шла по мастерским, в мою сторону ссыпалась насмешки и пугачки. Ведь здесь было у них мужское царство. Вся малиновая, я подошла к Льву Сергеевичу Кононову и попросила записать меня в секцию. Он тоже поблеснул, но по-доброму, и записал меня в журнал. А мальчишки тут же придумали мне прозвище. С этого дня я стала Мухой.

Прежде чем сесть за руль спортивной машины, мы, новички, проходили своеобразные курсы. Лев Сергеевич читал нам лекции о строении двигателя, о принципе его работы, об устройстве карта. Потом учились ездить на «учебке» — на специальному учебном карте. И, наконец, пришли на экзамен, чтобы получить лицензию — документ, разрешающий участвовать в соревнованиях. Я не сумела пройти трассу за положенное время и чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. В тот день мне исполнилось тридцать лет, и это был самый грустный мой день рождения.

На следующий день те, кто получил лицензию, соревновались между собой. Сначала я решила неходить на эти соревнования. Но утром, когда все в доме еще спали, я встала, оделась и тихонько выскользнула за дверь. И пошла на трассу. Выбрала самую далекую скамейку, села на нее и стала ждать. Подъехал наш ржавый ГАЗ-51 — напротив «рыжухи» — из него высыпали ребята, выпалили «учебку». Чтобы слезы не наворачивались на глаза, я жевала конфеты. Лев Сергеевич сразу заметил меня, подошел.

— Ну что? Пришла, Сюзанна?

Тут-то он рассказал мне, как недавно, обставив всех мужчин, чемпионат мира выиграла единственная в мире женщина-картингистка Сюзанна Роганелли.

Я во весь дух помчалась к машине и в первой же гонке показала третий результат. Мальчишки, которым тоже было немножко жалко меня, радовались вместе со мной.

Теперь у меня появился свой «полтинник» — пятидесятитуобовый карт, который я буду готовить к соревнованиям и ездить на нем. Целыми вечерами до

самого закрытия я буду пропадать в ЭЛМА, а мама будет говорить:

— Еще одна тройка, и ты забудешь про свои тележки.

Меня включили в состав команды для участия в чемпионате Советского Союза. Это впечатлило родителей, и отец взялся помочь мне. Каждое утро ровно в пять мы вытаскивали из гаража мой маленький карт, цепляли его к «Москвичу» и уезжали на окраину Курска. Тренировались на асфальтированной площадке строящегося клаудица. До автоматизма отрабатывали старты. Я учились ездить и в дождь и в жару, пускать машину на «юз». По вечерам работали в лаборатории: я — с ходовой частью машины, отец — с двигателем.

На семейном совете было решено, что пускать меня одну в далекий Таллин небезопасно, и отец тоже поехал туда — в качестве моего механика.

Я ехала на свой первый «Союз» с Володей Лыткиным, Колей Гончаровым, Володей Трубниковым. Тогда они уже были асами картинга и моими кумирами. Будучи наимного старше меня, они выступали, естественно, среди взрослых. А вместе со мной в «полтинниках» тогда ездили Леня Червиков и Славик Чуваков. Как-то после гонок, когда я финишировала раньше Чувакова, он подошел ко мне и заявил:

— Думашь, не обидно? Я сам все делаю, а тебе отец машину готовит. Вот ты и ездишь лучше.

Славик, который на два года старше меня, вскоре стал выступать в другой возрастной группе, и на трассе мы больше не встречались. Но он стал одним из сильнейших картингистов страны. Два раза завоевывал звание чемпиона Союза и России, выступил на международных соревнованиях в составе сборной страны. Я всегда с восхищением смотрела на него, когда он выезжал на трассу. Он не ездил по дорожке, а кружил вальс, красиво и точно «облизывая» каждый поворот. Его машина так стояла на дорожке, будто не существует силы инерции. Ни малейшего напряжения в посадке. Он легко и свободно вел свою карту по трассе на максимальной скорости.

Таллин встретил нас нудным дождем. Тогда, в шестьдесят шестом году, в самом младшем классе машин — пятнадцатикубовках — разрешалось выступать юношам до 18 лет. Все мои соперники казались мне необыкновенно взрослыми, и мне было странно соревноваться с такими «большими юдзями». После же зеребьевки стартовых мест отец подвел меня к кому-то верзиле и сказал:

— Познакомись, это Саша! Ты стартуешь со второго ряда, стоишь прямо за ним.

— А ты хорошо берешь старты? — поинтересовалась я.

Он посмотрел на меня сверху вниз, засмеялся и сказал, чтобы я не беспокоилась, — все будет о'кей.

Как только дали старт, я сразу же оказалась «на голове» у Саши. Надеясь на его «о'кей», я не смотрела на него. Моя глаза были устремлены только на светофор. Старт! Мгновенно отпускаю сцепление, выжимаю газ, и моя карт взгромождается на его карт. Оказалось, что у меня реакция лучше. Несколько метров мы ехали в таком положении, пока он не выскользнул из-под меня.

Я выжимала из своего «полтинника» все, что могла. На выражах меня заносило, я в кого-то врезалась, меня тоже толкали слади. Ничего не соображая, я мчалась вперед. И только когда ребята, отец, тренер, зрители стали поздравлять меня, я узнала, что финишировала третьей. Впереди было еще два заезда.

Перед вторым стартом пошел сильный дождь. В

сухую погоду ездить легче, а в дождь все промахи обважаются. Стоит только дотронуться до тормозной педали, как машину несет невесть куда. И меня понесло... Я заехала в глубокую лужу, вода залила свечу. И зависла двигатель, я уже не смогла. Но в последнем заезде я опять финишировала третьей и в итоге вошла в десятку сильнейших картингистов Союза.

Эстонский комитет ДОСААФ вручил мне диплом: «Единственный девочка-картингист». А местные болельщики подарили мне большую куклу в национальном наряде. Я еще много раз буду приезжать в Таллин на всесезонные юношеские соревнования, и он станет для меня счастливым городом.

Все мои таллинские гонки были удивительно похожи одна на другую. Сразу после старта я уходила вперед и финишировала в «одиночестве», почти без борьбы. Многих обходила на круг. Правда, однажды местные болельщики решили «помочь» своему гонщику. Приближалась к одному из виражей, я увидела, что в меня летят увесистый морской булыжник. Соревнования проходили на одном из участков знаменитой трассы «Пирита», прямо на берегу моря. Я резко затормозила, и камень ударился о правое колесо. Несколько юнцов, стоявших недалеко, что-то кричали мне. Когда я остановилась, еще двое наклонились за таким же камнем. Оглянувшись, меня догонял таллинский гонщик. Я специально подождала, когда он поравняется со мной, чтобы защитить себя от каменного града. Мы вместе вошли в вираж: я по внутренней бровке, он по внешней. Увидев, что я совсем рядом, он решил во что бы то ни стало обогнать меня, развел скорость большую, чем позволял виоров, и скользил с трассы. Больше никто меня не преследовал. У старт-финиша я еще раз позволила себе остановиться и крикнула нашим ребятам, что на дальнем вираже бросаются булыжниками. Они побежали туда, а я через нескользкую круговую благополучно пересекла первую финишную линию.

А отец после первой поездки в Таллин совсем «зазарился» картингом. Он тоже решил гоняться. Я сначала обрадовалась решению отца. Тогда я еще не знала, что с появлением нового картингиста в семье у меня не станет механика. На «кошках» у отца не пошли дела, он попробовал себя на лыду и, дебютируя на чемпионате Советского Союза, сразу же взял «серебро». Вот тут-то и начались мои горести. С каждым новым медалью отец все больше уходил в работу над «ледовыми» двигателями, все меньше и меньше помогал мне.

У картинга, как и у всех технических видов спорта, есть одна особенность. Выигрывает только тот спортсмен, который не только умеет хорошо управлять машиной, но и хорошо подготовить свой карт, сделать мощный двигатель. Наверное, поэтому женщины практически и не занимаются картингом.

Я тоже не могла подготовить свою машину самостоятельно — так, чтобы можно было претендовать на победу. Поэтому, когда отец стал выступать в соревнованиях, а делать две машины он был просто не в состоянии, я стала сама учиться работать зубилом, ножковкой, молотком.

Летом шестьдесят седьмого года у нас в Курске проходил мужской чемпионат России. Я была «на подхвате»: между заездами помогала заправлять машины бензином, подавала гаечные ключи. А во время заездов смотрела гонку. Мне всегда нравилось смотреть, как ездят другие. Особенно нравился мне Володя Лыткин. Втайне я его даже боготворила и на трассе старалась во всем ему подражать. В шестом классе мы писали о нем сочинение. Он тогда был у нас знаменитостью. Все мальчишки в городе знали, кто

такой Лыткин. Я в своей тетрадке написала: «Если бы я была взрослой, я бы влюбилась только в него». После сочинения учительница подозвала меня к себе и таинственным шепотом спросила, показывая на тетрадь:

— Наташа, что это значит?..

У Лыткина ярко засияла спортивная судьба. Знаете, как в семнадцать лет он стал чемпионом страны среди взрослых? Шел третий, последний, ретакционный заезд. Сразу после старта Лыткин возглавил гонку лидеров, а к концу первого круга уже значительно оторвался от своих преследователей — опытного эстонского спортсмена Отто Кутсара и москвича Бориса Фалькевича. Неожиданно у машины Лыткина оторвался бензобак — продолжал висеть лишь на одном болте. Остановиться, сойти с трассы — значит пропустить. И Володя продолжает гонку, держка бак одной рукой, а другой управляет картом. Представляете, как трудно было сохранять ему взятый темп? Кутсар и Фалькевич «сели на хвост» Лыткину, пытаясь обойти его. Но Володя все-таки финишировал первым. Никто не мог сохранять такое завидное спокойствие во время гонки. А на трассе его боялись даже те, у кого двигатели были намного мощнее.

Я вела глазами Лыткина по трассе, когда мое внимание вдруг привлек один гонщик. Его карт заглох, но он не убрал его с трассы, а пытался завести прямо на дорожке, чем громко нарушил правила соревнований, создавая аварийную обстановку. Конюнов в тех соревнованиях был главным судьей. Он также заметил нарушение и побежал к гонщику, чтобы убрать его с трассы. Но вдруг тот завел двигатель, в пыль гонки бросился в сиденье и поехал, Конюнов не успел отскочить с дорожки...

Через несколько минут «Скорая помощь» увезла нашего тренера. А соревнования продолжались.

Круглые сутки, сменяя друг друга, дежурили около постели Льва Сергеевича замоны. Наконец, миновал кризис, здоровье его стало улучшаться. И все немногого успокоились. Через несколько дней мы выехали на соревнования в Москву, где совместно с международным этапом на «Кубок дружбы» социалистических стран проводились и юношеские соревнования. Для Лыткина это была не самая удачная гонка — он занял на «Кубке дружбы» лишь третье место.

А я в двух первых заездах лидировала. Я тогда хорошо брала старты. Лев Сергеевич говорил, что хороший старт — залог победы. Если проиграть старт, то догонять гораздо сложнее, особенно если у твоих соперников двигатели не хуже. И в этой гонке я сразу вырвалась вперед, а потом мой соперники уже ничего не могли сделать, хотя все время висели у меня «на хвосте». А в третьем заезде я все-таки проскальзала старта и попала в заблуд. Какой-то «гаврик» умудрился правыми колесами проехать не только по моему двигателю, сбив со свечи колпачок, но и оставить след даже на моем шлеме. Пока я заводила заглохший двигатель, лидер заезда Ильмар Европии обошел меня на целый круг. В итоге по сумме трех заездов я получила третье место.

И в Курске, да и во всех других городах у меня всегда было очень много болельщиков. Очевидно, всем правило, что девчонка не хочет уступать ребятам. И на этот раз болельщики бросились ко мне, дарили цветы, тормозили... Но подошел отец и сказал:

— Отойдите, у нас несчастье.

А мне сказал тихо:

— Пришла телеграмма. Умер Конюнов.

На кладбище я впервые увидела, как плачет отец. Да и никто не мог сдержать слез. Казалось, что вместе со Львом Сергеевичем мы хороним наш картинг,

что без него не будет больше нашей ЭЛМА. Когда о крышки гроба ударились первые комья земли, я не выдержала и убежала с кладбища.

Каждый год в Курске проводится мемориал Конюнова. На одном из лучших наших картодромов, построенным по его чертежам, сильнейшие картингисты страны демонстрируют свое мастерство.

Самая дорогая, самая священная моя награда — это шлем с серебряной надписью: «Приз имени А. С. Конюнова». Этот приз впервые разыгрывался в семидесятом году, тогда я его и выиграла.

Еще до начала заездов я настроила себя, что этот приз должен быть моим. Я уносилась со старта вперед и не видела, кто был сзади что там происходило. В той гонке куряне просто не могли, не имели права проиграть, и мы не проиграли. Володя Иванченко стал победителем в «полтинниках», я в «стодвадцатиятках».

Вскоре отец мне сказал: «Больше я тебе помогать не буду, сама ты форсировать двигатель не умеешь, поэтому картинг придется бросить». Той весной я заканчивала десятый класс. Предстояло поступать в институт, надо было серьезно готовиться к экзаменам. Отец говорил: «Если мужчина сломает ногу или свернет нос, он еще сможет устроить свою жизнь, женщина это сделает гораздо труднее». Я поняла, что он просто боится за меня. Из юношеского картинга я уже переходила в мужской, а там скорости выше и больше опасности. Он, будучи сам спортсменом, не мог мне просто сказать: «Брось картинг, я тебя запрещаю ездить». Он хотел, чтобы я ушла сама...

Но вместо того, чтобы готовиться к экзаменам в университет — я уже давно решила поступать в Воронежский университет на отделение журналистики филадельфии, — стала готовиться... к чемпионату Российской Федерации. Ходовую часть машины перебирала сама, а форсированием движка занимался мой новый тренер — Олег Иванович Шаев.

И вот мы в Краснодаре. Первое знакомство с трассой на тренировочных заездах, не обрадовало. Сложная, крученая дорожка (аппендицит) сама по себе требовала немало умения, а тут еще плохое очищенный от песка и пыли асфальт и невиновинская жара. Термометр показывал тридцать два градуса в тени.

В контрольных заездах я показала лучшее время и немного успокоила. Ближайшим моим соперником был Владимир Виноградов из Краснодара.

— На старт — юноши класса сто двадцать пять кубических сантиметров! — объявляет судья на выпуск скле.

Я — одна из этих юношей. Я привыкла, что в картиге ко мне обращаются в мужском роде. А в моих дипломах написано: «Наталья Тодоровой, занявшему...»

Натягиваю на себя кожаную куртку, застегиваю шлем, надеваю перчатки. Ребята подкатывают мою машину к предстартовой зоне. Хлопают меня по плечу. Я знаю, они сейчас будут болеть за меня, а междуда заездами даже не подпустят к машине — сами захватят бензином, устроят любую неисправность.

Судья подает команду, и я выезжаю на старт.

— В полуфинале не топи на половину, береги силы для финала, — успевает крикнуть мой новый тренер.

Справа, слева, сзади меня становятся еще два десятка машин, но я не вижу, кто это. Я смотрю только на светофор. Старт!

На первом же круге чувствую, что с движком Олег Иванович действительно постарался. Чуть дотронешься до педали газа, машина как из пушки стреляет. Тренировок было мало, и я не успела привыкнуть к новому двигателю. Теперь чувствую, что «мотает». Трудно удерживать карт, чтобы не выносился из виража. Но я не тороплюсь. Иду третьей. Впереди еще

одиннадцать кругов. Задача-максимум — пройти второй, чтобы в финале занять место на старте в первом ряду. И я ее выполняю.

В закрытом парке встречают наши. Первым подбегает Лыткин.

— Ну, как — пашет?

— Еще бы! Думаю, как бы не «суететь».

— Держись, Муха, чай, за команду идешь. — Колюха Гончаров раскрыл ящик с инструментом. — Шас сделаем — все на мази будет. Володя, давай-ка с твоей машиной «дампа».

Они меняют мне резину, чтобы машина лучше держала дорожку. Дедуля, так мы зовем нашего шоффера и сварщика Гену Диденко, заливает бензин в бак.

Но вот все готово, и я опять на старте. Слева от меня Виноградов — один из претендентов на победу. Его лицо наполовину закрыто платком, но руки, лихорадочно скжимающие руль, я вижу. Володя нервничает. А я, как никогда, спокойна. Даже сама удивляюсь. Зажигается табло: до старта 30 секунд. Включено передачу и с ужасом замечаю, что машина ползет вперед. Ведет сцепление. До старта 10 секунд. Едва рукой упираюсь в асфальт, удергиваю карту с места. Мотор ревет на самой высокой ноте... Старт!

Лавина ревущих машин сорвалась с места и потекла по трассе. Мне сразу не повезло: на третьем вираже почучивались сильный толчок в левый бок, и мой карт встал на два колеса. Вырнувшись приyclыка автоматически выжимая сцепление. Двигатель не заглох, я оттолкнулась рукой от земли, встала на четверть колеса, но несколько человек уже пронеслись мимо.

На следующем круге судья показал мне черный флаг. Значит, я все-таки сделала фальстарт и теперь, по правилам соревнований, останавливается и лишь после этого продолжает гонку. Опять потерянно драгоценное время. Тенер нужно «топнить». Обхожу одного, второго, третьего. Вираж. Еще один. Еще двое позади, потом еще. Чувствую превосходство моего двигателя. Выхожу из виража на длинную прямую. Впереди меня краснодарец. Тренер показывает на пальцах, что я четвертая, — значит, он третий. До конца заезда полтора круга. Нужно брать бронзу. И я выхимала педали газа до упора. Наши машины идут колесо в колесо, моторы поют на одной ноте. Впереди крутой вираж. Кто-то из нас в него не впишется. Я иду по внешней бровке, и у меня больные шансы «клетутся». До виража считанные метры, но я не убираю ногу с газа. Или бронза, или ничего. Первым затормозит тот, у кого слабее нервы. И он затормозил. Я на полмашины вырвалась вперед и первой вошла в вираж. Моя соперница все-таки не вписалась в поворот и «улетела» в кусты.

Впереди еще двое. Так легко обошла одного, словно это был «чайник», отставший на круг. Приближаюсь к машине под номером «15». Не понимаю, почему там неистово кричат и машут руками болельщики. Да ведь это же Виноградов, лидер гонки и их земляки! Я догоняю его. Виноградов пытается делать раскачивющиеся движения телом, как бы помогая своему мотору. Судья на финишне выбрасывает флаг: «Лидер пошел на последний круг». Лидер теперь уже я.

Следующий вираж, за которым еще один — самый коварный, который из-за кустарника совсем не просматривается. И вдруг... Прямо на середине дорожки около карта стоит парень. Вердикт, его машина заглохла, и он только вылез из нее. Увидев меня, он бросил карт и побежал к газону. Все случилось в считанные секунды. Он оказался как раз в той «дырке» между картом и газоном, через которую я хотела проскочить. Меня несло прямо на него. Кругой рывок рулем вправо — и я в кюлю кустарнике. Через не-

сколько мгновений я опять была на дорожке, но Виноградов успел проскочить прямо перед моим носом. Этих мгновений ему было достаточно, чтобы оторваться от меня на несколько десятков метров.

Я плохо видела финишную линию, флаг в клеточку, судью — ревела от обиды и досады. Что мне это «серебро»? Ведь я хотела уйти из картины чемпионкой. Сразу из Краснодара мне нужно было ехать в Воронеж, сдавать испытательные экзамены. В случае поступления это моя последняя гонка — там, в Воронеже, нет картины.

Поехала в Воронеж. Мне так не хотелось расставаться с нашей ЭЛМА, пропахшей железом и бензином, с мальчишками, немножко грубыми, но добрыми. Я написала сочинение, получила за него 4 балла, испугалась, что поступлю, и остальные экзамены решала не сдавать. Родители на курорт дала телеграмму: «По английскому шайба, поехала домой».

Только через несколько месяцев, когда мама, расстроенная моим «пропалом», решила найти мне репетитора по английскому языку, я призналась, что на экзамене просто не пошла и никакой двойки не было.

Спортивный сезон уже закончился. А следующим летом семейные обстоятельства сложились так, что в карте больше не села. Я уехала вскоре на Дальний Восток. Жила в небольшом городке на озере Ханка — Спасске-Дальнем. О картины там знали только по наслышке. И никто из моих новых знакомых ни разу не видел ни карта, ни наших соревнований.

Потом я снова вернулась в Курск. Прошло три года с тех пор, как я выступила в последней своей гонке. Занялась было судейством... Но весной этого года я опять решила сесть в карт. Шаев встретил мое решение скептически, но машину все-таки дал. Правда, на двоих с девятнадцатницей Таней, которая была новичком в картины, участвовала только в одних соревнованиях. Мы должны были вместе подготовить машину и вместе выступать на ней: она среди юношей, я среди мужчин.

К моему удивлению и восторгу, мама поддержала мое возвращение в картины. Она тут же «по-супружески» поговорила с отцом, он побещдал мне помочь подготовить машину. Но прошел день, другой — у него «не хватало времени»...

Мы с Таней взялись за дело сами. Поставили на карт недостающие детали. Ребята помогали вырубить кронштейн для бензонасоса, выточены патрубок под карбюратор, заварили выхлопную трубу.

Мы поставили на карт совершенно стандартный двигатель. Он был безусловно слаб, и о победе не могло быть и речи. Я хотела поездить просто для себя. Тем более что это было мое первое выступление среди мужчин. Когда до гонок осталась одна ночь, машина была готова. Отец пришел в ЭЛМА, осмотрел ее, и наша упрощенно сломил его. Весь вечер он проводился у карта, устраивая наши «споли», отрегулировал двигатель.

Вместе со мной на старт вышли новые асы, которые выросли в картины уже без меня: Анатолий Порожской, Пётр Бушланов, Владимир Иванченко.

Как изменился картины! Значительно увеличилась мощность двигателей, возросли скорости, изменились сами машины. Глядя, как на огромной скорости мимо проносились Бушланов, Иванченко и Порожской, как легко и красиво, почти не отрываясь друг от друга, входили они в виражи, я подумала, что если раньше картины считали первой ступенькой перед большим автомобильным спортом, то сегодняшний картины — уже большой спорт.

Я шла плохо. Просыпалась старты. Пожалуй, у всех участников двигателем были сильнее, и мне на моей

«лохматке» трудно было тягаться с ними. Сразу после старта первая пятерка оторвалась далеко от основной группы, а к концу заседа даже «достала» всех на круг. Я была среди отставших «чайников».

Как только я «саднилась» кому-то на хвост», выходя на прямую, тот гонщик легко уходил от меня, пользуясь преимуществом двигателя. Я ничего не могла сделать, и это меня ужасно злило. И решила выкручиваться на виражах. Подходя к повороту, я, например, замечала, что мои соперники начинают тормозить слишком рано, значит, на тормозном пути можно выиграть. Потихоньку продолжалась вперед. Вот гонщик, которого я не могу обойти уже два круга. Терпя, мне уже нечего — можешь рискнуть. На вираже подожду к нему с внешней стороны и «режу». Моя машина становится почти поперек дорожки, он не успевает затормозить, ударяет о переднее колесо, самортизировав, пересекает через меня, раз-

вернувшись на 180 градусов. Ого! Вот и еще один сзади. Хоть и не ас, но все-таки мужчина. Танюха, она сегодня мой механик, показывает, что я иду седьмым. Не ожидала такой прыти от своей «лохматки». Может быть, влезу в десятку?

До финиша оставалось всего два круга, когда мой двигатель безнадежно заглох...

Судья-комментатор объявил победителя. Им стал восемнадцатилетний Владимир Иванченко. А для меня он навсегда останется Вовчиком, которого я учила ездить на нашей кониновской «кубеке». Пока меня не было в картине, он стал мастером спорта. Четыре года подряд ему не было равных среди юношеских республик. В 1973 и 1974 годах он побеждал в чемпионатах страны, причем в одном из них — сразу в двух классах машин.

Я смотрела, как его качают зрители, и завидовала — мне предстоит начинать все сначала.

Людмила ТИТОВА

ТАМ, В ИНСБРУКЕ

Уже второй раз за последние двенадцать лет алпийский Инсбрук принимает Белую Олимпиаду. Тогда, в 1964-м, лед Инсбрука оказался счастливым для Лидии Скобликовой, собравшей невыполнимую коллекцию из четырех золотых медалей. И, вспоминая об этом рекорде, который можно только повторить, но превзойти невозможно, спрашивашь себя: «А как теперь выступим мы, спортсмены 70-х годов? Что нас ждет там, в Инсбруке?»

Я собираюсь на свою третью Олимпиаду и, естественно, очень волнуюсь. Мне говорят: «Ты опытная, что тебе беспокойся. Ты все знаешь». Но ведь чем опытнее спортсмен, тем больше он волнуется. У него просто-напросто остается все меньше попыток...

Справившись опущением перед Греноблем, Саппоро и Инсбруком. В 1968 году я мало волновалась. С меня, дебютантки, спрос был невелик. Вместе со мной выступали великие спортсменки — Скобликова, Стенина, на спринтерском небосклоне сверкала ярчайшая звезда Татьяны Сидоровой, выигравшей перед Олимпиадой 19 стартов подряд и не оставлявшей, казалось, нам никаких шансов на победу... И все напоминали Сидоровой: «Ты должна победить! Обязана!» Таня надо бы на борьбу настраиваться, а она думала: «А вдруг проиграю?». И проиграла... Ругать ее особенно не ругали, ибо золотая медаль все равно в нашу страну уехала — ее завоевала. После пятышочки мне еще одну награду удалось выиграть — серебряную на дистанции 1000 метров. Итак, дебют и победа.

Через четыре года мы летели в Саппоро в хорошем настроении — команда у нас была отличная. Для последних гонок я уверенно побеждала в спринте, а Нина Стакевич в многоборье и на стайерских дистанциях. Один из тренеров сборной даже посчитал, что мы завоюем все четыре золотые медали... Лед «Мака-манис» оказался горьким: в спринте серебро досталось Вере Красновой, а я, как написали в одной га-

зете, «довольствовалась» бронзовыми медалями (я не могла, конечно, этим довольствоваться, но, увы, так случилось). На тысячеметровке я заняла четвертое место... Странная закономерность наметилась в четырех моих олимпийских стартах: в первом — золото, во втором — серебро, в третьем — бронза, в четвертом — четвертое место...

Но я не хочу смиряться с этой закономерностью и надеюсь в Инсбруке нарушить ее. Иначе не стояло возвращаться на лед после рождения сына. Лишько свой дневник: «19 января 1973 года. В Давосе американка Шейла Янг пробежала 500 метров за 41,8 секунды. Еще в 1950 году она могла быть рекордменкой мира... среди мужчин». Тогда я готовилась стать матерью и говорила себе: «Твой лучший результат на пятышотке 43,85, на две секунды хуже рекорда Янг... А как ты побежишь после рождения сына?» (Почему-то я была твердо уверена, что родится сын!)

Но я начертила десятки графиков, все проанализировала, все посчитала и решила: могу, сумею выйти на скорость, подвластные американке. Возвращаюсь!

На спринтерском чемпионате СССР в марте 1975 года я установила личный рекорд — 42,35 на пятышотке и в 1,24,59 на дистанции тысяча метров (к слову, это второй результат за всю историю конькобежного спорта). И все же это еще не те скорости, которые мне нужны сейчас. Обращаюсь вновь к математике: 1,24,59 делю на два, тысячу раскладываю на две пятышотки — и что же получается? 42,295! Это результат лучше моего абсолютного рекорда на пятышотке. Значит, у меня есть резерв, запас, неиспользованные возможности. Следовательно, есть на что надеяться. И на отборочных состязаниях я там, в Инсбруке... если прорвусь в команду...

Три последние гонки у советских конькобежцев есть безусловный лидер — Татьяна Аверина, 25-летняя горькожданка — обладательница пяти мировых рекордов. Однако она не завоевала пока что ни одной золотой медали на чемпионатах мира. Но в Инсбруке Аверина готовится выступить на всех четырех дистанциях и полна решимости взять на олимпийском льду убедительный реванш за все осечки.

Состав олимпийской команды будет назван в конце января, а сейчас все мы называемся «кандидатами в сборную»: и Татьяна Аверина, и Нина Стакевич, и Вера Краснова, и Любовь Садникова, и Валентина Комарова, и Людмила Елисеева, и я.

Там, в Инсбруке, согласно логике, математике и высшей справедливости, кого-то из нас ждет победа. Кого? Если бы знать!..

Рисунок В. РОЖНЕВА.

Что такое Мышкин? А мы и сами не знали. Пока не связались с этим музеем. Правда, мы всегда были твердо уверены, что город наш исключительный.

Почем так? А где еще вы найдете такую чистую Волгу и такую серебряную Юхту? Где так близко к городку подошел сосеновый бор? Где пряменские улицы так запросто вписались в холмы, ручейки и овражки? Где еще есть город, где все знают всех? Да-да, по имени-отчеству, со всеми привычками, смешными и серьезными, с родословной до седьмого колена, и в общем «от дна». А? Ну вот то-то...

Да ведь, наконец мы все родились в этом самом Мышкине, а стало быть, любим свой маленький город верной любовью. А от такой любви до деятельности, до познания всерьез рукой подать.

Вернувшись домой после армии и комсомольской стройки, я словно заново увидел Мышкин и остро почувствовал, как хорошо и

Владимир
ГРЕЧУХИН

СЛАВНЫЙ ГОРОД МЫШКИН

своебразен городок и как он на редкость нем. И я решил, что ему не хватает музея, чтобы складно и не скучно рассказывать о себе.

Музей делать труднее, чем вести кирпичную кладку,— это я сознавал. Но еще яснее сознавал, что отказаться от этой затеи уже не могу.

Но с чего начать? Как с чего? Армия и комсомольская стройка толково учили: с кардового вопроса. Кадры эти гоняли мяч по дворам, торчали у танцплощадки — в общем, были под руками.

Я два раза прошел по Мышкину найденное старинное ружье, не заворачивая его ни в бумагу, ни в матерюк. Кадры примечали. С значительным видом извлекали из кармана медаль красной мели с ладони величиной в спичницу, не используются ли у них для разных «хозяйственных» дел такие штуки. Кадры вдумывались. Предлагал собрать надежных людей, чтобы поискать клад. Кадры реагировали.

Так, летом 1966 года мне уда-

лось собрать ребят, готовых делать музей для города. Райисполком заметил нашу «серебряную» организацию и признал ее «дворе-юре». Мы прияли это как должное. Мис с самого начала не со-мневались, что делаем самое что ни на есть государственное дело. Ведь надо было узнать наконец, что же такое наш Мышкин! Ну и рассказать об этом.

Выяснилось, что под могучими ло-пухами и береговыми осыпями на улице Фурманова в земле скрыт каменный век со всеми его скрепами, разцами, наконечниками и рубилами, мы недели две ходили горные и счастливые. Еще бы! Мы теперь знали, что Мышкин-то как населенное место не моложе Углича, Ярославля, а то и самой Москвы! И были первооткрывателями, колумбами мышклинскими. А мы когда-либо чувствовали, как неплохо быть Колумбом?

И отдал древнего прошлого, за-вивший целую комнату в музее, мы единогласно окрестили «Каменные метрики Мышкина». Сомненно? Против таких «документов» не попрешь! Ну, а ведь музей — это «паспорт» Мышкина.

Музей делает восторженный и увлеченческий народ, которому в основном лет пятнадцать-шестнадцать. Есть и такие, кто уже окончил школу и эту увлеченность, восторженность запялых, поглубже. Но она сохранилась и заставляет по-прежнему проводить в музее часы и дни, заполняя очредную страницу Мышкинского «паспорта».

Наша вера в особенность и исключительность Мышкина полностью подтверждалась. Когда Лена-ка Милюков принес с Юхоти два листовидных изящных копья, это была первая заявка Юхотского книжества на достойное место в экспозиции. В XV—XVI веках Мышкин был столицей. И какой! Последнего удельного книжества на Московской Руси, Юхотчины, владения князей Мстиславских. Есенинские царские фавориты крепко помнили о своем «государстве» и даже на грамотах польскому королю подписывались: «Князь на Юхоти», а то и «Дер-жавец Юхотский».

А с ликвидацией книжества для описи его земель в Мышкин прибыл из Москвы дьяк Кошкин (I) Этот серьезный администратор, в траты времени попусту, счел се-ла и деревни, а «угу покосного, да лесу поворстного напригад» (на глазок). Так он определил местные «границы».

И скажите мне, какой еще рус-ский город своим покровителем и основателем считал не льва, не

медведя, не орла, а скромнейшую мышку? Да и отразил это в гербе! И у нас с почтением перетолко-вывают из века в век, как мышь разбудила князя Мстиславско-го и уберегла его этим от змеи. А он почти это место первой часовней. Так или не так, а мышь сотни лет гордо сидит на гербе нашего города. Она мала, но и город-то невелик, едва пять тысяч жителей.

Однако в 1609 году именно в Мышкине встречались представители шведов и правительства Басилия Шуйского, договариваясь о совместной борьбе противполь- ско-литовской интервенции. Попала городок-малыш на страницу истории Государства Российского. Эта кроха имеет свое место в не-объятной книжке. И он, Россия, стало быть! Не был бы бездельником, ни потозем. Нé-ет! Делом занимался.

Когда Гена Кремец, фотокорреспондент мышклинской газеты «Волжские зори» (каково называли!), представил музею... стоял сло-ея квартирной хозяйки, то не-недело стоя для всех героям. Именно этот стол оказался первым му-зейным экспонатом, рассказывающим о старом лоцманском быте. И мы по крупицам восстановили то давнее время, когда в Мышкине брали лоцманов на всю Волгу.

Интересное, должно быть, было дельце! Лихо, опасное и веселое. Должно быть, наши предки в него влюблялись крепко и навсегда, потому что даже те, кто всерьез разбогател, все равно его не бросали. Даже городские головы ходили по привычке лоцманами. А сторож городской думы во всю мочь гордился с Верхнего бульвара проходящему каравану: «Никаких дел нету-у!»

Много видели наши лоцманы на Волге, Маринке, в Питере. И оттуда несли в свою крохотную «столицу» и новости, и моды, и всякие дива. Даже площадь города замостили по-питерски — в крупную клетку с диагоналями из заметных камней. Строить все лучшее предложили засезим Манфирини и Панкевич, а расписали здания соборов крепостной ху-дожник Медведев с артелью вольных живописцев.

Находя старинные проекты, за-рисовки, описания, мы видим го-родок уже в старину франтоватым, изящным, крохотным, но уютным и по-столичному построенным. Аксаков писал из Милюкина, что город тихий, спокойный, не клаузинский. Есенин ли малый российский город имел такую ат-тестацию?

Или вот еще. Здешние древо-

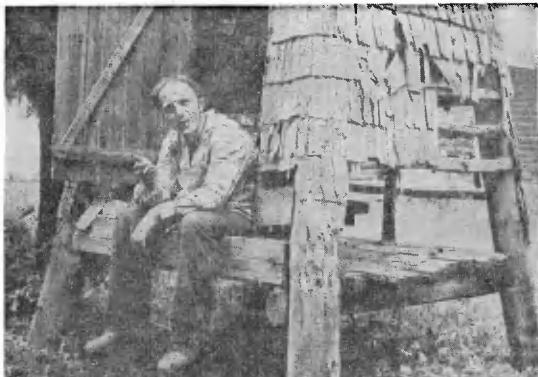
здатцы, мужики Петров и Полтев, привезли в Питер мебель из берес-зовых напалывов. На Всероссий-скую кустарную выставку. И эта мебель была удостоена медали и признана самой художественной. Как не закружиться простой му-жикской головушкой! А тут и пред-ложение последовало: прорыть изде-льца для царской фамилии. Батюшки-святы, как устоять? Но отк-зались, отказали мужики на-чисто: не для продажи, для сво-их утех делаем. А деньги мы заработаем, руки-то у нас свои, не купленные!

У диковинной «медвежьей» мебели, видно, судьба была та-кая — остаться в родных местах и прописаться в нашем музее. Правда, собирали мы ее долго. Однажды поисковая группа при-везла на попутке два столика; по-том целый седьмой класс, меняясь, тащил лесом и болотом крыши-ку стола из деревеньки Осинки; а то и старом сарае в Соколове нашли стул-тряп. Все осталось в родных местах. Ах, эта распре-красная женщина кипящая непрактич-ности...

Да, непрактичность. Лоцманами наши плывали, от щедрых царских рублей отказывались. Гончарами еще были отменными, а делали что? Чуть не половина всего про-изводства в потешных курительных трубках выражалась. И уж там потешные были эти трубочки: то солдатик в фуражке набекрень с трубочкой ухмыляется, то при-казчик сырьи выставляется, то муз-жичок простовато поглыдывает... Какой только славы нет у на-шего Мышкина! Хотите — и по части спорта побащаемся. Первая в губернии международная фут-больная встреча была в Мышкине. И ярославцы в книге о местном спорте это отмечают. Куда тут податься? Было веко!

А среди первых советских спортивных клубов — мышклинский «Гладиатор». И флаг, и герб, и гимн — все славило дело и дни «Гладиатора». Ветераны спорта Углича, Рыбинска, Калазина, Весь-егонска и даже Кимр помнят мышклинских гладиаторов, которы-ми предводителями были сам Буту-сов — тот Бутусов, который стоял у колыбели советского футбола.

Бывало, вечером, растопив в музее печку, я садился против дверцы и, ворота угла, начинал рассказывать о Мышкине. Ребята постепенно подбирались ближе к огню. А за дверями нашей комна-ты — пустые коридоры, лестницы и этажи старинного танцистенного дома, в котором по ночам неведо-мо от чего скрипят половицы. О, что это был за дом, где сперва

Владимиру Гречухину, общественному директору Мышкинского музея, 34 года. Он работает в редакции районной газеты «Волховские зори». В центральном краеведческом музее впервые. Этот снимок сделан во дворе созданного Гречухиным музея.

Внизу — эмблема футбольной команды славного города Мышкина.

разместился музей! Мы знали, что в его стенах проложены альмоходы, какие-то душники, что под нами — полузатопленные сводчатые подвалы, где когда-то жили люди, а сейчас, возможно, живут призраки. В таком доме вольготно рассказывать про те прекрасные страхи, что насобирали ты в свою комотку по разным дорогам.

Город и мы...

Интересно было катить с веселым криком по его улицам только что откощанный старинный жернов. Интересно лазать в подвалах собора, замырая от жуткой темноты и касания паутины. Или вечером, заперев дверь музея, лежать на чердаке. Рука касается старых, сухих перил, вот еще ступенька, еще одна самая крутая лесенка, и, тихо загремев железом, рассаживаемся на крыше. Звезды... Волга... Бакенсы... Где еще есть места красивее и родней?

Листаем страницы нашего «спаспорта»: и имена Тучковых, Волконских, Кутузова, связанные с нашим краем, и мощная здешняя торговля с хлебным низом Волги, и попытка местной интеллигенции сто лет назад открыть в Мышкине журнал — сколь неповторимые приметы местной истории, близкой отныне каждому из нас.

Кстати, о журнале, который должен был называться «Мышкинская библиотека». Почему библиотека? А потому, что наша библиотека была одной из ранних в губернии (1875 г.) и даже основана филиал в Угличе, не имевшем сво-

его «очага знания», а также несколько сельских библиотек, потому что по своему устройству она была «хранилищем книг редких», а начиналась с книг М. И. Кутузова.

И к тому же Мышкинская библиотека в местной типографии Анисимова вела переиздание древних книг («дабы совсем не издачали»). Где еще, в каком уездном городке, вслед за Новиковым раньше нас переиздавали «Правду русскую» и «Судебник»?

Наш славный Мышкин — это и ополченцы 1812 года (Мышкин дал третью по губерниям цифру), и первые красногвардейцы (они сражались с белыми и с зелеными) и не пропустили их бронепоезд к Рыбинску, и первые коммунары (коммуна была основана в по-посовских домах против Никольского собора), и первые советские одиночники (среди них, например, С. А. Милюков, отличившийся в боях с колчаковцами).

Все пиши — мы да мы. А если конкретнее?

Лена Мисников в синеньком пальтишке и нарядных рукавичках, глядя то снизу вверх, то в землю, говорил с отчаянной решимостью: «Учусь во втором классе. Хочу работать с вами. Готов на любое дело». Его признали и поручили вымыть пол.

С тех пор... С тех пор он окончил школу и училище, работает монтажником, и с тех пор он всегда с нами. Широкие плечи, умешечки, и все то же: «Ну чт-

Готов на любое дело». И не было ни одного большого похода или трудного дела без него.

Коля Смирнов изящно хрупок. Мягкий голос и большие очки. Знакомился с нами он так: «Я думаю, вам нужен человек, любящий книги. Таскать кирпичи, доски и железо тоже смогут». И хотя сейчас он уже закончил Литературный институт и обзавелся семьей, по-прежнему помогает нам.

Александр Широков вошел в нашу «республику» сразу как свой. «Свое, казалось, его давно ждающее место. Взрослое имя хорошо шло ему, уже пятикласснику.

Добыть машину, уговорить всех на субботник, достать мешок цемента — такое всегда поручается Александру Широкову. Прямой и резкий, рыцарь суровой мужской справедливости, он всегда за смельческие решения, трудные дела. Сейчас он уже работает шофером, заочно учится в институте.

У нас мало девчонок, компания больше мужская. Мужчины от двенадцати до тридцати лет. Эх, не могу не сказать хотя бы несколько слов о Саньке Шадрикове. Теперь он уже окончил школу, учится на тракториста. По-русски, по-деревенски красив. Слова говорить не торопится, а говорит — так уж откровенно. Любую работу делает без рывка, словно расчитав ее надолго и всерьез. Нащему делу предан без слов и жестов, просто и надежно. Если собираемся в поход и людей нехватка, то наличные Саньки — это уже залог успеха. В шутку говорят: «Он, как трактор, его только не торопи. И все будет!»

Окажешься в наших краях, читатель, завернешь в Мышкин — не покажешься. А забредешь в наш музей, мы тебе такое покажем, что на всю жизнь запомнишь.

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

ДОКСА КОФЕ

Рисунок К. БОРИСОВА.

II услышайте, вам нужен уж?

Я поперхнулся горячим кофе и поднял голову. У моего стола стоял симпатичного вида блондин с короткими ушами и подбитым глазом. Ласково улыбаясь, он протягивал мне руку с намотанным на нее ужком.

— Рубль, — проникновенно глядя мне прямо в глаза, сказал он. — Берите, хороший уж, не поклеваете.

Через плечо блондина была перекинута спортивная сумка, в которой что-то копошилось. Я с удивлением посмотрел по сторонам. Место, где я находился, даже отдаленно не напоминало зоомагазин. За разные рядами столов расположились небольшие компании. Радио, отрываясь скромленный ей пытак, весело обещала увезти кого-то в тундре. В углу, сбившись в стайку, сидели за порядком офицантки. Это было обыкновенное молодежное кафе.

— Так что, берете? — спросил молодой человек, и его короткие уши нетерпеливо покривились.

Чувствуя себя не очень уверенно, я объяснил, что змеи как предмет первой необходимости меня сейчас мало интересуют.

— А что нужно? — оглынувшись по сторонам, почти шепотом спросил блондина.

За соседними столиками насторожились. Я, все еще смущаясь, растолковал молодому человеку, что ничего конкретного не имею в виду.

— Сам не знаешь, чего хочешь! — обиделся ужеторговец и, бормоча себе что-то под нос, отошел к другому столику. Там ужा купили.

Облегченно вздохнув, я потянулся за своей чашкой, но мой кофе был довольно бесцеремонно отодвинут на край стола шахматной доской, владелец которой,

завода шахматные часы, произнес угрожающей скороговоркой:

— Блин! Две — пять! По полтиннику! Идет?

Передо мной сидела давно не чесанная личность в очках. Запахло мускатным орехом.

— Нуу — рявкнул он, нажимая на кнопку часов. — Ходи..

— Я не играю в шахматы, — сказал я.

Личность с минуту молча глядела на меня, затем сложила шахматы и, отходя от стола, мрачно бросила:

— Богу — богово, а слесарю — слесарево.

Пока я переживал случившееся, две очень милые девушки успели занять у меня «до завтра» 17 копеек. Кроме того, мне было предложено купить наборы ручек «Паркер» или «Баллограф», зажигалки всех систем — от бензиновых до электрических, бритвочку, пальянную лампу и массу других, очень нужных в хозяйстве вещей, в том числе живую лису с родословной доберман-пинчера.

Курчавый парень небрежно держал лису под мышкой и долго убеждал меня, что, сколько бы я ни старалась, лучше этого экземпляра ни добермана, ни пинчера мне не сыскать. Когда же я попыталась возражать, он обвинил меня в слабом понимании сущности проблемы защиты животных и отшел в сторону.

Его друг, терпимо ждавший своей очереди, не присаживаясь, медленно разжал руку.

— Я понимаю, что вам не надо, но для подарка, знаете, незаменимая вещь. — На потной ладони очередного собеседника мирно потихоньку маячил механизм от часов. — Это «Докса», — сообщил мне он. — Корпус был золотой. Сдал я его. Золотой, знаете, не всякому по карману, по механизму стоящий.

Я почувствовал, что начинаю плохо понимать, что, собственно,

происходит. Вдруг мое внимание привлекла беседа двух парней и разноцветного вида девушки за соседним столиком.

— Эмбриональное состояние философского предиката,— прикрываясь пиджаком и разливая водку в чашки из-под кофе, убеждал один из них своего соседа по столику,— не позволяет пока еще одинарному субъекту, пусть даже способному, абстрагированию мыслить...

— Ты прав,— грустно перебил его собеседник.— В наш век технического прогресса, когда каждый мыслящий индивидум стремится популяризировать свою знания, а пресса лаконично излагает факты, бросая ретроспективный взгляд и подводя коньюнктурную основу, я предлагаю выпить за то, что данный субъект не является доминирующей субстанцией в комплексе наших опущений.— При последних словах он покосился на меня и чокнулся с девицами.

Приняв обращение «данный субъект» на свой счет и не желая никому доставлять неприятностей, я стал прибираться к выходу. Уже переступив порог кафе, я почувствовал, что кто-то настойчиво дергает меня за пиджак. В проходе между дверьми стоял длинный худой парень. Он поманил меня пальцем и, доверительно наклонившись, сказал:

— Продюю витайные трусы на запахах с фанковым лейблом на лефтовом пакете.

— Что? Что?

Видя мое замешательство, он слизнул до понимания:

— Серость, английского не знаешь. Джинсы белые с клёвой этикеткой на левом кармане нужны?

Я вышел на улицу и внимательно прочитал вывеску над входом. «Кафе молодежное. Открыто с 8 до 23. Перерыв с 18 до 19 часов». Филиалы зоомагазина и магазина «Тысячамелочей» не упоминались.

Нервный тик и головная боль к вечеру прошли, зато ночью мне приснилась лиса в белых джинсах. Улыбаясь, она держала в зубах шахматные фигуры.

Сейчас я состою на учете у районного психиатра и надеюсь вскоре за это получить однокомнатную квартиру. Заблаговременно покупаю всякую хозяйственную утварь. В частности, ищу египетскую кофеварку. Достать ее очень трудно, и я начиняю подумывать, не сходить ли мне еще разок в молодежное кафе.

Надо будет посоветоваться с психиатром.

А. ЮШКОВ

Я —
Федя!

Рисунок И. МАКАРОВА.

После окончания института меня распределили на работу в НИИ. Мой ректор, прощааясь, рыдал у меня на груди.

— Ах у меня никогда больше не будет такого видящегося студента! Ну, ничего, — наконец успокоился он, — встретимся когда-нибудь на научном конгрессе где-нибудь в Женеве. Я уверен!. И мы рассстались.

На второй день работы в НИИ меня вызвал начальник отдела.

— Такие дела, — сказал он. — На овощной базе завал. Надо выручать. Продукт гниет, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Но...

— Надо, Федя, — мягко сказал он, — надо.

— Вася, — поправил я.

— Ну да, ну да, — согласился он, — конечно. Счастливо поработать, Федя...

Через две недели, когда я вернулся с базы, меня снова вызвал начальник отдела.

— Такие, Федя, дела, — сказал он, — наши подшефные строят больницы. Помочь надо, а кого пошлют? Петров в летах, у Сидорова дети, сам понимаешь...

— Понимаю, — вздохнул я.

— Ну и прекрасно, — сказал он. — Через две недели ждем тебя обратно.

После стройки меня не трогали два дня. На третий вызвал начальник отдела.

— Газеты читаешь? — спросил начальник. — В курсе? Какая пора сейчас?

— В курсе, — уныло ответил я. — Уборочная.

— Умница, — похвалил он. — В общем, получай спондекаджу и жми, Федя...

«Вася», — хотел было поправить его я, но моача поехал в колхоз. Женевой не пахло. Пахло картошкой. Надо было что-то предпринимать.

И я решил не возвращаться из колхоза. Устроился там на постоянную работу и впервые почувствовал себя спокойно. Во всяком случае, никуда не пошлют и можно сосредоточиться на чем-нибудь одном.

Месяца через два меня вызвал к себе председатель колхоза.

— У тебя сколько классов? — спросил он.

— Восемь, — не моргнув, сорвал я.

— Это хорошо, — обрадовался он, — это что надо! Тут, поня, такие дела — у шефов совещание такое... научное. Требуют от нас делегата, так сказать, представителя от села... А кого пошлют? Иванов в летах, у Козлова дети, сам понимаешь...

Через неделю я был на межинститутском совещании по науке и технике, через две — на слете ученических в Москве, а через месяц меня снова вызвал председатель колхоза.

— Ты это... — сказал он, — газетки читаешь? В курсе? Что у нас на носу?

— В курсе! — бодро ответил я. — Женевский научный конгресс!

— Но! Никак город не мог запомнить... В общем, получай визу и жми, Вася.

— Федя, — поправил я и вышел.

— Я был уверен! Я был уверен! — приговаривал мой бывший ректор, тиская меня в объятиях на перроне Женевского вокзала.

Я кивал головой и улыбался.

Б. ГУРЕЕВ

Два рассказика

1. Скука

— Х отите, сигарету об языке потушу? — предложил Андрей. — Сломаю!.. На червонец.

У одного нашелся личный червонец... Сигарета вспыхнула и погасла, встревавшись с богатырским языком Андрея. Пропагандист побледнел и полез в карман за десяткой.

— Оставь ее себе, — сказал Андрей. — Я же не из-за денег.

— Арионка — человек принципа. Да, Андрей? — торопливо заговорил приятель Андрея, худой, нескладкий парень. Острый кадник проворно перекатывался по длинной шее. Глаза подернулись дымкой воспоминаний.

— На фонарном стbole два часа на спор просидел! На балконе одиннадцатого этажа отжимался... Стакан трэзь. Вазелин ех... Плодородия на себе вырастил. За птичку волосы в розовый цвет покрасил, потом ту птичку за

рубль скжег, а рубль за две копейки льву в зоопарке скормил. Двумя копейками в Академию наук позвонил и сказал, что снежного человека поймали...

Кадник вплощено посмотрел на Андрея. Тому было скучно.

— А слабо, стоя на руках, стакан водки выпить? — вдруг сказал Андрей и с надеждой посмотрел вокруг.

Все отводили глаза. Было слабо. Кадник засуетился: зреда новая сенсация.

— Давай, Андрюха, покажи им!

Андрей встал на руки, с натужной глоткой выпил водку. Стало шумно. Компания повеселела. Кадник хлопал ладонями и свечилась от счастья. Андрей тоскливо оглянулся по сторонам, исцарапался жертвой...

Шел он домой один. Погода стояла мерзкая, моросил мелкий дождик. Ему было скучно. Могучие силы бродили в нем. Они искали точки приложения. Но на обед из динозавра он опоздал родиться, а машину времени еще не изобрели... Сама тоска висела над ним серой сеткой холодного дождя. Андрей встал на руки, но идти почему-то не хотелось. Вокруг не было ни души...

Постою еще немного вверх ногами, Андрей вернулся в нормальное положение, тяжело вздохнул и, сгорбившись, побрел к дому, голова перед собой спичечный коробок.

рубля. Что я, бедный, что ли? А человеку радость. Рубль к рулю, — гляньши, гарнитур приобретет, телевизор цветной!.. Ему надо, зарплата-то маленькая, да и семья, дети... Подумаешь, рубль! Нет, если, конечно, как следует потребовать, отдашь, кинут его тебе в лицо, но уж потом... Себе дороже... Черт с ним, с рублем!.. Даже говорить об этом смешно. Ведь не червонец же...

Недодали червонец.

Вот это уже нехорошо, думаю. Два обеда. С лангетами, с салата-

2. Копеечное дело

Недодали мне копейку. Мелочь, конечно, пустяк. Мне она что? Стакан газировки. Без сиропа. Выпил и забыл. А начни просить копейку — замекают. Обойдусь. Пожертую копейку. С каждого по копейке — голому рубашка. Ноносите на здоровье! Подумашь, копеечка! Ведь не гравенинк же...

Недодали гравенинк.

А, думаю, ерунда! Пирожок с капустой. Съел и забыл. А сдачу будешь требовать, потому к этому привлакву век не подходит. Гравенинк... Стану я из-за такой чепухи первых портить? И себе и людям. Веди не рубль же...

Недодали рубль.

Неприятно, конечно. Это уже белый обед. С первым, со вторым и с третьим. С процентами за обслуживание. Жалко. Но не иди же скандалить из-за несчастного

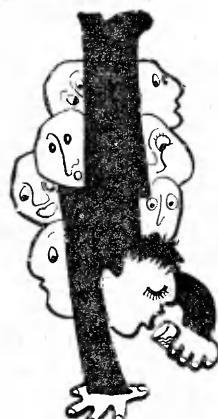
ми, с вином, с девушкой. Официанты суетятся, оркестр играет. Икорки можно взять, шампанского... Такое счастье — не забудешь. А человек, который тебе недодает, уже явно на машину метят, не меньше. Черт те что! Хамство какое!. А с другой стороны, шум поднимать тоже неудобно. Нужно было сразу, а то теперь вон сколько времени прошло. Пришел сдачу требовать. Что же, скажут, раньше молчал? Ладно, бог с ним, с червонцем! Ведь не...

Вдруг смотрю, мне сотню хотят недодать.

Э, нет, говорю, так не пойдет. Это же грабеж, говорю, посреди бела дня. У меня оклад всего сто тридцать. Что же вы в самом деле?

Ах, прости, говорят, промашка вышла. Обсчитались. Вот вам ваши сто рублей. И дают. Все как есть. Чин чинarem. Только копейки не хватает. Мелочь, конечно, пустяк. Мне она что? Стакан газировки. Без сиропа. Выпил и забыл. Да и начни просить — замекают... Себе дороже!

г. Ереван.

Рисунки К. КОРНИЛОВОЙ.

Лауреаты конкурса «Зеленого листка»

Юрии конкурса «Зеленого листка», в состав которого вошли члены редколлегии журнала «Юность», под председательством главного редактора журнала Б. Н. Полевого расмотрело опубликованные в 1975 году произведения молодых авторов в области прозы, поэзии, публицистики, живописи и прикудило:

первую премию (500 руб.) —
Анатолию Тоболяку
за повесть «История одной любви»
в № 1;
вторые премии (по 250 рублей) —
Анатолию Трофимову
за корреспонденцию
«Я — токарь» в № 1;
Борису Кузнецovу,
за статью «Последний бой» в № 1;
третью премию (200 руб.) —
художнику Борису Котляру
за серию обложек журнала;
еще одну третью премию поделили:
Сергей Борисов (стихи в № 1),
Владимир Сидоров (стихи в № 1),
Булат Сулейменов (стихи в № 1).
Лауреаты конкурса
«Зеленого листка»
награждаются Почетными
дипломами.
Редакция сердечно
поздравляет лауреатов
«Зеленого листка»
и желает им новых творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО САТИРИКА

Сегодня вы впервые встретите на страницах «Юности» с работами молодого москвича Евгения Мациевского. Я уверен, что она будет интересна и радостна для вас. Это первая встреча с художником. И для него тоже.

Евгений Олегович Мациевский родился в 1945 году, и, стало быть, ему чуть больше тридцати. Десять из них отданы любви ремеслу — там он начал постигать способы в Московском высшем художественно-промышленном училище (известная «Строгановка»), а потом, окончательно определи了自己的职业道路, мастерской имени И. И. Нивинского.

Но это, так сказать, анкетные данные. Главное в работах Евгения: офортах, рисунках, акварелях, картинах — творчество широкое. Мы убедились в этом, когда, придя в редакцию, развалил он свои огромные папки. В них оказались... веселые московские улицы и переулки, яркие портреты писателей. Крутилось в парне «четвертое колесо», солнечные блики слепили глаза... Но вдруг краски поблекли. Тончайшая паутинка ищущих линий на обоях сплеталась в причудливые узоры романтические юноши играли на экзотических музыкальных инструментах, неслись в городке звуки и притчи.

А из папок появлялись все новые и новые листы. Те, на которых запечатлены образы, навеянные художнику произведениями великого русского сатирика Е. Е. Салтыкова-Щедрина, показались особенно интересными. Евгений Мациевский по-своему увидел давно знакомые нам щедринские типы. Он не просто иллюстрировал сказки и сатирические произведения великого остротой и яростью слова, премил его в острые, гротеско-выпуклые гравюры, где профессиональное мастерство и полет фантазии соединены причудливо.

Щедрина иллюстрировали многие большие художники. Трудно представить иных его произведения, скажем, без рисунков Кунинского. Евгений Мациевский же, увлекшись относясь к традициям, склонившимся в иллюстрировании книг замечательного сатирика, ищет новые средства для изобразительной деятельности. И вот эти иллюстрации, многим удачны, если судить по ставленным иллюстрациям к «Сказкам», «Истории одного города», «За рубежом». Некоторые из них мы воспроизведем на трех страницах обложки этого номера. Здесь как бы миниатюрная выставка работ молодого художника в честь 150-летия со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Алексей Пьянов

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Твоя пятилетка. Передовая	2
Алексей МАРЧУК. Приснился мне город... Документальная новесть	4
Сергей ОВСЯННИКОВ. Звезды. На пороге. Рассказы	37
Василий КОНДРАШОВ. Рыжий — не рыжий... Повесть	44
Валерий ДАШЕВСКИЙ. Инцидент. Рассказ	66

ПОЭЗИЯ

Маргарита КИРИЛОВА. Военкор. Зависть. Бабка. Парус на ветру. Песня. Тони	36
Сергей НОВИКОВ. Плотник. Письма к друзьям. Зима в Ялте. В начале осени	43
Галина БУКАЛОВА. Камчатка — Ленинград. Баллада о моей фотографии. Баллада о синей чашке	86
Николай ПОНОМАРЕВ. Роба. Голубятник. Пастущий рожок. «Волны морская зелена...»	87
Сергей АЛЕКСАНДРОВ. «Забытши тышину, из боя в бой...». «Рыбят тельнишней полосатой...». «Лягуша осенняя нега...»	88
Даниил ЧКОНИЯ. Воспоминание. «А что тебе почкочно приснился?...». «Я знаю, что пройдет и это...». Ночная поезд. Домик перевозчика	89
Оне БАЛОКОНИТЕ. «И вдруг создать Вселенную. И там...». Цирк. «Беселых подсолнухов нету, давно...». Перевод с литовского Е. Храмова	90

КРИТИКА

Анна ДЕХТЬЯРЬ. Сенеж-75. (К нашей вкладке)	65
--	----

Марина КНЯЗЕВА. С чем приходят в страну Поэзию. (Дневник критика)	73
---	----

Владимир ОГНЕВ. Необходимые дополнения	77
--	----

Т. ПИСКУНОВА. Нам, не знавшим войны (Поговорим о прочитанном)	79
---	----

ПИСЬМО ЯНВАРЯ

Любимое дело	80
------------------------	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Виталий ШАРИЯ. Мастер и мастерок	82
--	----

Девушки мира и мир девушек. (Клуб двадцатилетних)	90
---	----

НАУКА И ТЕХНИКА

Людмила ПОРТНЯГИНА. Споры вокруг спор	96
---	----

СПОРТ

Наталья ТОДОРОВА. Одна среди мальчишек	99
--	----

Людмила ТИТОВА. Там, в Инсбруке	104
---	-----

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Владимир ГРЕЧУХИН. Славный город Мытищин	105
--	-----

Денис СПИРИН. Кофе с осадком	108
--	-----

А. ЮШКОВ. Я — Федя!	109
-------------------------------	-----

Б. ГУРЕЕВ. Два рассказчика	110
--------------------------------------	-----

Лауреаты конкурса «Зеленого листка»	111
---	-----

Алексей ПЬЯНОВ. К юбилею великого сатирика	111
--	-----

Главный редактор Б. Н. ПОЛЕВОЙ.	44
Редакционная коллегия: А. Г. АЛЕКСИН, В. И. АМЛИНСКИЙ, В. Н. ГОРЯЕВ, А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ (зам. главного редактора), Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ (отв. секретарь), К. Ш. КУЛИЕВ, Г. А. МЕДЫНСКИЙ, В. Ф. ОГНЕВ, С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.	37
Художественный редактор Ю. А. Цишелевский.	89
Технический редактор Л. К. Зябкина.	73
На 1—4 стр. обложки рисунок О. КОКИНА.	79
Адрес редакции: 101524, ГСП, Москва, К-6. Улица Горького, № 32/1. Телефон редакции: 251-32-83.	82
Рукописи не возвращаются.	96
Сдано в набор 28/XI-1975 г. A 13125. Подп. к печ. 17/XII 1975 г. Формат 84×108/16. 06 листов, 12,18 лист. печ. л. 17,62 уч.-уч.изд. л. Тираж 2 655 000 экз. Изд. № 217. Заказ № 1323.	104
Ордена Ленина и Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.	110

Портрет
М. Е. Салтыкова-Щедрина. 60-е годы.

Из новых иллюстраций
молодого художника
Е. Мациевского
к произведениям
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

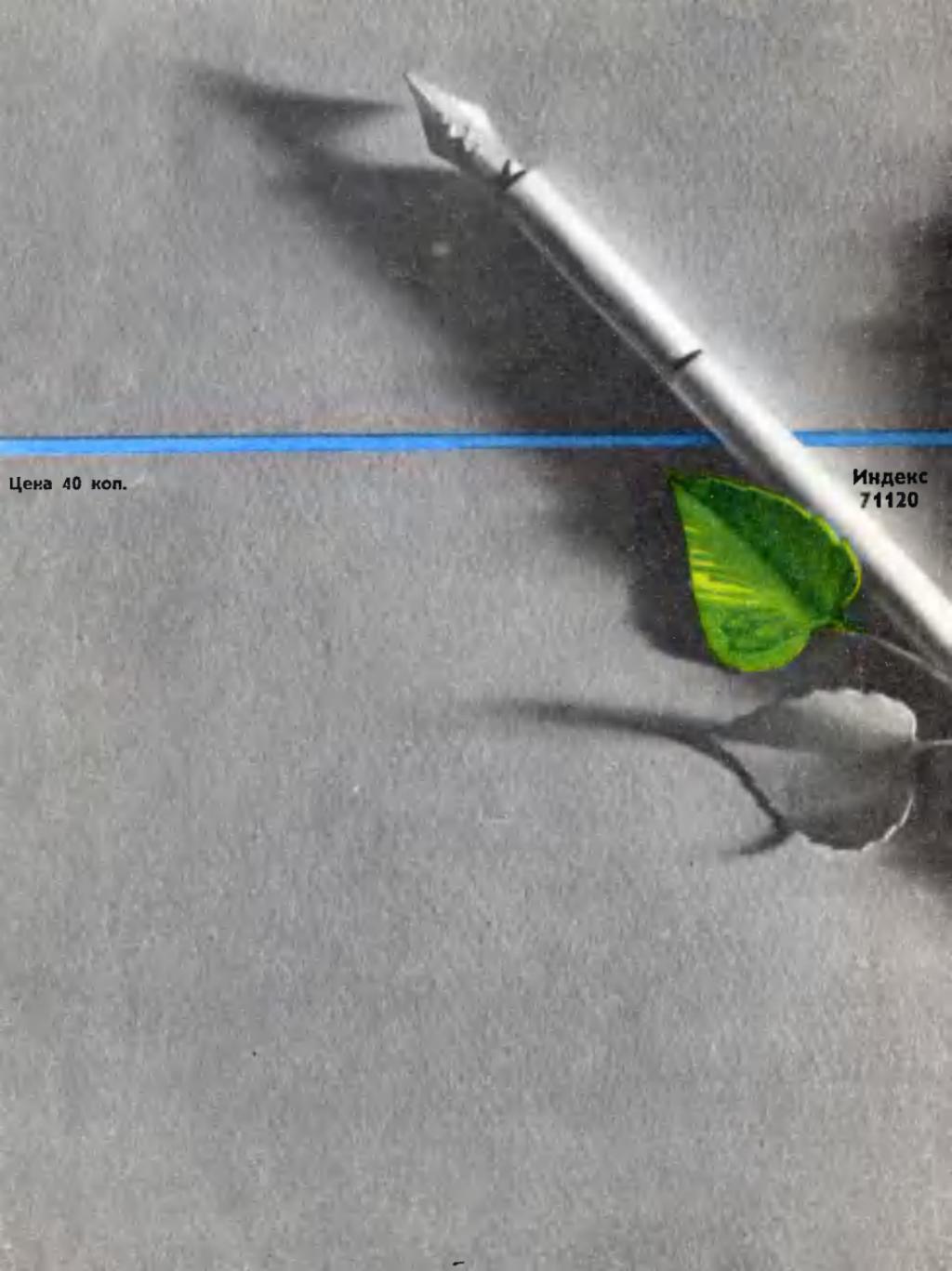

Иллюстрация к сказке
«Игрушечного дела людишки».

Иллюстрация
к «Истории
одного города».

Путешествие
Фердыщенко.

Цена 40 коп.

Индекс
71120